

Константин Утолин

Татьяна Хожина

Иммунитет Вселенной (Путь Знахаря)

12+

Константин Утолин

Иммунитет Вселенной
(Путь Знахаря)

«Автор»

2019

Утолин К. В.

Иммунитет Вселенной (Путь Знахаря) / К. В. Утолин — «Автор»,
2019

Это философский роман в фантастическо-детективной форме (условно это можно назвать философской фантастикой в форме детектива). Роман посвящен истории молодого инопланетного шамана и знахаря, который волей обстоятельств попал в состав космической исследовательской экспедиции землян, задачей которой было выяснить, почему на некоторых земных базах и исследовательских станциях в ряде секторов изучаемого землянами космоса стали происходить события, на первый взгляд выглядящие совершенно случайными, но при более пристальном рассмотрении (а у землян были на то основания) таковыми уже не кажущиеся.

© Утолин К. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Начало Пути. Юность.	6
Глава 2. Начало Пути. Становление.	20
Глава 3. Путь Мастера. Неожиданный гость	37
Глава 4. Дорога к звездам. Основание.	54
Глава 5. Дорога к звездам. Выбор.	65
Глава 6. Среди звезд. Миры окраины – система Ультар.	79
Глава 7. Среди звезд. Миры окраины – система «Зонтик»	104
Глава 8. Среди звезд. Срединные Миры – система Австралия – 1.	121
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Татьяна Хожина, Константин Утолин

Иммунитет Вселенной (Путь Знахаря)

**Посвящается моему сыну Дмитрию, моей жене Елене, маме и брату.
Будьте здоровы и счастливы.**

Также посвящается всем животным:

Домашним – за их безусловную любовь и искреннюю верность

Диким – за то, что они гораздо честнее нас, людей

Благодарность – С. Н. Путилину:

за терпение при общении и те мысли, которые у меня при этом родились

Признательность:

– моему соавтору Татьяне Хожиной:

за искреннее стремление понять мои идеи.

– всем, кто участвовал в написании этой книги:

за ценные советы, правки и замечания.

**«Если бы преобладало всемирное милосердие,
то земля была бы раем, а ад – мифом».**

Чарльз Колтон

Глава 1. Начало Пути. Юность.

Это было очень отчетливое воспоминание.

Хоть и не такое уж давнее, сейчас оно все-равно было похоже на яркий цветной сон.

Кажется, тогда его звали по – другому. За прошедшее время он уже даже почти забыл, как. Слишком привык к своему новому, земному имени. А ведь еще не так давно он даже не знал о существовании Земли. О том, что летает где – то в черном бескрайнем пространстве эта планета, так похожая на его собственный мир. Похожая... И все же совсем другая. Однако его собственное имя оказалось таким похожим на земное, что в итоге и превратилось в земное окончательно. И теперь ему казалось, что так его звали всегда. И даже в нахлынувших вдруг сейчас не понятно почему при взгляде на рассыпанные в черноте космоса мириады звезд детских воспоминаниях он сам был для себя уже Дмитрием. Митей. Митькой...

Отвернувшись от обзорного виома, тот, кто привык уже к земному имени Дмитрий, сел и стал записывать в свой дневник то, как начался его путь к звездам. А началось все со странного больного, которого принес в его дом помогавший ему в его знахарском труде Бернард. Хотя нет... Началось все с похода к избушке деревенской ведуньи...

... «Митя – я... Митька! Да отзовись, наконец! Что ты там делаешь? Домой когда пойдешь?»

Это мать. Сколько он себя помнит, она была строга, даже сурова по виду, но любила его при этом без памяти. О любви этой вслух не говорилось, но она ощущалась во всем – в прищуре строгих глаз, в глубине которых всегда светились тепло и ласка. Трое их было у матери – трое сыновей. Дмитрий – средний. И никто из троих не был обделен этой теплотой материнского взгляда.

И все же маменькиным сынком его никто бы не назвал. Слушаться себя беспрекословно, как иные матери своих детей, она его никогда не заставляла. Чувяла сердцем: настоящий мужчина растет. А значит, надо дать ему почувствовать самостоятельность. Пусть учится идти своим путем. А если придется, и ошибки совершать сам, и отвечать за них тоже, и исправлять их. Она соломки подстилать не будет, даже если изболится материнское сердце. Потому что уважает сына и доверяет ему. Несмотря на то, что ему только – только одиннадцатый годок пошел.

«Дело у меня, мама! Через час буду, не раньше!» – деловито ответил он на материнский зов, и она лишь кивнула головой: «Добро», да и пошла делами по хозяйству заниматься. Всем бы таких матерей!

А дело у него на сей раз и впрямь было важное – важнее не бывает! Быстрым шагом шел он, почти бежал по лесной тропе, не замечая колющих босые ноги сухих травинки и опавшей хвои. И гнал его в путь ни больше ни меньше – зов призвания. И еще – манящее предчувствие Пути.

Сколько он себя помнил, он хотел стать лекарем. Откуда взялось это желание – он и сам не знал. В семье никто этим искусством не владел. И он помалкивал об этом. Не потому, что стыдился. Просто, наверное, боялся сглазить.

И вот теперь настал час начать путь к призванию. То, что час настал, он понял сразу, когда вчера к нему подбежала соседская девчонка Танька (или ее тоже звали как – то по другому?..), и громко зашептала: «Митька, я секрет знаю, хочешь, расскажу!». И потащила его на задний двор, за сараи, чтобы не услышал никто.

Секрет состоял в том, что старуха Митрофаньевна, которая уже лет сто на свете прожила и помирать совсем собралась, вдруг ни с того ни с сего выздоровела, с полатей вскочила, и пошла плясать, как молодая. Но и это еще не все. Она и выглядеть стала моложе! Как будто четверть века с плеч сбросила. И плечи распрямились, морщин на лице поубавилось, и даже

волосы седые снова цвет себе вернули – черной как смоль стала еще совсем недавно седая старуха!

Митька не поверил сначала. И тогда Танька повела его подглядывать за помолодевшей Митрофаньевной.

Та и впрямь была здорова. Она напевала что – то веселое себе под нос и радостно, бодро орудуя лопатой, не зная устали, работала в огороде.

«А знаешь, кто это сделал? – продолжала громко шептать Танька прямо в ухо. – Ну, вылечил ее кто и моложе сделал? Ведунья Пелагея! Она в лесу живет! У нее там избушка стоит на поляне! Вот так если прямо, прямо долго – долго идти, то и придешь!» «Врешь, наверное?» – усомнился Митька. «Не вру! Чем хочешь поклянись! Взрослые говорили, а я все слышала!»

Вот так сама судьба дала Дмитрию знак. И на следующее утро ни свет, ни заря, он бросился в лес, искать таинственную Пелагею.

Воспоминание прерывалось на этом. Как дошел до дома Пелагеи, он не помнил. Помнил только, что бежала за ним следом Танька, кричала: «Не ходи, о ней слухи плохие ходят! Она не только лечит, она и порчу навести может!» Но он лишь отмахнулся, побежал дальше, и Танька вскоре отстала...

Воспоминание возобновлялось, когда он уже стоял возле дома ведуньи, под глухим, без единой щелочки, ее забором, когда нашел – таки маленькую круглую дырочку – след от сучка в доске – и припал к ней как к последней своей надежде. Сначала почудилось – будто ослеп он, так сиял дом Пелагеи, будто золотом сверкал. Потом он понял, что это рассветное солнце так озарило дом. Просто солнце, и все. Но в тот момент казалось, что он попал в сказку, в волшебство, а может, и на небеса, в заоблачный райский мир какой – то. И мир этот звал, манил к себе. Здесь каждый кустик, каждый лист на дереве в саду возле дома, казалось, несет в себе великую тайну. Где – то здесь, рядом, был загадочный вход в другой мир. И ключ от этого входа Дмитрию ох как надо было отыскать...

А потом он увидел и саму Пелагею. Не сразу ее заметил. Маленькая, невзрачная с виду старушка стояла под высокой яблоней и беззвучно шевелила губами, что – то шепча. Будто с деревом разговаривала. «Ворожит», – сразу понял Дмитрий. А старуха неожиданно обернулась и посмотрела прямо на него, будто могла видеть сквозь забор, что он там прячется. Во всяком случае, так ему показалось, будто молнию ее глаза метнули, и прямо в его правый глаз, припавший к дырочке в заборе. Невольно отпрянув, он не выдержал, и бросился прочь. И мерещилось ему, будто вслед бабка шепчет ругательства и пальцем ему грозит...

Весь день он ходил как во сне, все перед глазами стоял сияющий на солнце дом и старуха с глазами – молниями. И ночь всю не спал. А потом решил, что померещился ему взгляд Пелагеи и гнев ее. Не могла она его видеть, значит, и бояться нечего.

Утром, чуть рассвело, переборов страх, снова отправился к дому Пелагеи. Ну и дела – дырочка в заборе была аккуратно залеплена глиной! Не померещился, значит, бабкин взгляд...

Удивительно, но это обстоятельство лишь раззадорило его еще больше. Теперь он точно знал: не отступится. Добьется своего! Хотя чего точно он хотел от Пелагеи – и сам пока сказать не мог.

Крадучись, он пошел вдоль длинного глухого забора. Калитка, глухая и высокая, как и забор, была накрепко закрыта. Обойдя вокруг и зайдя за дом сзади, он сам засмеялся своему неразумению. Нет, чтобы сразу догадаться сюда прийти! Сзади к забору вплотную примыкал лес, высокие мохнатые ели ветвями упирались в доски. И забор здесь был не глухой, как с фасада. Это был обычный редкий частокол. Продираясь сквозь колючие сильные ветки, которые били по щекам и царапали колени и руки, словно намеренно не желая подпускать чужого к дому колдуньи, Дмитрий добрался до потайной калитки, которая, в отличие от парадной, не доставала до земли. Немного не доставала – щель была шириной с две ладони, не больше. Ничего, главное, чтобы голова прошла. Обдирая щеки о песок и землю под калиткой, Дмитрий

медленно и плавно, как уж, стараясь не порвать рубаху, прополз в ведуньин огород. С замиранием сердца, стараясь прятаться за кустами, подкрался к дому, подтянулся снизу к окошку, чтобы хоть одним глазом глянуть, не выдавая себя...

В комнате у старухи горели свечи. Сама старуха стояла среди свечей и делала руками какие – то причудливые движения. Только теперь Дмитрий заметил, что старуха была не одна, перед ней на низкой лавке сидела женщина. Дмитрий узнал ее: это была вечно болезная тетка Люба, которой вся деревня сочувствовала, а иные тайком шептали: «Не жилец она на белом свете». И Пелагея ее лечила! Завороженный огнем свечей, таинственными движениями рук ведуньи, Дмитрий забыл об осторожности. Он и не заметил, что уже, не таясь, смотрит сквозь окошко на происходящее во все глаза.

И тут опять провал в воспоминании. А следующее, что сохранила память – что – то твердое изо всей силы ударило его в лоб, и искры посыпались из глаз. И гневные глаза Пелагеи, мечущие молнии, прямо напротив его глаз. Старуха резко распахнула окно, под которым он таился, рамой поставив ему шишку над правым глазом. Он уже бежал без оглядки прочь, а вслед неслось: «Вот ужо будешь мне подглядывать – уши надеру!» И эхо этого громового голоса: «Ухи – и – и! На – де – ру – у – у!!» еще долго – долго стояло в этих самых подвергающихся непосредственной угрозе несчастных «ухах».

«Откуда шишка?» – спросила мать, бережно касаясь его лба. «Так... – не привыкший врать Дмитрий уперся глазами в землю, – калиткой ударился...» Мать расспрашивать больше не стала, только достала из сундука старинную медную монету: «На, приложи».

Он приложил монету ко лбу, как велела мать, лег прямо на траву возле крыльца, и почувствовал, как холод металла остужает боль, как теплеет монета под его рукой... И тут почудилось ему, что свет идет то ли от монеты, то ли от его ладони, и свет этот растворяет боль, уносит ее, и заполняет голову, неся с собой чистую обновляющую силу... И Пелагея стояла перед его взором, но уже не метала глазами молнии, а улыбалась ему тихо, ласково... Он и не заметил, как уснул, а когда проснулся, Пелагеи не было, а склонилось над ним лицо матери. Мать держала в руках монету, скатившуюся с его лба, и смеялась: «Митька! Да на тебе как на собаке все заживает! Шишка – то где? Нет шишки – то!»

Он коснулся рукой лба – шишки и правда не было... И боли не было, и голова не гудела больше, а словно наполнена была ярким чистым светом, увиденным во сне... Во сне ли?

А потом он встретил у колодца тетку Любу. Та поглядела на него искоса хитрым глазом. А потом легко вскинула на плечи коромысло с двумя полными ведрами и пошла уверенной походкой, как будто и не было груза на плечах. А ведь недавно сама себя еле носила – не то что полные ведра...

После этой встречи ведунья Пелагея и вовсе не шла у него из головы. Он все равно пойдет к ней. И теперь точно знает, зачем. Ему просто необходимо узнать у нее тайны ее ремесла. Научиться ведовству и лекарскому делу... И он добьется этого во что бы то ни стало. И пусть это будет стоить ему еще десяти шишек и даже отодранных ушей.

И снова он подкрадывался к дому Пелагеи через потайную калитку, и снова подсматривал под окном, и снова невесть как подлетавшая к окну Пелагея засаживала ему рамой в лоб, а то и в нос, и снова он спасался бегством, слыша ругательства за спиной, а потом засыпал, прикладывая ладонь к ушибленному месту, и снова свет из ладони лечил, уносил боль, а по пробуждении от ушиба ничего не оставалось. Сколько времени это длилось? Может, три месяца, а может, и все полгода, он точно не помнит. И все это время все шишки и ссадины были ему нипочем – и вопреки всему неведомая сила снова и снова несла его к дому Пелагеи, и не было ему иного пути, и должен он был пройти на этом пути все испытания, какие ни выпадут. Теперь он это знал точно...

Начиналась уже осень, когда он снова пришел к Пелагее. На этот раз решил: последний раз испытывает судьбу. Сейчас – или никогда. Прогонит снова его Пелагея – значит, обманул

его рок, значит, ложный путь истинным прикинулся, и ни к чему более усердствовать в своем заблуждении...

Пелагея ждала его у задней калитки. Словно знала, что именно в этот миг он к ней и явится. А он и не заметил ее, пока продирался сквозь густые еловые ветви. Когда заметил, поздно было: ни слова ни говоря, старуха схватила его за ухо неожиданно сильными пальцами. Хотел было вырваться – да не смог. А она его уже в дом тащила. Дальше сеней, впрочем, не пустила. На лавку швырнула, сама напротив села, глазами – молниями насквозь будто прожгла. Он за ухо горящее и распухшее сразу схватился, а она, глазами зыркать продолжая, сурово бросила: «Чего надо, малец? Чего ходишь, высматриваешь? А ну отвечай! Кто послал?»

«Никто не послал, – превозмогая боль и страх, Дмитрий посмотрел ей прямо в глаза. И неожиданно для себя сказал вдруг то, о чем даже сам с собой вслух сказать не решался: «В ученики возьми! Не уйду, пока учить меня не согласишься!»

«В ученики – и... Ишь чего захотел...», – глаза старухи уже не метали молнии, в них сверкали лукавые искорки. Она неожиданно протянула руку и отвела ладонь Дмитрия, которой он все еще держался за пострадавшее ухо. Ухо не горело и не болело, и уже не было красным и распухшим. «В ученики, говоришь? – размышляла вслух старуха, продолжая разглядывать его ухо, и по – прежнему лукаво заглядывая в глаза, словно испытывая его. И вдруг сказала: «А возьму! Внуков у меня нет своих, а мастерство и впрямь передавать надо. Только, знаешь, пеняй на себя. Спуска давать не буду. Сейчас домой иди. Завтра придешь, на рассвете. Да по земле – то не ползай, как уж. И под окнами не прячься. Калитку парадную открою для тебя. С главного крыльца войдешь, а не с задворков».

Ошарашенный, он вернулся тогда домой. Матери рассказал все как есть. Мать была ошарашена не меньше его. А потом сказала: «Ну что ж... Знать, судьба у тебя такая. В кого ты такой – не знаю. Но судьбе своей противиться – грех... Ступай, благословясь. А отца не бойся. Поговорю с ним, объясню все сама. Он поймет, препятствий чинить не будет. Добром все решим».

Тогда он не знал еще, что впереди – долгих семь лет, наполненных тяжелым трудом – ибо труд учения ведовству и лекарскому мастерству был поистине тяжек. До сих пор Дмитрий помнил, как в первый же день своего ученичества пошел он с Пелагеей в лес, а там завела она его в дебри, да и бросила. Сейчас – то он понимал, что не бросила она его – просто вид сделала, что бросила, что это и было его посвящение в ученики, да и испытание его возможностей, проверка его силы. Но тогда он этого не знал и испугался не на шутку.

Лес был густой и темный и казался мертвым. Ни шороха, ни звука – лишь зловещая тишина. «Пелагея – я – а! – кричал Дмитрий, в растерянности перебегая от одной огромной густой ели к другой, то и дело спотыкаясь о кочки. – Пелагея! Где ты?!»

А потом он внезапно успокоился, поняв, что кричать бесполезно. Он заблудился, и она не откликнется, и искать его не будет. А успокоившись, метаться перестал, и присел на кочку у дерева. И вдруг понял, ощутил: лес – не мертвый. Он живой. И вовсе не враждебный. Лес смотрит на него живыми глазами. И хочет ему помочь.

Где – то над ухом защебетала птичка. «Будь здоров! Будь здоров!» – почудилось Дмитрию в этом щебете, и он невольно улыбнулся: «Лучше бы подсказала, как мне отсюда выбраться!». «За мной! За мной!» – вдруг защебетала птичка, словно откликнувшись на его просьбу. И с веселым этим щебетом вдруг упорхнула куда – то, в просвет между деревьями. Дмитрий, вскочив, бросился в том же направлении. И тут деревья расступились, и перед ним предстала поляна, освещенная солнцем. Он даже засмеялся над своим недавним страхом – вот глупый, решил, что в сплошной лесной чащобе заплутал, а здесь поляна рядом, и лес расступился. На поляне еще не отцвели последние осенние цветы, и местами еще зеленела трава. Травинки качали пушистыми колосками то тут, то там, вот кивнули головой белые и розовые шапочки тысячелистника, шевельнулись высокие сухие заросли борщевика... Среди полного безветрия вдруг словно волна прошла по поляне, и в этой волне снова ему зов почудился: «Сюда, сюда!»

Осторожно ступил он на поляну, сначала нерешительно, потом все более уверенно зашагал по ней, будто кто – то незримый ему путь указывал. А когда дошел до края поляны, только в лесок вошел – уже не густой, не темный еловый, а березовый, прозрачный – как снова деревья расступились, и местность показалась ему знакомой. Вот тропинка... Конечно, этой тропинкой они сюда и шли вместе с Пелагеей! Уже весело и беспечно, насвистывая себе под нос, зашагал он по тропинке, и вскоре показался глухой Пелагеин забор, а Дмитрий твердо решил, что пройдет мимо этого забора, домой отправится изведанной уже дорогой, ведь Пелагея бросила его в лесу, а значит, отказалась от него...

Но Пелагея прямо перед ним как из – под земли выросла. За руку схватила, повела к калитке. Он пытался вырваться, да не тут – то было, Пелагея только крепче сжала неожиданно сильную ладонь. Во двор привела и указала на крыльцо: «Садись». Сама рядом села и заглянула в глаза – строго так и серьезно, и сказала торжественно: «Ты урок прошел. Дар у тебя есть. Не ошиблась я, взяв тебя в ученики. А ты напугался, небось?» «Нет!» – он упрямо мотнул головой. «Напугался, вижу... – старуха первый раз улыбнулась, и улыбка ее оказалась на удивление светлой, не вяжущейся с ее строгими, мечущими молнии глазами. – Да недолго страх твой длился, верно? Потому что ты *токи природы* почувствовал. Голос леса услышал. И голос этот вывел тебя, верно?» «Верно... – удивленно ответил Дмитрий, гадая, как старуха могла узнать, что именно с ним происходило в лесу. – А что за *токи природы* такие?» – глаза его вдруг загорелись от предчувствия тайны, которую предстоит раскрыть. «Узнаешь со временем, – Пелагея продолжала улыбаться. – Учить тебя буду. Обучу всему, что сама знаю. Но вижу: ты дальше меня пойдешь. Большой Дар дан тебе, большая сила. Но и спрос с тебя большой будет».

На следующий день Пелагея вновь повела Дмитрия в лес. «Не бойсь, не брошу, – усмехнулась, зовя его в дорогу. – А брошу, так сам выйдешь. Теперь знаешь – тебе это по силам...»

Задачу Пелагея поставила перед ним, казалось, непосильную: найти на поляне лечебные травы. И не лишь бы какие, а те, которые и осенней порой силы свои целительные еще не потеряли. «Как это я их найду? – воспротивился было Дмитрий. – Я травам не обучен, никогда не видел, как их ищут...» «А чутье твое на что? – хитро прищурилась Пелагея. – *Токи природы* хочешь узнать? Вот и попроси растения, авось и подскажут...»

Вот и пошел Дмитрий по поляне, чувствуя, как пристально смотрит Пелагея ему в спину, снова будто испытывая его. Шел он от травинки к травинке, от цветочка к цветочку, но пока они ничего ему не говорили. Молчала поляна... И вдруг вспомнил Дмитрий тетку Любу, вылеченную Пелагеей. Вспомнил, как была она больная, еле ноги носила, и как молодой и здоровой снова стала. «Как? Как это произошло? – сам собой застучал в мозгу вопрос. – Какими лекарствами она ее лечила?» И вдруг – в ногах словно легкость какая – то появилась, и они сами понесли его по поляне, вперед, вперед, дальше... Да! Вот оно. Перед ним был маленький кустик. Ничем не примечательные с виду листочки, уже тронутые осенней желтизной. И ягоды – мелкие, черненькие. Странно, но кустик показался Дмитрию живым. Он протянул к нему руку – и тот час же отдернул: ее обдало незримой упругой волной, и словно иголки пробежали по ладони. «Вот! – закричал он радостно, оборотившись в сторону, где стояла Пелагея. И, подавшись внезапному озарению, добавил: «Ты этой травкой тетку Любу вылечила!» И такой восторг он испытал вдруг от своего открытия, что начал подпрыгивать на месте, вскидывая руки над головой, и выкрикивая что – то нечленораздельно – радостное...

Пелагея кивала головой, улыбалась одобрительно: «Дите, как есть дите... Но дите толковое. Знать, заслужила, старуха, на старости лет радость такую...»

Однако Дмитрию она этой своей улыбки не показывала. Нечего баловать, а то возгордится еще... Правда, в глубине души она знала – не возгордится. Не было этого в их роду никогда. Да и вообще – то редко встречался порок этот. Разве что у злодеев, да и кто их в последний раз видел то, злодеев этих? Мир теперь добр, спокоен, напоен мудростью и любовью. И именно поэтому, наверное, могли и стали рождаться в нем такие самородки, как ее ученик.

Но бабка Пелагея была стара. А потому помнила она те времена, когда зла в их мире было больше... Много больше... И именно сейчас почему – то вспомнились ей те времена. Ученик ее бежал, весело подпрыгивая, рядом, а она все вспоминала и вспоминала... И что это воспоминания на нее нахлынули?...

... Ей не было еще и пятнадцати зим, когда разбойники напали на их дом. Было их много, очень много здоровенных мужиков. Бородатые все, со свирепыми лицами, безумными глазами – очень страшными они ей тогда показались. В дом ворвались ночью, когда все спали – двери их хлипкие с петель снять ничего не стоило. Странно, правда, было то, что ни отец, ни мать не почувствовали приближения опасности. И лишь потом, когда все закончилось, стало ясно, почему так случилось – у главаря этой ватаги нашли древний оберег ночных духов. Очень сильный. Вот заговоренная на него черная ворожба и помешала родителям Пелагеи вовремя ощутить напасть. А в тот момент, когда бандиты ворвались в светелку, отец успел лишь вскочить с полатей и, заслонив собой мать и дочь, принять неравный бой. Отобрав у первого же напавшего короткий меч, отец успел положить троих разбойников, прежде чем их главарь, у которого отец выбил из рук меч, извернувшись, предательски вонзил ему в спину засапожный нож – по самую рукоять. Упал отец замертво, а Пелагея, которой мать приказала спрятаться, ни жива, ни мертва, притаилась за печкой, на всю жизнь запомнив материнские глаза – гневные, бесстрашные, яростные, они были устремлены прямо на разбойника. В этот момент снаружи чем – то тяжелым ударили в окно и, выбив раму, через него в дом полез еще один нападавший. И мать тоже вступила в схватку. Она была хорошим бойцом и одной из сильнейших ведуний селенья. И еще двое бандитов – тот, кто пытался пробраться через окно и главарь, упали замертво. А в следующий момент мать Пелагеи лицом к лицу столкнулась еще с одним. И не успев уклониться от его меча, вошедшего ей в живот, она в последний миг своей жизни посмотрела тому прямо в глаза. Разбойник не выдержал этого взгляда, схватился за сердце и замертво упал на пол вместе с матерью. На всю жизнь запомнила Пелагея, как встретили смерть ее родители – ни мольбы о пощаде, ни крика о помощи не вырвалось из их груди. Умерли достойно. И гордо – как и жили.

А она тогда, в беспомощности от ужаса, воспользовавшись замешательством нападавших, прыгнула к окну, выскочила на улицу и стремглав бросилась прочь от избы, в черную бездонную ночь. Но головорезы ее нагнали. Нагнали – и хотели надругаться. Она отбивалась со всей яростью, на какую была способна – дед по материнской линии Родомир тогда уже обучал внуку не только магическим навыкам, но и некоторым приемам боя – но силы были слишком не равны... Тем более, что рассвирепевшие бандиты пустили в ход дубинки и плети. И, распяв ее на земле, уже приготовились насиловать... От этого и верной смерти потом ее спасло тогда лишь то, что все село на шум поднялось, да и мать, видимо, успела мыслью своей дотянуться до своего отца. И тот – великан с косою саженью в плечах, с развевающейся седой бородой и молниями в глазах – возник на поляне неожиданно для разбойников. С верным своим посохом в руках. В считанные мгновения до смерти пришиб четверых, а остальные деру дали, и больше их никогда в этих краях не видели... Но Пелагея боя деда не видела – потеряла сознание.

Она тогда месяц в жару и в бреду пролежала. Без нее и маму с отцом хоронили. Дед Родомир ее лечил и выхаживал, кружившуюся над ее постелью смерть отгонял. И отступила смерть. Но сколько же еще пришлось провозиться с ней деду, чтобы душу ее израненную воскресить! Сколько раз просыпалась она в холодном поту и слезах от ночных кошмаров, сколько раз казалось ей, что сердце разорвется, не выдержит боли! И ведь все смогла преодолеть, всю боль, весь страх, весь ужас потери и страха из груди выжечь! Годы на это ушли, долгие годы. И все же победила она. Победила черную мглу, что в ее душе в ту страшную ночь поселилась. Не впустила в душу жесточение и злобу. Сохранила, спасла душу – засияла снова душа как ясно солнышко. Но уже другим светом – не тем, юным и беззаботным – а мудрым, всезнающим и почти всемогущим. Способным одолеть любое зло и любую беду.

Другая это стала Пелагея. Совсем другая. Словно родилась заново. И заново жить начала. А заодно и в обучении у нее появилась даже не жажда знаний, а какая – то свирепость в овладении ими.

... – Бабушка, бабушка, ты о чем задумалась?...

Мальчонка, беззаботный и веселый, рядом скакал. Она и не заметила, как до дому дошли.

– Ни о чем, милоч. Так, о своем, о старушечьем, – ответила, а сама подумала: «Надо бы мальчонке испытание устроить. Такое, чтобы душу укрепило. Чтобы научился черные тени из души своей гнать, если они там появятся...»

Тогда о случившейся той ночью трагедии молва пошла от деревни к деревне, от одного рода к другому. И собрались сильнейшие ведуны и воины самых известных родов. И создали трудом тяжким и ценой буквально своих жизней, поскольку тратили на это энергию жизней своих, новый магический ритуал – на изгнание всякого зла с их земли. И провели его, отдав высшим силам души всех участвовавших в нем сильнейших воинов и ведунов из каждого рода. Такова была цена. Но результат проведения этого очистительного ритуала того стоил! По сей день духи тех славных пращуров не давали злым силам распространяться по свету. И чахло зло на корню, потому что не находило оно больше в душах людских благодатной почвы для своего произрастания... Ведь от чего оно, зло, в душе зарождается? От того, что придавлена душа, унижена и обижена. Тот, кто не смог в самом себе черные тени зла победить – тот это зло дальше, в мир, понесет. И начнется круговорот зла в мире. Будет каждый пытаться с чужим злом при помощи своего зла бороться. А зло от этого будет лишь жиреть и множиться... Проведшие же ритуал роды изменили этот порядок вещей, вернув на свои земли устройство мира, заведенное Творцом в самом Начале Времен.

При этом не остались эти роды людские беззащитными перед лицом тех окрестных и порубежных племен, которые еще носили в себе отклонения от заповедей Творца Миров – те, кто пытался напасть на земли, на которых действовал проведенный ритуал, словно лишились удачи и начинали с ними происходить разные несчастные случаи. Да и принявшие добротолюбие роды стали рожать гораздо больше сильных бойцов и магов, в исполнении которых воинские искусства и волшебство достигли невиданного ранее расцвета. Правда, претерпев огромные изменения, по сути и духу и превратившись в искусства сугубо защитные. И победить бойцов и магов, родившихся и выросших в родах, проводших тот ритуал, с тех пор никто не мог, сколько не пытались. Словно они воплощали в себе на момент поединков силы самого Творца. А увидев это и то, как стали жить и процветать отринувшие зло роды, стали и другие племена постепенно проводить у себя подобный ритуал, благо не скрывали ничего те, кто создал и осуществил его первыми. И все больше земель и народов отрицало зло. Но ростки зла нет – нет, да и вспыхивали еще иногда в душах. И встречались еще кое – где и разбойники, и воры, и обманщики. Но постепенно все меньше их становилось, и все реже занимались этим люди от природной злобы да ухарства, а лишь по лени да недомыслию своему не желая жить честным трудом. Но постепенно и это сходило на нет. Да уж, какое счастье, что те рода, первыми создавшие тот очистительный ритуал, остановили тогда круговорот зла в их мире...

Всего этого Дмитрий тогда, конечно, не знал – того, о чем вспоминала и мыслила в тот момент Пелагея. Но он очень хорошо запомнил, что было дальше. Едва вошли они на двор, как она, слегка коснувшись его затылка – будто подзатыльник хотела дать, да передумала, и вместо звонкой затрещины лишь погладила его по волосам, – сказала твердым и не терпящим возражения тоном:

–

Вот что, Дмитрий. Уходи – ка ты отсюда. Уходи и не возвращайся. Мал ты еще, уроки от меня получать. Вернешься, когда сама позову. А может, и не позову. Ступай.

И резко толкнула его в затылок, выставя за калитку, а сама, повернувшись к нему спиной, быстрым решительным шагом, не оборачиваясь, направилась к дому. И напрасно кричал

он ей вслед: «Бабушка, бабушка, стой! Почему ты меня гонишь?» Так и не обернувшись она и ни слова не сказала.

В полном ошеломлении, не понимая, чем прогневил суровую бабку, понуро побрел он тогда к дому. Что он скажет дома? Как объяснит свое возвращение? Что бабка прогнала его, отказав в праве быть ее учеником? Усомнившись в его способностях и силе? Да, прогнала, как прилюдного котенка... Вышвырнула с крыльца. За что?! Чем он провинился?!

И горькая обида поднялась тогда в его душе. Не было этой обиды, ни когда она поначалу гнала его прочь от дома, ни когда бросила одного в лесу. А сейчас чернота этой обиды заливала душу и ослепляла взор.

Он и не заметил, как сбился с пути. В буреломе попал, в непролазные дебри. Пробирался сквозь сухие ветви напролом, руки и лицо в кровь исцарапал. Теперь на смену обиде гнев поднимался в его душе. Хотелось все крушить, ломать вокруг себя. Назло всем. Бабке безумной назло. И несправедливой своей судьбе.

А когда обессиленный, в разодранной одежде и с окровавленным лицом, он упал на землю среди поваленных сухих деревьев, в душе уже была только тупая пустота. Ни гнева, ни обиды не осталось. Но и сама жизнь как будто тоже ушла. Мертвая пустота и полная апатия, и больше ничего.

И тогда он собрал последние силы – и встал. И сказал про себя: «Врешь, бабка. Не сломаешь ты меня. Я ведь все равно не сдамся. Я все равно лекарем стану. Гони меня, если тебе так хочется. Я и без тебя все науки лекарские освою. И сильным стану все равно, и людям помогать научусь. И буду добрее тебя».

Пустота из души ушла сразу же. Снова душа силой и спокойствием наполнилась. Ноги легко вывели его на дорогу к дому.

Мать так и застыла, увидев его окровавленное лицо. Но охать и причитать не стала, спросила только:

–

Что случилось, сынок? – И в ответ на его молчание вдруг отпрянула, ахнула, закрылась рукой. – Неужто бабка тебя так... изукрасила?

–

Нет, мама. Не бабка. Бабка прогнала меня. А изукрасил себя я сам.

Мать раны его промыла, и больше не спрашивала ни о чем. А он, прежде чем забыться тяжелым сном, золотыми лучами из ладоней царапины свои залечил. Утром даже шрамов не осталось.

Родители его больше ни о чем не спрашивали. Только Танька прибежала дразниться: «Лекарь, лекарь! Какой ты лекарь, если тебя бабка прогнала!»

Он посмотрел на нее так, что она сразу же замолчала. Но в душе опять что – то нехорошее поднялось тогда... Не знал он раньше этого нехорошего в своей душе. Вот оно как... Только дай волю этому нехорошему, и оно тут как тут. С этим надо было что – то делать, как – то разбираться. Дмитрий чувствовал, что это у него еще впереди. И труд нелегкий с этим будет связан.

Бабка пришла за ним тем же вечером. Подошла неслышно, как тень, к калитке. Он в окошко увидел, что она там стоит, безмолвная и неподвижная, будто призрак, и смотрит на него неотрывно. Не хотел выходить к ней сначала. Потом словно сила какая позвала – вышел. Подошел гордо, без опаски, словно силу и правду за собой чуя такие, каких раньше у него не было. И прямо посмотрел Пелагею в глаза. Там не было ни отчуждения, ни холода. Глаза смотрели мягко, почти ласково.

– Пойдем, – только и сказала Пелагея. И, помолчав немного, добавила. – Прости старуху. Это испытание тебе было. Ты его выдержал. По глазам вижу. Неужто поверил, что отказалась от тебя?

Ни слова не сказав, пошел он тогда за бабкой. Родители смотрели вслед. Понимали ли они, что происходит с их сыном? Если и не понимали, то пути его не перечили: знали, что у каждого человека путь свой, и он должен пройти его сам, и поперек пути этого никто вставать не вправе, даже родные мать с отцом...

Приведя к себе в избу, Пелагея усадила Дмитрия напротив себя за стол, свечи зажгла:

–

Ну, рассказывай.

–

Что рассказывать, бабушка?

–

Все, что перечувствовал и передумал за это время. Да не стыдись. Через это каждый пройти должен. Ну – ка, давай, все честно и без утайки выкладывай!

И Дмитрий, неожиданно для себя, все вдруг ей рассказал – и о том, как обида черной тенью затопила душу, и как гнев и злоба потом нахлынули, а потом ничего не осталось, кроме пустоты и отупения, а потом он решил, что не сдастся, что все равно лекарем станет и добро в мире приумножать будет – и душа снова ожила... И как царапины он вылечил золотым лучом, а потом как Танька его дразнила, и снова черная тень в душе шевельнулась, и он понял, что тень эту изгонять надо...

Он и не заметил, как слезы льются из его глаз, и со слезами душа словно окончательно от черных теней очищается, становится хрустальной, прозрачной, невесомой...

А потом он словно в забытьи провалился – только помнил, что пламя свечей перед глазами двоилось, троилось, надвигалось на него, а потом захлестнуло, поглотило его полностью...

Очнулся на полотах в сенях Пелагеиных, когда уже светало. Дверь скрипнула, бабка возникла на пороге:

–

Вставай, милоч. Утро уже.

–

Что это было, бабушка? – только и спросил он.

И тогда рассказала ему Пелагея про то, что когда – то зло жило на их земле, и как изгнано оно было, и от чего зло возникает, и как оно может множиться и мир заполонять. Происходит это от того, что кто – то вовремя росток этого зла в своей душе не распознал и с корнем не вырвал. А начинаются ростки зла вот с таких не прощенных обид, да не выкорчеванной злобы. И потому теперь, чтобы зло снова в мир не пришло, каждый сызмальства должен уметь такие ростки зла в своей душе распознавать, *выслеживать*, и искоренять, освобождая от них свою *истинную сущность*, чтобы она – душа человечья – могла жить свободно, и нести в мир лишь свет. Именно это с Дмитрием нынешней ночью и произошло. Он сумел *выследить* черные тени в своей душе, и Пелагея помогла ему искоренить их полностью. Но ее заслуга тут невелика, как она сама объяснила. Главный бой черным теням Дмитрий сам дал – когда решил, что не сдастся, что все равно лекарем станет и добро делать будет. Тем самым *отрицув* от себя зло! Если бы он не сделал этого, если бы скис и разнюнился – то испытание бы не выдержал, и Пелагея не пришла бы за ним...

Пелагея объяснила ему, что темные тени эти, может, еще не раз в его душе шевелиться будут. А потому надо быть всегда готовым их *выследить* и дать им бой. Можно их победить раз и навсегда, но для этого силы набрать надо и умения. Они коварны, и так и норовят вновь и вновь пробраться в неокрепшую душу. И лишь когда душа сильна и неуязвима станет, тогда никакие черные тени ей будут не страшны. Но чтобы душа стала такой, надо с черными тенями научиться справляться в совершенстве. И особенно необходимо это для лекаря. Ведь он не только сам должен кристально чистой душой обладать, но еще и других этому учить.

Потом Пелагея наставляла его, как распознавать эти *следы зла* не только в душе, но и в теле. Ведь они и душу, и тело норовят заполнить! И тело словно каменеет, неживым становится, пустота или *мертвенность* вместо силы жизни – *живы* – в нем поселяется. И такие вот прибежища пустоты и окаменелой тупости в теле тоже надо выслеживать, и очищаться от них, наполняя тело светом и *живой*...

Во время дальнейшего обучения с Дмитрием сошло семь потов в прямом и переносном смысле. Но зато он научился себя слушать, *выслеживая* мельчайшие особенности того, что происходит в теле, в душе, какие мысли в голове роятся, и что ощущается в той особой части самого себя, которую Пелагея называла *истинной сущностью*. Ох и нелегко же было все это осваивать. Дмитрий словно заново учился дышать, стоять, ходить, слушать, нюхать, чувствовать и даже спать. Пелагея изнуряла его многочисленными упражнениями, да еще и заставляла запоминать разные травы, плоды и корни. Но зато он и *токи природы* научился чувствовать в совершенстве, растения стал безошибочно распознавать – какие из них от чего лечат, как и когда их собирать и как потом хранить, чтобы потерять как можно меньше их полезных свойств.

А спустя два года с начала учения, когда Дмитрию исполнилось 12 лет, Пелагея однажды утром повела его далеко в лес, на заповедную поляну. И там рассказала, что с этого дня начнет учить его владеть своим телом. До сих пор он учился лишь чувствовать свое тело, и распознавать малейшие признаки неблагополучия в нем – даже не признаки еще, а то малозаметное неудобство, которое в будущем, если ничего не предпринимать, может привести к серьезным неприятностям. Дмитрий, уже осваивавший эту науку, не понял, чему же еще будет учить его Пелагея.

Ему казалось, при общении со старой *ведуньей* удивляться, чему бы то ни было, он уже разучился. Но в то утро буквально раскрыл рот от изумления, когда Пелагея сказала ему, что будет учить его искусству боя.

Оказалось, что издревле в их народе была традиция передачи по женской линии знаний о том, как учить боевому мастерству. Ошарашенный и не на шутку удивленный Дмитрий робко спросил тогда:

–

Как же это так, что женщины мужчине ратному искусству учат?

–

Садись и слушай, – строго сказала Пелагея.

И присев прямо на землю рядом с ним, поведала ему ту часть истории своего народа, о которой он до той поры ничего не знал.

–

В древнейшие времена, – начала она, – были такие рода в нашем народе, которые шли вперед во время

великих переселений.

А после жили на порубежье с другими племенами. И другие племена, как водится, нападали на них. И порой получалось так, что все взрослые мужчины рода – а взрослым в те времена считался и отрок четырнадцати лет от роду, если он уже прошел

обряд

опоясывания

, – защищая свои деревни и уходящих в леса женщин, стариков и детей, погибали полностью! Кто же новых воинов должен был растить? Старики? Но они зачастую уже не способны были показать молодым что – то из бойцовских ухваток. И тогда в одном из родов самые умудренные воины стали учить ратным приемам и, главное, самими способам постижения этой науки девочек.

–

И ты, Пелагея, принадлежишь к этому роду? – догадался Дмитрий.

–

Да. Принадлежу. И не только я. Ты тоже. Мы с тобой потомки одного рода. А если бы это было не так – не взялась бы тебя учить. Голос крови – он тоже много значит...

Дмитрий молчал, переваривая это новое знание. Вот как... Они с Пелагеей принадлежат, оказывается, к одному роду. И связывает их голос крови. Теперь понятно, откуда у него призвание лекарское... А раз принадлежат они к одному древнему роду, то, значит, должны и традициям этого рода следовать. Традициям, согласно которым женщины учат мужчину искусству боя...

–

Неужели и тебя учили искусству боя, Пелагея? – спросил он. – И ты теперь хочешь учить этому меня?

–

Слушай дальше, – опять сказала она строго, и он невольно замолчал. – Наши предки учили девочек не самому бою, а как раз тому, как учить воинскому искусству других. Самые умелые и при этом умные воины стали готовить учителей будущих воинов. Вернее, учительниц! Те времена давно ушли в прошлое, с тех пор сменилось много поколений. Но древняя традиция все еще жива. И мы с тобой должны ее продолжить.

–

Но ведь я хочу стать лекарем! Целителем, а не воином! Зачем мне надо осваивать искусство убивать?

–

Затем, что ты еще не познал полностью своей *истинной сущности*.

Затем, что ты еще не научился использовать *внутреннюю силу*.

А научиться этому лучше всего именно ты сможешь при занятиях воинским искусством. Уж поверь мне, старой, я такие вещи

вижу

. Да и в жизни всякое бывает. Не хотела бы я, чтобы тебе это когда –нибудь понадобилось. Но если случится такое, ты будешь защищен. Ничего нет хуже, чем быть беззащитным перед чужой грубой силой. Сильный духом должен быть и телом тоже силен. Чтобы не сдаться, на колени не пасть перед ничтожеством, у которого и души – то нет, но есть гора мускулов, способных перемолотить все на своем пути... Чтобы жизнь свою и своих близких отстоять, если что случится, не приведи Творец на пути твоим такой напасти!

Все равно Дмитрию это не очень – то понравилось. Но перечить Пелагее он тогда не стал.

Как она его учила тогда – у него в памяти отложилось слабо. Это было обучение почти что помимо сознания. Он помнил, как изменялся мир вокруг, как изменялась сама Пелагея. Потом он понял, что обучение это происходило в особом, измененном состоянии, словно во сне. И Пелагея там была другая, почти бесплотная, он воспринимал ее только как голос и движение бесплотной тени, когда она показывала ему упражнения. Потом он понял, что именно такое обучение позволяло усваивать навыки на очень глубоких уровнях *восприятия* души и тела, чтобы они потом, если возникнет нужда, применялись сами собой и тело даже без контроля разума знало, как ему себя вести и что делать. Пелагея так и говорила, что ему не надо ничего специально запоминать – главное, чтобы тело *осознавало* то, что ему требуется. А тело и впрямь впитывало показываемое старой ведуньей, словно губка воду. Видать, в глубинах *сущности телесной* человека все эти ухватки уже были заложены еще от момента Творения. И тело словно не учило вновь, а лишь вспоминало то, что уже знало раньше, всегда, с самого момента своего *проявления* в этом мире – и становилось послушным, гибким, чутким, сильным. И еще

– умным, *ведающим*. Оказывается, у тела есть свой собственный ум. Дмитрий открывал самого себя заново, и сам удивлялся неведомым отсюда берущимся способностям и возможностям.

Когда он в этом состоянии то ли сна, то ли яви выполнял упражнения за Пелагеей, весь мир становился словно ярче и звонче, и чутье у самого Дмитрия обострялось так, что он, кажется, мог услышать за километр подкрадывающегося зверя, ощутить течение подземных вод и почуять, как на соседней поляне копошатся в муравейнике муравьи...

Однажды, выйдя из особого состояния, в котором проходили эти занятия, Дмитрий с удивлением обнаружил, что сухое бревно, давно лежавшее на краю поляны – все, что осталось от поваленного когда – то бурей дерева – аккуратно разломано пополам. В тот же миг он понял, что сделал это сам – разбил бревно пополам, и сделал это по заданию Пелагеи. Это произошло за какой – то миг, и он помнил только, как плавно, словно по маслу, сама собой вперед пошла нога, как она, казалось, лишь слегка, будто бы вовсе без усилий краем стопы коснулась бревна, а сила, живущая будто отдельно от него и управляющая в этот миг его телом, уже рвалась из ноги и разрывала пополам крепкий, хоть и сухой, ствол...

Теперь он смотрел на Пелагею совершенно обалдело, а она улыбалась.

– Это я сделал? Я?! – ему хотелось смеяться, прыгать от восторга, трясти Пелагею за плечи.

Но она спокойно отстранила его:

–

Тихо, тихо. Успокойся. Не расплескай

живу

. Попридержи восторги в себе. Так ты силу – то укрепишь, а иначе впустую растратишь, и в нужный момент она не поможет тебе, как сегодня помогла. Да, и не болтай об этом никому. Силу – то ведь не только в пустых восторгах растерять, но еще и выболтать ненароком можно. Помни, когда много хвастаешь о своих победах другим, то силу свою им отдаешь, а сам бессильным остаешься.

На всю жизнь он запомнил эти слова Пелагеи. И больше никогда в жизни своей старался силу понапрасну не расплескивать в пустых восторгах, бравате да болтовне...

Еще несколько раз Пелагея оставляла его в лесу одного, даже на ночь, говоря, что он должен учиться искусству выживания. И что у него уже есть для этого достаточно *внутренней силы и осознания природных сущностей*. Но теперь он не боялся леса. Он и впрямь ощутил эти свои возросшую силу и окрепшее и утончившееся чутье, дающие ему непоколебимую уверенность в том, что он может не только справиться с опасностью, но и предчувствовать и избежать ее. Ибо, как много раз повторяла ему Пелагея, самый лучший бой – тот тот, который не состоялся или был предотвращен!

Семь лет прошло с тех пор. А он помнит все так, будто это было еще вчера...

И вот теперь ему семнадцать лет. Год назад *ведунья* признала, что он уже не просто ученик, а достоин стать ее помощником, и работать с ней почти на равных. И вот теперь он помогает ей лечить жителей окрестных деревень. Сначала страшновато было. Помнится, как первый раз допустила его бабка к процессу исцеления. Пришел к ним дед Макар, страдавший ломотой в суставах и изматывающей лихорадкой. Пелагея дала Дмитрию в руки две свечи и велела стоять позади Макара. Руки у него с этими свечами дрожали поначалу. Он стоял и смотрел на Пелагею, шепчущую заклинания и водящую руками над головой Макара. И вдруг для Дмитрия исчезла и Пелагея, и Макар – он увидел совсем другую картину: черный змей, поселившийся в теле у Макара, извивается, поднимает голову, кольцами своего тела опутывая суставы и сердце старика, а руки Пелагеи мечут молнии, целящиеся прямо в змея. И тогда Дмитрий ощутил в себе поднимающуюся силу – вернее, его самого, Дмитрия, будто не стало, а превратился он весь в сплошную действующую силу, в поток золотого света. Этот поток изливался из его рук, глаз, из всего тела, и этим потоком он накрыл змея, и начал его сжигать, испепелять. Пелагеина

молния, выпущенная из рук, добила змея, в которого оборотилась болезнь, и остатки черного пепла Пелагея выгребла из Макарова тела руками, чтобы сжечь на пламени свечей, которые держал Дмитрий.

Что – то переключилось в голове у Дмитрия – и перед ним снова была Пелагея, и тяжело дышащий, покрывшийся потом дед.

–

Ну как, Макар, полегчало тебе? – спросила Пелагея.

–

Не верил я, бабка, честно скажу, но теперь вижу – чудеса ты творишь, – ответил тот, кряхтя и разминая плечи и колени. – Ничего не ломит, не колотит меня, молодой будто стал... Малец твой тоже молодец, видать, дело туго знает, – подмигнул вдруг старик Дмитрию.

–

Мальца – то не перехвали, – строго сказала Пелагея. – Молод он еще. Ему учиться и учиться...

Но Дмитрий видел, что ведунья им довольна, что ворчит не всерьез, и сквозь ворчание это свое улыбается.

Пелагея взяла какие – то травы, пошептала над ними, и дала их Макару, наказав, чтобы пил их в середине каждого дня, а не то болезнь вернуться может. А когда Макар ушел, расспрашивать Дмитрия начала, что видел и чувствовал. И он рассказал ей про черного змея, и про то, как его удалось уничтожить, испепелить совместными с Пелагеей усилиями.

– Особо не радуйся, – сказала бабка, – и не думай, что там у него на самом деле змей обитал. Это ты по молодости лет да по неопытности змея увидел. Змея там никакого и в помине не было, а были токи темной силы, которые тебе змеем представились. Вот подрастешь немного, подучишься, и сможешь тогда эти токи в чистом виде видеть. А пока придется тебе, видать, дело иметь со всякими змеями и прочими чудищами. Образами – то этими не увлекайся, а то они тебя в полон возьмут, и освободиться трудно будет. Помни все время, что это так, обман один – видения эти. Нет змеев никаких, есть силы болезни, у которых на самом деле формы никакой нет, это твое воображение формой их наделяет. Не давай себя подчинить этим играм своего же воображения, и тогда все нормально будет.

Почти каждый день у Пелагеи были пациенты, и Дмитрий всех их помогал лечить. И с каждым днем у него это получалось все лучше. Сначала болезни ему все так же в образах змеев и чудищ являлись, страшили его. А потом и впрямь он научился видеть, что формы у них нет, что это даже и не темная энергия, а ослабления или нарушения потоков все той же *живы*, а никакие не змеи или скорпионы и пауки. Хотя понял он и то, что образы те или иные при определенной болезни не просто так возникали. Было у возникающих при разных болезнях нарушениях в течении сил некое внутреннее сродство с теми животными или явлениями природы (а иногда вместо змей видел он смерчи или водовороты), образы которых видел перед собой Дмитрий поначалу. Вот только понять природу этого сродства он пока не мог.

Чувствовал Дмитрий, что приближается в его жизни какой – то важный день. Чувствовал, ждал – и побаивался его.

И вот этот день настал.

Накануне Пелагея попросила его рано утром придти на ту самую заповедную поляну, на которой пять лет назад стала учить его искусству боя и выживания. Дмитрий пришел. Пелагея уже ждала его, присев на стоявший на границе поляны большой валун, покрытый древними письменами, читать которые не умела и сама *ведунья*. Дмитрий терпеливо ждал, когда та начнет разговор первой. И она, наконец, заговорила:

–

Ну что, внучок, мне тебя учить больше нечему! Но Дар твой до конца еще не раскрыт. И поэтому я хочу отправить тебя учиться дальше.

—
Куда, бабушка?

—
Знаю я, внучок, что жив еще один из сильнейших
ведун

наших, Мирослав, род свой от волхвов древних ведущих и знания заповедные унаследовавший. К нему тебя и отправлю. Знаю, достоин ты того, чтобы знания древние постичь и Дар свой до конца раскрыть. Путь, правда, тебе предстоит неблизкий. Ну да ты и заработать себе в дороге сможешь искусством своим лекарским, и постоять за себя. Дар в тебе, внучок, не шуточный и потому нельзя тебе останавливаться. Дар – он от Изначальных Великих Отца и Матери. И если уж нашел свой Дар, надо до конца дойти, полностью его проявить. Иначе прогневишь Первородных Родителей, и жизнь твоя скудной получится. Так – то вот, Дмитрий. Ладно, заговорила я тут с тобой, а говорить – то больше и нечего. В путь тебе пора собираться. Три дня тебе даю – подумать, да с родителями попрощаться. А потом ко мне приходи. Я тебе оберег древний дам, он тебе и в пути поможет, и Мирославу как знак будет, что ты не просто так пришел, а к Пути нашему,

ведовскому

, причастен. Ступай, внучок. Через три дня с утра ко мне зайдешь, да котомку дорожную собрать не забудь. А сейчас оставь меня, я еще с лесом поговорить хочу.

И вот сегодня утром, собрав котомку с самым необходимым скарбом да снедь в дорогу, и попрощавшись с родителями, Дмитрий пришел в избу Пелагеи. И уже через полчаса, получив оберег – небольшой, но довольно тяжелый диск, сделанный не то из металла, не то из камня – и помолвившись вместе с ней на дорогу, шагнул за порог.

Он шел и вспоминал все то, что произошло с ним за эти семь лет. Шел вперед – чтобы продолжить раз и навсегда выбранный им *свой Путь*.

Глава 2. Начало Пути. Становление.

Спустя примерно год.

За это время Дмитрий прошел от своей деревни долгий путь на север. Изведать по пути пришлось всякое – и людей лечил, и новые знания получал, и голодал, а дважды так и вовсе от разбойников отбивался. И впервые столкнувшись со столь неприкрытым проявлением агрессии и зла, задумался об их истоках. В тех краях, где он родился, зло было давно и надежно побеждено. О том и Пелагея ему рассказывала. Но в некоторых землях дело обстояло совсем не так. Здесь зло гнездилось и росло в чьих – то темных душах. И столкнувшись с этим, Дмитрий почувствовал, что не должен уподобиться таким порченым людям, не должен дать злу взрасти в своей собственной душе. Ох, как не хотелось Дмитрию не только что убивать, но и наносить другому, пусть и злодею, даже малейшие физические повреждения... А пришлось. И тогда он впервые в жизни задумался о том, можно ли создать такую систему боя, чтобы и за себя можно было постоять, и не убивать при этом никого, а лишь сделать нападение бесполезным и глупым занятием. Да, о многом заставило задуматься молодого лекаря первое столкновение с явной агрессией. В частности, пнял он, как полезно дружить со всем живым на земле – когда ему еще пару раз пришлось на лесных дорогах столкнуться с разбойниками, то выручило его не только боевое умение, а и умение *слушать и слышать* лес. Так что оба раза нападавшие не смогли его схватить, а потом сыскать в лесных чащобах. Поскольку лес его, хотя и бывшего в тех местах гостем, признавал своим, а разбойники, хотя они в чащобах этих жили, оставались для природы чужими.

Идя все дальше к берегам северных морей, он не раз думал – угораздило же Мирослава забраться в такую глушь! Долго он еще шел по городам и весям, людей разных встречал – по большей части добрых и справедливых. И болезных лечил, и новые знания получал, и новые края видел... К счастью, любая дорога имеет конец.

Снова пришла весна, затем и она закончилась, уступив место лету, да и лето уже близилось к зениту, когда Дмитрий пришел, наконец, в северный край суровых скал и дремучих лесов, где и жил Мирослав.

Дул довольно – таки прохладный ветер с близкого к этим местам моря. Поднявшись на вершину холма, Дмитрий, кутаясь от пронизывающего ветра, увидел избу, стоящую на берегу гремевшей перекатами и отблескивающей заводями небольшой лесной речушки. Солнце в это время года в этих местах, несмотря на приближающийся вечер, стояло в небе довольно высоко, и ведущая к дому сквозь лес узкая тропинка просматривалась достаточно хорошо.

Спустившись, Дмитрий подошел к избе. Не было ни забора, ни калитки, и он поднялся на крыльцо. И не успел постучать в дверь, как та открылась. На пороге возник высокий, худощавый старик, одетый в полотняные порты и рубашку с накинутой поверх нее стеганой безрукавкой, обутый в сапоги из мягкой кожи. В его темно – русых волосах и рыжей бороде не было ни одного седого волоса, а глаза были неожиданно молодыми, и в них отражалась спокойная и при этом очень мощная сила. Дмитрий застыл на пороге и не сразу нашелся, что сказать. Но хозяин избы неожиданно сам сделал шаг вперед и произнес:

– Здрав будь, путник! С чем пожаловал к старому Мирославу?

–

И тебе здравия! – ответил Дмитрий. – Меня послала ведунья Пелагея. Просила передать вот это.

С этими словами Дмитрий залез за пазуху и, достав небольшой нашейный мешочек, извлек из него данный Пелагеей оберег. Диск, сделанный не то из метала, не то из камня, всегда был слегка теплым, словно его что – то грело изнутри.

– Знатная вещь! – произнес Мирослав, взяв оберег в руки. – Еще пращурами нашими сделанная. И Пелагею я помню – ох, и стрекоза была девка, когда у брата моего старшего Родомира училась науке знахарской. Так зачем же послала она тебя ко мне?

– Я у нее в обучении был. Тоже лечить учился. А год назад бабка Пелагея сказала, что ей меня учить больше нечему, а Дар мой до конца не раскрылся. И отправила к тебе. Дальше учиться!

– Знахарем быть хочешь, значит? Ну – ну... Пойдем в дом, нечего на пороге стоять.

Внутренне убранство жилища Мирослава сильно отличалось от избы Пелагеи. Не висели по стенам и около печи пучки разнообразных трав и кореньев, не стояли в углах разнообразные баночки и горшочки с готовыми отварами, порошками и мазями. Зато на полке вдоль стены стояли и лежали фолианты, от некоторых из которых так и веяло древностью.

– Что, интересно? – спросил Мирослав, заметив, что Дмитрий так и впился глазами в стопки древних книг. – А сам – то ты грамоте обучен?

– Да, Пелагея научила.

– А чему она еще тебя учила, кроме грамоты да знахарства?

– Воинскому мастерству и искусству выживания. Хотя зачем это знахарю знать нужно, долго не мог ума приложить. Знахарь лечить должен, зачем же ему знать, как убивать? Правда, мне эти навыки в дороге ох как помогли... А еще Пелагея говорила, что некоторые навыки владения своей скрытой силой именно через воинские упражнения лучше всего осваивать. Запомнил я и такие ее слова, что, мол, только понявший, сколь, с одной стороны, уязвим, а с другой – силен человек, может научиться лучше чувствовать пределы болезни и пределы лечения, которые тот или другой больной вынести сможет.

– Права Пелагея, – сказал с доброй усмешкой Мирослав. – А тебе, значит, воинская наука не по душе пришлась?

– Врать не хочу – не нравилось мне учиться, как людей лучше всего убивать. Не знахарское это все – таки умение, как ни крути! Я, конечно, благодарен Пелагее, что научила – иначе живым бы до тебя не дошел – но все же, не скрою, бился я всякий раз по нужде и удовольствия от этого никакого не получал.

– Ну что ж... Значит, и я тебя учить начну с упражнений именно воинских.

– Но почему, почему так? – дав волю изумлению, воскликнул Дмитрий.

– Оставь свои вопросы. Ты или сам все поймешь со временем, или не поймешь никогда. А если я тебя сейчас все объясню, то ты это только умом поймешь, но ни телом, ни душой не прочувствуешь, не осознаешь. А одного умственного понимания для того, чтобы стать истинным лекарем, мало.

– Но неужели же того же самого осознания нельзя достичь другими способами?

– Можно! Но у каждого свой Путь к совершенству. И либо ты мне веришь, и будешь делать так, как я скажу, либо завтра поутру мы расстанемся. Согласен?

– Согласен, – вздохнул Дмитрий. В конце концов, не зря же он проделал столь долгий путь, чтобы, несолоно хлебавши, вернуться обратно.

– Ну и ладно. А сейчас давай поедим, что Изначальные Предки послали, да и спать ляжем. Завтра поутру раненько встанем – то.

Утром следующего дня старый ведун поднял Дмитрия действительно очень рано. И позвал за собой к реке. На улице было прохладно, и поэтому Дмитрий зябко поежился. Река протекала тут же, рядом, под горкой – неширокая, но с довольно быстрым течением. Протирая глаза и отчаянно зевая, он подошел к уже стоявшему на кромке воды ведуну и, следуя его примеру, стал умываться. Холодная вода быстро прогнала сонливость, и Дмитрий уже начал разгибаться, когда умывшийся раньше Мирослав совершенно неожиданно толкнул его. И движение это было настолько стремительным и точным, что Дмитрий никак не успел на него среагировать. Он даже и самого движения не заметил! И, подняв кучу брызг, рухнул в воду.

Когда Пелагея показывала ему некоторые упражнения, он видел, как она может двигаться – так быстро, что глаз не видел самого перемещения – ведунья просто словно бы возникала из пустоты то тут, то там... Да и самому ему удалось освоить движения столь быстрые, что те же нападавшие на него разбойники ничего не успевали с ним сделать. Но в лице Мирослава Дмитрий столкнулся с чем – то качественно иным.

Он резко вскочил, поднимаясь из холодной воды, и вышел на берег уже с настроением на бой. И сразу же отметил – обида и недоумение поднялись в его душе. За что, почему ведун так с ним обошелся?

А тот, как ни в чем не бывало, повернувшись спиной, уже шел обратно к избе, будто больше и не интересуясь Дмитрием. И ему не оставалось ничего иного, как, смилив гордость, пойти вслед за Мирославом.

После прошедшего в полном молчании завтрака, во время которого Дмитрий продолжал дрожать, потому что никак не мог согреться после купания в холодной речке, Мирослав впервые за все утро заговорил:

– Ты сейчас думаешь, наверное – ну зачем я только приперся в такую даль к этому выжившему из ума старику? Думаешь ведь? Можешь не отвечать... Но ты не прав. Просто я очень зримо показал тебе, что воинская наука тоже имеет смысл.

–

Какой смысл? Умение защитить себя? Так ведь если не становиться бродячим знахарем, то это не очень – то и нужно! – не выдержал Дмитрий.

Мирослав молчал, по – видимому, не собираясь ничего объяснять. Это его молчание стало последней каплей. Весь трудный и опасный год пути вдруг прошел перед глазами Дмитрия. Год, который он мог и не пережить! И во имя чего? Дмитрий не успел опомниться, как назревшая в душе обида вырвалась наружу:

–

Да, ты прав, я шел сюда учиться у мудрейшего знахаря, а встретил... Встретил выжившего из ума старика! Я ухожу! Лучше уж я буду сам учиться, чем потакать безумным выходкам некогда великого лекаря.

– Что ж, раз решил, уходи, – спокойно, с улыбкой ответил Мирослав. – Но только подумай сначала – может ли быть хорошим лекарем тот, кто сам слаб здоровьем и не может вылечить даже себя? И может ли быть лекарем тот, кто не знает особенностей токов внутренней силы? Подумай над этими вопросами – и можешь идти. Я никого силой не держу.

Сказав это, старый ведун встал из – за стола, подошел к полкам с книгами и стал там что – то искать. А Дмитрий, раздосадованный, злой, будучи на сей раз не в состоянии овладеть собой, вышел из дома и, сев во дворе на колоде для рубки дров, задумался.

Старик, конечно, сумасброд. Но в сказанных им словах Дмитрий почувствовал какой – то важный смысл. Если он уйдет прямо сейчас, не поняв, что же именно хотел сказать ему этот странный старик, то получится, будто тот прав. А Дмитрий – нет. Если же удастся понять смысл сказанных стариком слов, то тогда Дмитрий уйдет с сознанием того, что он не хуже сумасшедшего ведуна понимает, что нужно делать, чтобы стать настоящим знахарем. И, глядя на стоявшее над вершинами деревьев солнце, Дмитрий задумался.

Он сидел так минут пять. А потом хлопнул себя руками по коленям, встал и пошел обратно в дом.

Войдя, он застал Мирослава читающим какой – то древний фолиант. Потоптавшись у входа, парень, наконец, выдавил из себя слова:

– Хороший лекарь должен и сам быть здоров, и уметь ощущать то, что происходит в теле и душе тех, кого он лечит. А для этого сначала надо научиться *чувствовать и осознавать* это в себе самом. И воинские упражнения этому учат. Я верно понял?

– Почти, – ответил, оторвав взгляд от книги, Мирослав. – Есть и другие способы познать себя и содержать в порядке свои тело, разум и душу. Но лично тебе действительно больше всего для этой цели подходят именно занятия боевыми искусствами. Пелагея правильно это почувствовала. Но есть от этих занятий еще и кое – какая другая польза. Да только до этого ты сам дойти должен. Если это тебе скажу я, то ты мне просто не поверишь. Потому что у тебя вообще нет опыта переживания подобных ощущений. А значит, ты их и представить себе не сможешь. Ну так что, пойдешь или останешься у меня?

– Останусь.

– Ну а раз так, то пошли со мной. Дам я тебе первый урок.

С этими словами Мирослав двинулся в сторону леса, и Дмитрий пошел следом.

Они углубились в чащу, выйдя к странной поляне – вокруг нее росли двенадцать могучих дубов, которых Дмитрий в местных лесах за время путешествия почти и не встречал. И было в этой поляне еще что – то необычное, чего Дмитрий так сразу не осознал. Словно почувствовав его удивление, Мирослав указал на дубы и сказал:

– Я сам их высадил и ухаживал за ними, берег от заморозков. Кроме того, в этом месте почва теплая. Здесь близко к поверхности подходят теплые воды.

– Теплые воды? Здесь? Откуда?

– Из глубин земли. И это мы тоже используем в твоём учении, но позже. А пока начнем урок. Скажи мне, каких животных ты знаешь?

– Ну – у, медведь, лось, рысь, волк, росомаха, заяц, белка, соболь, уж, гадюка, лягушка...

– Стой, стой. Хватит пока тех, кто живет на земле. А в небе и в воде?

– Ну, ерш, сом, налим, щука, ястреб, коршун, соловей, сова...

– Так, ладно. А пока ты добирался до меня, ты никаких неизвестных тебе зверей не встречал?

– В одной харчевне у хозяина жил маленький зверек, похожий на человечка. Уморительные у него ужимки. Хозяин говорил, что купил его у проезжего купца из дальней страны. И еще хозяин рассказывал, что тот купец говорил про огромных тварей, живущих в реках и озерах на юге его страны. Они одеты в толстую чешуйчатую шкуру, у них огромные зубы, маленькие лапы и страшный хвост, ударом которого можно сломать ноги человеку. Звери эти плавают в воде как рыбы, и по суше тоже могут двигаться, правда, не долго.

– Угу... Ну что ж, хорошо. А скажи – ка мне теперь, рассказывала ли тебе Пелагея что – нибудь про воинские ухватки, которые подражают звериным?

– Не только говорила, а и учила. Медвежьему, волчьему, соколиному и гадючьему бою.

– Хорошо. А как ты сам думаешь – что главное в этих боевых приемах?

– Ну, понять, как тот или другой зверь двигается, как бьет, как уворачивается. И самому так двигаться.

– Но ты же не лось и не медведь. Зубов, когтей, копыт и рогов у тебя нет. Как же ты можешь так же двигаться и бить?

– Ну, я имел в виду, что надо двигаться похоже.

– Эх – хо – хо... А что Пелагея – то тебе говорила?

– Что надо стараться почувствовать, как у зверя его внутренняя сила движется и изливается наружу и как ведет себя в бою его истинная сущность. И заставляла за разными зверями и даже за рыбами наблюдать. Да только, сколько я за ними не смотрел, а толком осознать токи их внутренних сил так и не смог. Очень уж они другие, не такие, как мы.

– Ну ладно. Вот с этого мы с тобой и начнем – будешь учиться чувствовать токи силы у животных. А для этого тебе надо сначала самому научиться чувствовать и видеть мир так же, как те, кому ты будешь подражать.

– А как это? Мирослав, ты же сам говорил только что, что я же не зверь, не птица и не рыба.

– Да, говорил. Да только по Промыслу Изначальных Родителей есть в нас, людях, память глубинная не только обо всех предках наших среди людей, но и о звериных наших предках тоже. Вот я тебя и научу память эту пробуждать. Ну а прежде чем начнем, попробуй догадаться, чем это полезно лекарю?

Дмитрий задумался. Ответ пришел ему в голову довольно быстро:

– Если уж я смогу даже у зверей их токи внутренних сил ощущать, то уж нарушения в токах сил у человека и подавно почувствую, даже малейшие. А значит, и зарождение болезней смогу распознавать раньше!

– Молодец. Да только это не все. Звери ведь тоже болеют и лечатся. И если ты их силы чувствовать научишься, то сможешь многие их способы лечиться понять – какие движения делать, какие корешки и травки есть, и когда. И вообще, запомни – научишься чувствовать внутреннюю суть живых ли, неживых ли вещей – и они тебе сами о многом расскажут. И посоветуют. Только надо уметь их слышать. Ну а теперь выпей – ка вот это, – и Мирослав протянул Дмитрию небольшую бутылочку, которую достал из – за пазухи своей душегрейки.

Дмитрий с трудом открыл обмазанную смолой плотно пригнанную деревянную пробку и понюхал содержимое. Запах был странный. Резко выдохнув, Дмитрий вылил в рот сразу всю находившуюся в бутылочке жидкость. Сглотнул. Сначала ничего не происходило. Потом вдруг резко обострились сразу все чувства. И сразу вслед за этим нахлынула слабость. Охнув, Дмитрий на подгибающихся ногах подошел к ближайшему из дубов и сел, прислонившись к нему спиной. Перед глазами все плыло, и голос Мирослава доносился словно издали:

– Постарайся четко представить себе любого зверя или птицу, которые тебе нравятся. И пожелай им стать. Воплотиться в него.

И когда сознание уже совсем угасало, перед внутренним взором Дмитрий вдруг появился образ парящего в голубом небе сокола. А в следующий миг он осознал, что видит землю с высоты. Видит совсем иначе, чем человек.

Вдруг он ощутил, что летит! Он был соколом! Его память и сознание жили сейчас в теле гордой могучей птицы.

Едва справившись с восхищением, свыкнувшись с восторгом полета, Дмитрий вспомнил, что должен постараться прочувствовать и запомнить, как двигается, что чувствует, и как ощущает мир сокол. Но едва он начал пытаться это все замечать и анализировать, как тотчас же стал падать!

В ужасе он что было сил замахал крыльями, но от этого падение не прекратилось, а тело сокола лишь закрутилось, завертелось в воздухе. И вращение это становилось все быстрее, как ни пытался сокол выправиться, удержаться. Земля стремительно приближалась!

И тут какое – то внутреннее чутье подсказало Дмитрию, что нужно делать. Он отстранил свое сознание от сознания птицы. Теперь Дмитрий был одновременно и самим собой, и соколом. Он словно со стороны смотрел на самого себя в теле сокола, и именно это отстраненное внимание позволило ему восстановить контроль над ситуацией.

Сокола уже не тащила за собой невидимая воронка, не заставляла стремительно вращаться, падая на землю. Он выровнял падение, а потом несколькими уверенными взмахами крыльев перевел тело в полет. И стал набирать высоту. Дмитрий, словно затаившись в разуме и теле птицы, лишь наблюдал за внутренними ощущениями самого сокола, не делая больше попыток вмешиваться.

Он летал и летал, наслаждаясь полетом и своей властью над ощущениями в теле сокола. Так продолжалось довольно долго. С высоты полета прекрасно просматривалась земля. Внизу проплывали деревья, поля, струилась змейкою река... Кажется, он удалился довольно далеко от поляны с дубами, но это его мало беспокоило. Он обрел полный покой и уверенность. Состояние раздвоенности, когда он был одновременно и Дмитрием, и соколом, оказалось очень приятным, и чтобы поддерживать это состояние, теперь не требовалось почти никаких усилий.

Он не успел опомниться, как сокол камнем упал вниз – и тут же взмыл в воздух, держа в цепких лапах едва трепыхающуюся обезумевшую от ужаса полевую мышь. И в этот миг Дмитрий осознал, что уже легко следует всем соколиным повадкам! Приземлившись на большой валун и растерзав добычу клювом, он – сокол вволю полакомился мясом. В человеческом теле один вид такого пиршества вызвал бы у него отвращение. Но сейчас свои аппетиты удовлетворял не он, не Дмитрий – это делал сокол, а человек лишь смотрел на это со стороны, одновременно ощущая все, что испытывал сокол. Это были чувства, для которых в человеческом языке и слова то не всегда найдутся, а в ощущениях сопровождающих действия сокола потоков энергии и вовсе не было ничего общего с тем, что мог бы испытать человек. Поэтому та часть единой сущности человека и сокола, которая продолжала быть Дмитрием, смутно ощутила, что он получает какой – то бесценный опыт, доступный лишь единицам из людей.

Снова взмыв в воздух, сокол почувствовал, что недостаточно насытился. Еще какое – то время он парил кругами над поляной, словно чего – то выжидая. И дождался – на поляну выскочила и опрометчиво побежала через нее довольно крупная лисица! Снова падение камнем вниз – когти впились в теплую бьющуюся плоть... Да, это оказалось гораздо сложнее, чем победить мышь! Лисица сопротивлялась. Она цеплялась за жизнь всеми своими четырьмя лапами и зубастой пастью, пытаясь извернуться, чтобы перегрызть горло соколу. Дмитрий сполна ощутил, как бьется с лисицей сокол, как изо всех сил пытается поразить жизненно важные места лисицы клювом и ударами когтистых лап, как бьет концами крыльев про глазам, отскакивая в воздух всякий раз, когда рыжая хищница пытается контратаковать. Главное было – измотать добычу, лишить ее сил, не дав ей уйти и достичь спасительной кромки леса. Дмитрий ощущал, как напрягаются его (он уже ощущал их именно как свои части тела) крылья и лапы, стремящиеся вырвать из тела лисы кусок за куском...

Сокол победил. Лисица обмякла и затихла. И вот тут хищная птица устроила настоящее пиршество. А, насытившись, снова взмыла в небо, чтобы парить высоко – высоко, наслаждаясь восхитительным чувством полета!

И вдруг все потемнело перед глазами – то ли у сокола, то ли уже у Дмитрия... Мир вокруг поплыл, а потом начал стремительно распадаться на куски...

Дмитрий очнулся там же, где и был – на поляне, возле большого дуба. Открыл глаза. Попытался подвигать руками и ногами, потянулся. Руки, ноги – все было на месте. Он снова оказался в человеческом теле. И тут его вдруг поразила догадка. Неужели на самом деле ничего этого не было – ни полета, ни мыши, ни лисицы, ни угрозы падения, ни торжествующего величественного парения над землей? Неужели все это лишь померещилось под воздействием Мирослава напитка? Померещилось, почудилось! А на самом он так и сидел здесь, под дубом...

Вдруг он снова вспомнил ощущение полета, и каждая жилка, каждый нерв в его теле отозвались – его тело помнило этот полет, в теле было знание о том, что это такое – парение высоко в небе. И помнило оно также, как текла *жива* в теле сокола во время сражения! Нет, не померещилось ему это... Это было, было на самом деле. Он был соколом! Теперь это не вызывало у него никаких сомнений.

Дмитрий встал, еще раз потянулся всем телом, разминая затекшие мышцы. Затем он сделал несколько шагов – как будто заново учился ходить, проверял, как хорошо он умеет это делать. Несколько раз глубоко вдохнув, он вдруг осознал: когда он был соколом, то дышал совсем иначе. Этот переход в ощущениях тела – от соколиных обратно к человеческим – был очень непривычным и необычным состоянием. Его человеческое тело помнило ощущения тела соколиного, и он мог по своей воле как вернуться к ощущениям сокола, так и снова перейти в человеческое восприятие мира.

Оглядевшись, Дмитрий понял, что Мирослава на поляне нет. И судя по положению солнца, пробыл здесь Дмитрий никак не меньше половины дня.

Подходя к избе, он еще издали увидел старого *ведуну*. Тот выполнял какие – то медленные, плавные движения, непрерывно перетекающие одно в другое так, словно все они были единым движением, только очень длинным и растянутым во времени. Со стороны казалось, что Мирослав словно плавает в воздухе. Дмитрий застыл, замороженный этим зрелищем, в котором было столько красоты и силы. Такого Пелагея ему не показывала!

Мирослав никак не отреагировал на возвращение Дмитрия, и тот присел на своем любимом месте – колоде для рубки дров, чтобы с интересом и восторгом продолжить наблюдать за занятиями старика. Ведун еще некоторое время занимался, а затем вскинул обе руки вверх и произнес трижды: «Слава Творцу!» После еще некоторое время постоял неподвижно с закрытыми глазами, словно всматриваясь и вслушиваясь к чему – то внутри себя. И, наконец, шумно выдохнув, посмотрел на Дмитрия и спросил:

– Ну что, кем ты был сегодня?

Дмитрию очень хотелось расспросить Мирослава, что это такое он делал. Но вопрос прозвучал так неожиданно, что он непроизвольно сразу ответил:

– Соколом.

– И как оно? – продолжал расспросы старик.

– Сначала чуть не разбился.

– Сам захотел крыльями помахать, небось?

– Ну да.

– Ладно. Потом расскажешь, если захочешь. Ощущения – то запомнил?

– Кажется, да.

– Ну и славно. Пошли, поедим. А вечером будешь отрабатывать известные тебе движения «соколиного боя», только на этот раз постарайся во время их выполнения ощутить себя соколом. Вспомнишь все, что осознал сегодня и постарайся достичь того, чтобы ощущения во время движения стали как можно ближе к тем, которые у тебя были в теле сокола. Ну ладно, пошли в дом.

Прошло уже четыре месяца, как Дмитрий пришел к Мирославу. Осень все больше вступала в свои права – дни стали короткими, а ветра холодными. Дмитрий за это время в совершенстве освоил соколиный, медвежий, волчий, заячий и лосиный бой. Мирослав был доволен учеником. А тот уже и забыл, что мог думать о воинском искусстве как о чем – то лишнем и не интересном. Впрочем, то, чему его учил *ведун*, и не было собственно воинским искусством.

Сегодня Дмитрий с радостью ждал следующего урока. Но Мирослав повел его не к заповедным дубам, а в сени своей же избы. И, подведя к углу, спросил:

–

Что видишь?

Уже приученный внимательно наблюдать за всем, что его окружает, Дмитрий и сейчас со всем тщанием осмотрел угол. И стал перечислять:

–

Мох кое – где вылез, топориче старое лежит, посохи наши боевые стоят, паутина под потолком, а на полу стрекоза дохлая лежит.

–

Хватит. Потому что для тебя сегодня важен именно паук. В него воплотишься. А это посложнее будет, чем все, чем ты до этого занимался.

–

Почему? Разве летать проще, чем паутину плести?

–

Ох, учу я тебя, учу, а ты как был дурнем, так и остался! Сколько у паука ног?

–

Шесть.

–

Балда. Это у стрекозы и кузнечика шесть, а у паука восемь.

–

Ну и что? Шесть, восемь – какая разница.

–

Не понял еще. Ладно. А сколько у птицы ног и у зайца?

–

У птицы две, у зайца четыре.

–

Ну?! Нет, зря я на тебя время трачу! Сам посуди – до сих пор ты воплощался в тех животных, у которых четыре конечности. У человека их тоже четыре. И не столь уж важно, что у птицы две из них крылья, что заяц или волк бегают сразу на всех четырех лапах, а человек ходит только на двух ногах. А у паука – то этих конечностей – восемь! Да еще и глаза у насекомых по – другому устроены. К тому же, заметь, для насекомых, как существ маленьких, время течет гораздо быстрее. Поэтому все ощущения во время воплощения в них для твоего восприятия и разума будут гораздо более непривычными. Так что на этот раз я за тобой при-
смотрую, а то, упаси тебя Изначальные Предки, еще умом повредишься. Хотя и не велик он у тебя, а все ж неприятность. А еще может в теле течение силы нарушиться. Ладно, давай минут пять посмотри на паука и обратно в горницу приходи.

Понаблюдав за восьминогим охотником, за тем, как шевелит он мохнатыми лапками, и даже потыкав в паутину щепочкой, чтобы посмотреть, как тот движется, Дмитрий вернулся в горницу и, выпив очередное снадобье Мирослава, погрузился в мир совершенно иного, чуждого человеку существа.

Паучье зрение и впрямь было совсем иным. Сначала Дмитрию показалось, что весь мир разбился на кусочки. А уже потом его из этих кусочков склеили заново. А главное – сам мир был совсем другим. И дело не только в том, что все, казавшееся мелким для человеческих глаз, стало просто – таки гигантским для паука. Самым удивительным оказалось, что все, что двигалось вокруг, стало двигаться очень медленно. Какое – то полотно перед глазами бесконечно долго и очень медленно надвигалось на Дмитрия, а потом так же медленно начало отодвигаться. И далеко не сразу он понял, что это колыхнулась на окне занавеска.

Но занавеска не долго занимала его внимание, потому что он столкнулся с невыносимо сложной, казалось, невыполнимой задачей: чтобы двигаться, надо было шевелить сразу восемью лапками! Причем не лишь бы как шевелить, а в определенном порядке! А иначе было какое – то бессмысленное хаотичное двиганье конечностями, и он лишь барахтался на месте, но никак не мог сдвинуться. Осознать и запомнить ощущение движения сразу восьми лапок, которое приводило бы не к барахтанью, а к осмысленному перемещению, оказалось крайне тяжело. Разум сначала бунтовал, никак не желая впитывать эти странные чувства, а потом, видимо, не в силах так долго выдерживать подобного напряжения, просто отключился...

В себя Дмитрий пришел от того, что к его губам прикоснулся край деревянной чаши. Открыв глаза, он увидел, что лежит на кровати, а рядом сидит Мирослав и, придерживая его голову, поит его каким – то отваром. Наконец в голове у Дмитрия начало потихоньку проясняться. Он сделал несколько глотков горьковато – мятного отвара, и Мирослав убрал чашу. Дмитрий сначала с трудом сел, а, посидев немного, и вспомнив, где у него руки, а где ноги, попробовал встать. И – едва не упал, запутавшись в собственных ногах! Каким – то чудом ему, однако, удалось устоять. Мирослав только посмеивался, наблюдая его «пляску», когда он на заплетающихся ногах пытался изо всех сил удержать равновесие, а его кидало то в одну сторону, то в другую. Но уже спустя минуту Дмитрий был полностью в норме.

–

Ну что, понял теперь, каково оно пауком – то быть? – спросил Мирослав, вытирая слезящиеся от смеха глаза.

–

Да уж... Заблудиться можно во всех этих ногах, глазах. Действительно, чуть умом не тронулся.

–

Ладно, лиха беда начало, – успокоил его Мирослав. – Научись и этому. Просто на это времени уйдет поболее. Зато когда освоишься, да научишься при помощи своего разума управлять сразу восемью паучьими ногами, то своими собственными человеческими руками и ногами сможешь такое делать, о чем раньше и подумать не мог. А то, что уже умеешь, сможешь делать почти в два раза быстрее! Да и само время станешь чувствовать иначе.

Дмитрий вспомнил, как медленно и долго двигалась занавеска в паучьем мире. Мгновение там тянется значительно дольше, чем в мире человеческом! А значит, и успеть за это мгновение можно несравнимо больше. Совершить массу действий, движений, на которые другой человек не успеет не то что отреагировать – он их попросту не заметит! Вот в чем секрет того неуловимого движения Мирослава, когда он ни с того ни с сего опрокинул Дмитрия в воду. Так вот для чего он это сделал... Чтобы Дмитрий понял, какие преимущества дает такое обучение. А он тогда обиделся на «безумного» старика...

– А вообще ты молодец, быстро в себя пришел, – продолжал Мирослав. – Многих после такого перевоплощения дня по два корежит. Ну что ж... Значит, и следующий урок выдюжишь.

Следующий урок? Дмитрий был, конечно, воодушевлен открывшимися перед ним возможностями. Но все же он и от этого урока еще не отошел... Но с Мирославом не поспоришь. А потому Дмитрий перечить не стал, спросил только:

–

Неужели есть что – то похуже, чем пауком быть?

–

А ты подумай сам, – с усмешкой сказал Мирослав. – Чем сильнее существо от тебя отличается, тем тяжелее тебе им стать. Потому что сложнее пропустить через свои разум и тело ощущения и потоки

внутренней силы

, присущие этому существу. Ну что, догадался?

–

Ну – у, тогда, наверное, змеей или рыбой человеку быть еще хуже, чем пауком. Ведь они еще сильнее, чем паук, от нас отличаются. У них и вообще ног никаких нет.

–

Точно! – обрадовался его догадке Мирослав. – А рыбы еще и живут в воде. А там вообще все иначе. Ну да до этого еще далеко. А пока ты еще насекомых месяц – полтора будешь постигать. Ведь тебе еще и соответствующие ощущениям насекомых боевые наборы движений придется учить. Прежним – то тебя Пелагея худо – бедно натаскала, а этих ты вовсе не знаешь. Так что если за месяц справишься с насекомыми, то это хорошо.

И пошли, потянулись дни, проводимые Дмитрием в теле то паука, то пчелы, то муравья, то мухи... Даже тараканом довелось побывать – вот уж никогда он не думал, что придется шастать по полу в виде гадости такой, да усами пошевеливать... Радовало то, что в крошечных насекомых телах у него теперь ни ноги не заплетались, ни глаза не разбегались. Да и сознание не отключалось – голова оставалась ясной, трезвой, разумной. Каждый раз, приходя в себя, он все легче воспроизводил в своем человеческом теле те ощущения, что испытал, побывав в шкуре насекомого. И Дмитрий явственно чувствовал, что новой, неизведанной силой наполняются не только его тело, но и разум, и душа.

Прошли месяц и неделя, когда, проснувшись рано утром, Дмитрий увидел, что вся земля покрыта белым покрывалом первого снега, выпавшего ночью. И восемь деревянных столбов, которые Дмитрий лично срубил из старой высохшей сосны, тоже были припорошены снегом. Неделю назад они с Мирославом установили эти столбы во дворе под естественным навесом из веток высоченных старых елей. И теперь никакие капризы погоды уже не могли помешать намерению Дмитрия продолжить занятия!

Вскочив и выйдя во двор, он с удовольствием умылся первым снегом, после чего взял в каждую руку по одному из оставленных лежать на колоде после вчерашних вечерних занятий кнутов и вышел на середину двора. Затем, втянув носом холодный воздух, развел руки и, резко наклонив туловище вперед, прыгнул. Кнуты со свистом рассекли воздух и оглушительно щелкнули по двум из восьми расставленных во дворе деревянных столбов.

Вот уже неделя, как он лупит их кнутами, рубит мечами и бьет ногами, закрепляя уже в бойцовских навыках ощущения, полученные от пребывания в теле разных насекомых. Раньше бы ему и в голову не пришло, что он сможет драться как паук, как пчела и даже как таракан, используя все возможности владения телом, данные этим ползучим и летучим тварям, но отнятые природой у человека...

Неожиданно во двор вышел хозяин. Он направлялся прямо к вошедшему в раж Дмитрию, и кнут теперь летел ему в лицо! Однако не успел Дмитрий опомниться, как Мирослав неуловимым движением руки перехватил кнут прямо на лету, и дернул его при этом так, что Дмитрий, чтобы не упасть, вынужден был рвануть тело следом. Распластавшись в полете, он оттолкнулся второй рукой от земли и, извернувшись, встал на ноги. Глаза его, сверкавшие яростью и упоением боя, постепенно приобрели обычное выражение.

– Молодец, – скупой похвалил Мирослав. – Только не позволяй своей *внутренней сути* оказаться полностью поглощенной той древней насекомой *сущностью*, которая живет в части твоего *глубинного* разума. А то можешь и не вернуться. Так и останешься человеком с поведением и восприятием насекомого.

– Не – а... Я этих тварей, живущих в каждом из нас, чем больше постигаю, тем лучше умею держать в узде.

– Ну, да помогут тебе Великие Родители! Думаю, однако, что пришло время новый урок получить. Помнишь, ты сам про змей и рыб догадался? У них вообще ног нет. Так что придется тебе теперь их видению мира поучиться.

– Ну а где ж мы сейчас зимой змею – то найдем? – удивился Дмитрий. – Да и рыбу из – подо льда еще выловить надобно, чтобы на нее посмотреть.

– Есть у меня для тебя сюрприз, – ответил Мирослав. – Помнишь, я тебе говорил про то, что в этой местности воды теплые из глубин земли близко к поверхности подходят? Так вот, есть тут в скалах пещера, а в ней небольшое озерцо. Теплое, аж парит. Рыбы там, правда, нет, ну да тут ты прав – в реке поймашь и посмотришь. А змеи как раз в окрестности тех скал и зимой не все спят. Так что сможешь выследить и полюбоваться. А вот отрабатывать движения что рыб, что змей поначалу лучше всего в воде. Так вот в том озерке и будешь это делать. А сейчас иди за рыбой. Заодно и на ужин нам наловишь.

Речка еще не успела подернуться льдом, и наловить рыбы не составило труда, благо, что водилось ее здесь в изобилии. Но сейчас, впервые в жизни, Дмитрий ловил рыбу не только для еды. Держа в руках блестящее чешуей, трепещущее и так норвящее выскользнуть скользкое рыбье тело, он без труда мог проникнуться внутренними ощущениями рыбы, и даже приблизиться к пониманию, что это значит – быть рыбой...

А вечером, уже в темноте, Дмитрий вместе с Мирославом двинулись через лес к скалам. Мирослав шел впотьмах по лесу как днем, ни разу не сбившись с невидимой тропинки и даже не споткнувшись. Дмитрий старался идти след в след и еле поспевал за ним. Хотя, казалось, и освоил ночное зрение, присущее сове и рыси. Да только, судя по всему, Мирослав не только

видел в темноте, а еще и *чувствовал* или даже, скорее, *предчувствовал* встречающиеся на пути препятствия.

И вот лес закончился, а впереди темной громадой показались скалы. По одному ему известным приметам *ведун* нашел меж них узкий, скрытый кустарником проход вглубь. Протиснувшись сквозь расселину, они вышли прямо к входу в довольно большую пещеру. Уже приближалась ночь, и в пещере, куда не проникал свет только что взошедшей луны, было темно, хоть глаз выколи. Дмитрий и Мирослав запалили предусмотрительно взятые с собой факелы, и пошли дальше под каменные своды. Их тени причудливо колыхались на неровных стенах, тут и там встречающиеся сталактиты словно извивались, двигались, исполняли в свете факелов причудливый танец, от чего пещера казалась живой, словно двигались они не среди сплошного неподвижного камня, а в чреве поглотившего их чудовища, так и силящегося поскорее переварить свою добычу...

Спустя какое – то время они вышли на берег подземного озера. Над его поверхностью клубился пар. Озеро и впрямь было теплым, очевидно гораздо теплее прохладного воздуха пещеры. На противоположном берегу, как и говорил Мирослав, грелись, свернувшись кольцами на теплых камнях, сразу несколько некрупных змей. Некоторое время Дмитрий наблюдал за ними, стараясь проникнуть разумом в их внутреннюю сущность. А потом Мирослав велел Дмитрию раздеться и лезть в озеро.

Вода оказалась не только теплее, чем воздух, но даже теплее, чем тело. У своих каменистых берегов озеро было неглубоким, и Дмитрий, найдя небольшую выемку на дне, устроился в ней полулежа, закрыл глаза и полностью расслабил тело, благо, что этот навык был уже усвоен им в совершенстве.

Мирослав, как всегда, достал из – за пазухи флакон с очередным снадобьем и дал его Дмитрию. Тот привычно выпил жидкость. На сей раз она была абсолютно безвкусной, словно простая вода.

Вслед за последним глотком сознание Дмитрия уже привычно скользнуло в ту *глубину* разума, где находится *истинная сущность* каждого человека. Чтобы на сей раз ощутить себя рыбой, или змеей – или и рыбой, и змеей одновременно... Этого он пока не мог знать.

Но вот глубинный покой охватил его.

Он почувствовал свое тело – гибкое, скользкое, послушное водным потокам... Надо было научиться следовать им, ощущать их, двигаться среди них... И новый шквал незнакомых прежде ощущений накрыл его с головой.

В постижении мира рыб и змей прошло еще полтора месяца. А потом наряду с упражнениями Мирослав начал давать ему читать некоторые из своих древних книг.

Грамоте Дмитрия еще Пелагея обучила, причем кроме родного языка научила его читать еще на двух чужеземных. На которых, как она сказала, многие труды по лекарству написаны.

На улице стояла уже лютая стужа. И теперь Дмитрий все чаще сидел в избе за изучением древних фолиантов на чужеземных языках – как раз тех, по лекарскому искусству, о которых Пелагея говорила. Один из них как раз и был у него в руках. Впрочем, говорилось в нем вовсе не о каких – то снадобьях или свойствах болезней, как можно было бы подумать. Речь шла, к удивлению Дмитрия, об устройстве мира – о том, как все в мире друг с другом связано и одно вытекает из другого, чтобы породить третье, и так далее, пока не замкнется *круг превращений*.

Этот круг по сути своей непрерывен, было написано в фолианте. И на этом кругу есть особые точки, в которых человеческое восприятие может заметить у текущей в природе *Единой Силы Сущего* присущие ей отдельные качества. Этих качеств древние мудрецы насчитали двенадцать. И выяснили, что с каждым из этих двенадцати качеств соотносится одно из наблюдаемых в мире внешних *проявлений Единой Силы*.

Уже позже эти проявления называли *стихиями*.

Не все сразу понял Дмитрий в этом фолианте. И обратился за разъяснениями к Мирославу.

Мирослав объяснил ему, что почти для каждой из *стихий* можно найти живое существо, наиболее к ней предрасположенное. Так, как птица предрасположена к воздуху, а рыба – к воде. Человек же хоть и может *напрямую* ощутить *суть стихий*, но все же для него это очень тяжело. А для неподготовленного человека – и вовсе непосильно. Да и доступны – то прямому восприятию человека только пять из двенадцати *качественно* разных состояний природы.

Вот в чем заключался еще один смысл того, почему Мирослав учил Дмитрия постигать *внутреннюю суть* самых разных животных: это было необходимо еще и для постижения сути стихий!

Разные животные, птицы, рыбы, насекомые имеют сродство с теми или иными стихиями. Поняв внутреннюю суть этих животных, рыб, птиц, насекомых и даже змей, Дмитрий сможет постигать и *скрытую суть стихий*, и будет это для него намного проще, чем в случае, если бы он не побывал уже разными тварями – земными, водными и воздушными.

Будучи «в шкуре» этих тварей, Дмитрий и впрямь уже уловил *суть воды* и *воздуха*. Тяжелее ему давалось постигать *суть земли*. А всего тяжелее шло понимание *суть огня* и *металла*. Ведь не было животных, родственных этим *стихиям*... И поэтому приходилось постигать их в попытках *прямого воплощения* в них своей *истинной сущности*.

Самому становиться огнем и металлом! Это давалось ох как нелегко...

Мирослав в лесу на поляне разжигал для него костер, затем давал выпить какой – то обжигающей, словно огонь, жидкости, и велел впитывать огонь сквозь кожу в тело. Сначала Дмитрию казалось, что он сгорит в огне, вдруг начавшем бушевать у него внутри. Но потом его тело превратилось в рвущееся в небо пламя. Он стал пламенем – чистым, ослепительным, пляшущим, буйным, неудержимым огнем, сжигающей и очищающей могучей силой...

От жаркого огня он переходил к холодному металлу, постигая его *суть* через общение с мечом и топором. Благо и тем и другим он поработал немало. И когда у него получалось достичь *слияния и воплощения в суть стихии* металла, он становился подвижным, быстрым и легким, как остро наточенный клинок. Теперь Дмитрий знал, что все стихии живут у него внутри, но все они – под контролем у его истинной сущности. Он владел этими вновь обретенными качествами, а не они владели им...

Остальные семь стихий давались Дмитрию также с разным успехом. А освоить их надо было. Ведь в каждом человеке присутствуют в разной степени все природные стихии, хоть и далеко не каждый человек это чувствует. И именно от силы и равновесия стихий зависит здоровье человека. Лекарь, понимающий и чувствующий, какая из стихий в больном сильна, а какая ослабла, сможет почувствовать самое начало зарождения болезни, когда это еще и не болезнь, собственно, а лишь своего рода «тень» будущей болезни, отброшенная в настоящее.

Поняв, почему так важно ему освоить и понять суть стихий, Дмитрий снова и снова упрямо пробирался сквозь хитросплетения и чужого языка, и сложных понятий. Хорошо хоть, были и у мудрецов родного народа записи, говорящие о том же. Да и Мирослав не отказывал Дмитрию в разъяснениях.

За этими занятиями и прошло незаметно еще полгода.

Дни вновь стали длинными, и даже ночи теперь были светлыми. В один из дней, когда Дмитрий уже привычно взял в руки толстую книгу, Мирослав вдруг отобрал у него фолиант, сказав, что пришло время для другого дела. «Для какого?» – поинтересовался Дмитрий.

И тогда Мирослав предложил Дмитрию сразиться с ним. Сразиться всерьез, хоть и без оружия.

Еще год назад Дмитрий, пожалуй, стусевался бы от такого предложения. Но сейчас все стало иначе. Он сам стал другим человеком. Совсем не тем, кто пришел однажды к избе Мирослава и жестоко обиделся на первое же устроенное тем испытание.

Тогда он не был, да и не мог быть для Мирослава достойным соперником. И Мирослав, конечно же, видел это. Потому и не предлагал сразиться. Но сейчас, когда все изменилось, Дмитрий и сам чувствовал, что готов помериться силой со старым мастером – *ведун*. Не стушует, не струхнет и не усомнится в себе. Он не только готов был помериться с ним силой – он почти не сомневался, что если постарается, то может и одолеть Мирослава. Все – таки *ведун*, хотя и силен, ловок и быстр для своих то лет, все – таки стар. Он же, Дмитрий, молод. И теперь тоже владеет боевым искусством.

Даже без оружия Дмитрий сейчас мог убить обычного человека, причем, даже не прикасаясь к нему, на расстоянии двух шагов. С Мирославом, конечно, вряд ли удастся разделаться легко. Но тем лучше. Значит, можно сражаться на равных, а не играть «в поддавки», не стараться изо всех сил не причинить сопернику вреда.

Поразмыслив об этом, Дмитрий согласился выйти на бой. Правда, все же честно предупредил Мирослава, что боится причинить ему вред. «Я ведь молод и силен, а ты, старый *ведун*, хотя и здоров не по годам, а все – таки...»

Дмитрий был уверен, что поступает благородно, говоря так. Мирослав не может не видеть, что ученик физически сильнее и во многом уже превзошел учителя в искусстве боя.

Реакция Мирослава была неожиданной. Он вовсе не стал просить Дмитрия щадить его в бою или сражаться как – нибудь в полсилы. Напротив, лишь усмехнулся в ответ и промолвил: «Ну да помогут Изначальные Предки нашему теляти да медведя заломати».

С этими словами и вышел во двор. «Вот ведь самонадеянный старик», – подумал Дмитрий, вздохнув, сбросил в сени рубаху и пошел следом за Мирославом.

К полному его изумлению, не прошло и ста ударов сердца с начала схватки, как Дмитрий уже лежал, обездвиженный, у ног победно возвышающегося над ним Мирослава. Ему было стыдно не столько за поражение, сколько за свою самонадеянность, которая, как он только сейчас понял, бывает наказуема.

Потом, выйдя из *боевого состояния*, он вдруг осознал, что Мирослав мог бы завершить бой и еще раньше. Да не стал. Видимо, хотел в деле посмотреть, как освоил Дмитрий всю его науку. Как будет менять он по ходу схватки манеры боя, переходя из одного звериного состояния в другое, меняя *наполняющие* его движения *стихии* и соответствующие этому состояния своей *внутренней силы* и *качества истинной сущности*.

Но как ни старался Дмитрий, он так и не смог ощутить, за счет чего Мирослав раз за разом либо сбивал его на землю, либо делал так, что самые отточенные, вьевшиися в плоть и кровь движения вдруг переставали получаться, и Дмитрий буквально начинал путаться в собственных руках и ногах! И это он, чей разум научился управлять восемью лапами паука! Да и сейчас, когда схватка закончилась, он так и не понял пока, благодаря чему Мирослав так легко, буквально играючи победил его. Помучавшись этой загадкой, Дмитрий подошел к присевшему на лавку *ведуну* и спросил:

– Как же так? В чем я ошибся? Я чего – то не понял или понял неправильно? Или я не все еще знаю?

– Ну, допустим, все одним ПервоПредкам известно. И я тоже по сей день учусь. А побил я тебя потому, что воздействовал на то, что *присуще именно человеку*. И поэтому в звериных манерах боя просто нет средств, способных противостоять таким приемам.

– Что же это за ухватки такие особенные?

– Садись рядом. И слушай внимательно. Потому как то, про что я сейчас поведу речь, кажется простым. И за этой внешней «простотой» легко потерять подлинный смысл.

Дмитрий приготовился слушать в оба уха. И Мирослав неспешно продолжил:

– Запомни, что любое движение людей в бою так или иначе, да связано с *самым древним чисто человеческим навыком* – удерживать равновесие. И можно развить очень тонкое ощущение той предельной границы положения тела, за которой уже нельзя удержаться от падения. И

тогда человек, как говорят в системах нашего народа, начинает «чувствовать край». А научившись чувствовать «край», станешь способен «запускать маятник» – как бы «нанизывать» на «качания из края в край» и другие движения.

Дмитрий сразу же не только понял, но и всем телом почувствовал, о чем идет речь. Понял он и то, что именно умения чувствовать «край», свойственного только человеку, а не животным, и не хватило ему в схватке с Мирославом, потому что применял он в этой схватке стили животных. Видно, пришло время и человеческими навыками боя овладевать...

– Научившись в совершенстве чувствовать «край» у себя, постепенно станешь ощущать его и у противника, – продолжал Мирослав. – И вот тогда ты сможешь уже не меряться с противником в силе или скорости, а сразу действовать так, чтобы пресекать любые его движения тогда, когда они еще только зарождаются. А основано это умение все на том же *осознании* равновесия. Заставь тело твоего противника ощутить, что оно стало терять равновесие – и у него сразу возникнет древнейшее из чувств – надо устоять! А про все остальные затеянные им движения тело сразу забудет. Вот и сорвется его атака или защита. Заметь – боец, чувствующий «край», гораздо менее подвержен действию таких уловок. Вот так я тебя и победил. И теперь ты будешь учиться этому.

И начались долгие изнурительные тренировки. Больше Мирослав не вызывал его на бой, и Дмитрий понимал, что все еще не стал для *ведун* достойным противником, вопреки тому, что он, было, возомнил о себе. Он знал, что стал неплохим бойцом – но нет предела совершенству, и Мирослав продвинулся на пути к совершенству, как оказалось, неизмеримо дальше...

Шло время, заполненное упражнениями, занятиями воинским искусством, постижением древних знаний, закончилось лето, пришла осень, и год снова близился к концу. Лишь через полгода после того, первого боя, Мирослав вновь предложил Дмитрию схватиться с ним.

И вновь они встали во дворе друг напротив друга. И приготовились к бою. Начинать первым никто не спешил. Стояли, слегка покачиваясь и поворачиваясь всем телом и, казалось бы, совсем не следя за противником. И в этот раз первым начал Мирослав – сделал шаг вперед. Но сделал так, что показалось: он, наоборот, отступил. Однако Дмитрий на эту уловку не попался. Он остался стоять на месте. Мирослав сделал еще шаг, и тут же его тело, словно подброшенное из пращи, взлетело в воздух. Схватка началась. И – закончилась спустя всего еще пять движений противников и одному удару их сердец. Закончилась не победой и не поражением. В этой схватке никто никого не победил. Она сама собой сошла на нет, незримо приведя к уравниванию противоборствующих сил...

Дмитрий увидел, что стоящий напротив него старый *ведун* плачет. И не стесняется своих слез. Потому что это были слезы радости. А Дмитрий счастливо улыбался. В этом бою он постиг, как практически достичь исполнения древнего постулата, гласящего, что лучший бой – это тот, который не состоялся!

Вытря слезы, Мирослав сказал:

– Ну что ж... Поздравляю! И хочу сказать тебе вот что: только теперь ты готов, наконец, учиться лекарскому мастерству. Потому что не может быть *настоящим знахарем* тот, кто не познал и не изжил в самом себе темные стороны своей сущности. И не постиг всю бессмысленность разрушения. Темная сторона человека – это ведь именно то в нем, что стремится к разрушению, что хочет бороться и побеждать. Но ведь в природе и без нас заведен такой порядок, что, в конце концов, все рано или поздно исчезает, разрушается безо всяких усилий со стороны человека... Так к чему же еще прикладывать усилия ради разрушения?... Сегодня ты понял также, что лежит выше всех стихий и принципов и позволяет управлять ими. Это то, что называют *Воля Изначальных Родителей*. Многим знакомы эти слова, а вот чтобы понять, осознать и ощутить их на практике, нужно много труда и искусства... Еще наши предки знали, что самость удерживает человека словно бы на поверхности бытия, не давая проникнуть в суть. И поэтому главное, что следует усвоить, если хочешь осознать и поддерживать гармонию

мира – это умение полностью *отдать тело древней жизненной силе*, а разум *подчинить душе*. И целиком положиться не на свою волю, не на самость свою, а на *Волю ПервоПредков!* Это главное! Все остальное же – лишь пути к осознанию этого. Ты раньше боялся боя и не хотел становиться бойцом. Но этот отказ был внешним – отказом не твоей истинной сущности, а лишь твоей самости. И связан он был с непониманием своей *внутренней сути* и слабостью. А это непонимание приводит лишь к скрытой неуверенности в себе. Которая, в свою очередь, порождает или страх, или злость. Запомни: на что бы человек ни злился – он злится всегда на себя самого. Только вот признаться в этом способны лишь познавшие себя люди. Другие же изливают злость вовне. И пытаются за внешними успехами спрятать от себя самих свою внутреннюю неуверенность. Сегодня же ты, овладев воинским мастерством и глубоко познав принципы, которые лежат в его основе, впервые был спокойным в бою, отринув не только страх, но и жажду победы. И благодаря этому увидел истинную картину любого противостояния. Противостояние – это нарушение круговорота жизненных сил всей природы! Ты осознал сегодня всю бессмысленность любых сражений и *внутренне отказался* от них. И *вера* твоя была так велика, что и моя *внутренняя сущность* ощутила всю эту бессмысленность! И остановила движения моего тела! Тем самым ты пресек бой, не дав ему зародиться! И поэтому теперь ты по настоящему готов помогать людям. Пойдем в дом, мне еще многое надо тебе передать. Но отныне ты уже не ученик мой, а соратник. И отныне сам мир будет тебе помогать.

Еще три месяца провел Дмитрий у Мирослава. Но вот весна принесла первое тепло, и настал день, когда пришла пора уходить.

Все, что знал, передал старый *ведун* своему ученику. И наказал возвращаться обратно в свою землю, чтобы лечить людей, а также искать и учить способных к знахарскому, а если понадобится, то и воинскому искусству.

Тепло попрощавшись с Мирославом, Дмитрий отправился в обратный путь.

Миновав поля и холмы, по узкой дороге он углубился в лес – прозрачный и светлый, в молодых клейких листочках и свежей ярко – зеленой хвое. Птичьи трели неслись со всех сторон. Весь мир словно радовался празднику жизни и обещал одарить в будущем всех желающих только счастьем и радостью...

Дорога опять словно сама стелилась перед Дмитрием, предоставляя ему все необходимое: и пищу, и ночлег. Теплая для здешних мест погода благоприятствовала ночевкам под открытым небом, а сила и выносливость тела и духа, обретенные Дмитрием, позволяли ему с легкостью выносить все трудности пути.

Дни шли за днями. Молодой *ведун* по узкой дороге шел через лес. Утром он вышел из деревни, в которой остановился на ночлег и к полудню достиг того угрюмого леса, который у местных корабейников пользовался дурной славой из-за поселившихся в нем разбойников. Сюда он шел тоже через этот лес. Но тогда в нем все было тихо – спокойно. Видать, меняются времена. Может, конечно, это и легенды, а может, и правда... А если правда, то, судя по рассказам деревенских жителей, атаман разбойников раньше был воином. И поэтому очень хорошо умел устраивать засады, да и шайку свою натаскал и держит в узде. Так что сколь не ловили его присланные три раза местным князем дружины, да так и не поймали. Ну да ладно, авось и не заинтересует одинокий путник в бедной одежде да с одной котомкой за плечами лихих лесных людей.

Да только, видимо, Изначальные Родители рассудили по – своему. Двигаясь мерным шагом по узкой лесной дороге, Дмитрий вдруг ощутил, как из леса *повеяло* угрозой. Он мог бы еще отступить и вернуться назад или скрыться в лесу, где даже эти умевшие жить и скрываться в лесу лиходеи его бы никогда не сыскали. Но прислушался к своим ощущениям и вдруг понял, что ему *суждено* пройти здесь некий урок. И решив довериться судьбе, продолжил идти как ни в чем не бывало. И буквально через несколько шагов услышал залиvistый свист, а в землю прямо перед ним впилась стрела.

Дмитрий замер на месте. Из – за деревьев появилось пятеро, а еще двое, которых *ведун* почувствовал, сидели в ветвях с натянутыми луками.

В подходящих разбойниках ощущалась настоящая сила. Злая и устремленная. И все они были вооружены мечами и ножами. Да, с ними, пожалуй, придется повозиться эдак ударов тридцать, а то и пятьдесят его сердца.

–

Ты стой, мил человек, где стоишь, а мешочек свой брось нам, – произнес один из разбойников, с харлужным мечом у пояса и в такой же кольчуге. Сразу было видно, что именно он и есть главарь.

Дмитрий бросил свою котомку под ноги остановившимся в трех шагах от него бандитам. По кивку головы главного один из них поднял ее, развязал узелок и вытряхнул все содержимое на дорогу.

– Да тут травы одни, да рукописи какие – то, – разочарованно прогудел тот.

– Эй, грамотей, отдавай, что там у тебя еще есть, и иди с миром. Отдай сам, а то если мы найдем, то намнем бока, – произнес главарь.

– У меня больше ничего нет. А в том, чтобы впятером намять бока одному, большой сноровки и чести нет. А один на один слабо? – ответил Дмитрий.

– Ха, умник выискался. Меня на такой мякине не проведешь. Ладно, ребята, раз не хочет по – хорошему, будем по – плохому, – сказал главарь. И тут же в воздухе свистнуло сразу два аркана. Но Дмитрий уже *«запустил маятник»*.

То, что случилось потом, нельзя было назвать боем. Уклонившийся от арканов Дмитрий стремительно сблизился с разбойниками, попутно отбив две, и уклонившись от третьей пущенной в него стрелы. И... Тут произошло нечто удивительное.

Словно сразу весь мир, все, что было вокруг, ополчилось против разбойников. Деревья, трава, дорога, камни – все живые и неживые существа леса, все его незримые духи словно по команде взялись помогать Дмитрию, заняв его сторону.

Один из лучников, сидевших в ветвях, натягивая тетиву, ударился локтевым нервом о сучок и, от боли и неожиданности потеряв равновесие, сорвался и упал, по пути крепко врезавшись головой о ствол дерева, а потом нелепо повис в ветвях, огласив окрестности громкими ругательствами. Бросившийся на Дмитрия бандит поскользнулся на подвернувшейся под ногу шишке, упал головой на камень и тут же затих. Двоих Дмитрий *«успокоил»*, казалось бы, легкими тычками. Походя, уклоняясь от атаки еще одного, подхватил с земли камень и, сбив нападавшего сметающим ударом ноги, одновременно бросил камень, попав им в державшую лук руку второго стрелка. И пущенная тем стрела попала прямоком в задницу бандита, которого Дмитрий только что *«уронил»*! А сам стрелок от неожиданности выронил лук.

Сердце главаря шайки успело ударить всего сорок раз, когда все было кончено. Четверо нападавших лежали на земле. Лучник, зацепившийся за ветки, все продолжал висеть. Второй неуклюже пытался слезть с дерева. Единственным, кто остался стоять на ногах, был сам главарь, но и он только что лишился своих меча и ножа. Вырванных у него из рук призраком, в которого превратился встреченный его ватагой путник. Ох, зря они с ним связались, зря!..

Дмитрий смотрел на него и видел, что происходит с главарем шайки. Тот оказался не просто каким – то головорезом. Он, единственный из всей банды, был способен к *осознанию* и *прямому общению сущностей* прямо во время боя. А это ведь немногим людям дается! Эх, жаль, что свои способности он использует для столь низких целей! Дмитрий видел, что атаман, несомненно, не только понял, но и увидел, как силы окружающего мира пришли на помощь Дмитрию. И теперь стоял, ошеломленный открывшимся ему вдруг новым *видением* мира. Раньше – то он видел другое – что сила на его стороне! А вот чтобы целый мир ополчился против него – такое ему явно было в новинку! И знание это новое, кажется, что – то там основательно переворачивало в его разбойничьей душе.

–

Ну, чего встал? – обратился к нему Дмитрий. – Помогай теперь, будем у парня твоего стрелу из задницы вытаскивать.

С этими словами он направился к стонущему на земле разбойнику. Встряхнув головой и словно очнувшись, главарь пошел следом, даже и не помышляя уже о том, чтобы попытаться причинить какой – то вред этому необычному страннику.

Спустя некоторое время, оказав помощь всем разбойникам и приведя их в чувство, Дмитрий подбирал и очищал от пыли рассыпанное на дороге содержимое своей котомки, когда к нему, постоянно держась на виду, подошел главарь.

– Тут такое дело ... – сказал он, порядком ошеломленный едва ли не первым своим поражением, да и всем происшедшим. – Мы, конечно, разбойники, но живем с понятием. Ты мог нас всех в землю положить, а то и чего похуже сотворить. Да не стал. И человек ты, по всему видать, ученый, и дерешься, дай ПервоПредки каждому. Дозволь пригласить тебя к нашему очагу. Уважь, всем обществом просим!

– Ну что с вами делать, уважу! – со смехом ответил Дмитрий. – Заодно полечу вас, бандитов. А то ведь у тебя спина вон, вижу, больная, еще двое простужены постоянно, а у одного желудок слабый.

– Ну, ты даешь! – воскликнул атаман. – Я много где скитался, но такое лекарское мастерство впервые вижу. Чтобы вмиг все наши болячки понять! Да еще во время драки! Тебя нам и впрямь, наверное, сами Великие Отец и Мать послали.

– ПервоПредки посылают благо лишь тем, кто готов его принять. Ты вот оказался готов. Хоть и разбойник. Знаешь что... Может, хватит тебе разбоем да грабежом жить? Если надумаешь, могу взять тебя с собой. Учеником. Да и остальных, если захотят, приглашу к себе на родину. Тут вам новой жизни не начать, а у нас, если захотите, сможете. Ну, что скажешь?

Атаман стоял, открыв рот и выпучив глаза. Чего – чего, а таких слов он не ждал. И потому не был готов что – то ответить. А если бы и был готов – то не смог бы, у него аж язык отнялся от изумления.

Дмитрий же молча ждал. Ведь случившееся было откровением не только для этих разбойников, а и для него самого. Это был знак свыше и ему! Знак, что он на верном пути. Ибо весь мир, все камни, деревья, шишки и сучки помогают лишь тому, кто идет по верному пути.

Только теперь Дмитрий по – настоящему понял, что выбрал правильный, единственный свой истинный путь. Да, лишь теперь, после этой схватки в лесу, закончившейся таким неожиданным образом, он *на самом деле твердо знал*, что избранный им Путь Лекаря – действительно его Путь! И у него возникло твердое намерение – во что бы то ни стало пройти его до конца.

– Ладно, утро вечера мудренее. Пошли, что ли, в вашу берлогу, – сказал он все еще оторопело смотревшему на него главарю разбойников. И первым шагнул в сторону леса.

Да, его Путь теперь только начинался!

Глава 3. Путь Мастера. Неожиданный гость

Человек шел через лес уже четвертый час. Он изрядно выбился из сил. Чуть ли не через каждые полчаса приходилось делать передышку, присаживаться, а то и ложиться на траву или прямо на засыпанную сухой хвоей и листьями землю.

В очередной раз он присел на землю под ветвистой елью, пытаясь справиться с одышкой и сердцебиением, вытирая со лба выступившие на нем крупные капли пота. Ель тут же сотней иголок оцарапала руку. Человек сжал зубы, и, опираясь на руки, немного отполз от ели – встать и отойти сил у него уже не было. Достав из заплечного мешка флягу с водой и кусок хлеба, наскоро и жадно перекусил. В это время под курткой что – то пискнуло, и, приподняв полы куртки и рубахи, путник снял с пояса и извлек на свет небольшую черную коробочку, на которой мигали четыре разноцветных огонька. Подняв рукав своего свободного одеяния, путник обнажил предплечье и прижал к нему коробочку повыше охватывающего запястье необычной формы браслета. Что – то еле слышно щелкнуло, и человек несколько раз глубоко и с явным облегчением вздохнул и расслабился. После чего закрепил коробочку обратно на пояс и прилег на присыпанный иголками мох. И тут же усталое сознание стало выдавать картины из далекого прошлого...

Туман, густой туман, а где – то там, за ним – река, чье дыхание еле уловимо в предрасветном полумраке. И он идет туда, к реке, едва различая впереди почти невидимую за туманом высокую фигуру отца в ветровке цвета хаки и высоких болотных сапогах, с перекинутой через плечо рыболовной снастью. Точно в такую же ветровку и сапоги одет и он сам, только размером гораздо меньше. Ему двенадцать лет, и отец впервые взял его на рыбалку. И он идет, еще не проснувшийся толком, со слипающимися глазами, но идет, потому что должен доказать и себе, и отцу, что он уже взрослый, что он – настоящий мужчина...

Где он, этот мир его детства, где? Далеко, очень далеко отсюда...

Туман перед его глазами развеялся, сменился ослепительным ярким светом, затем – разноцветными кругами, и, наконец, все погрузилось во тьму.

Человек спал. Спал тяжелым, беспокойным сном, даже во сне зная, что до цели он пока не дошел, а значит, еще не время для покоя...

Бернард стоял в дверях и смущенно мялся. Дмитрий, только что отпустивший очередного больного, даже усмехнулся про себя – очень уж непохож был этот парень на того грозного главаря бандитов, с которым он встретился в лесу два года назад, когда возвращался домой от Мирослава. Теперь это его ученик. Сейчас он выглядит смиренным и покорным, хоть и чувствуется в нем большая внутренняя сила. Да и способностей не отнимешь! И голова на плечах, к счастью, тоже есть. Дурак не смог бы так изменить и себя, и свою жизнь за эти два года. Перековать бушевавшую в нем агрессию и разрушительную мощь в созидательное начало, направить на поиски знания и совершенствование себя – это совсем не каждому под силу... Кроме Бернарда, еще двое бывших разбойников теперь тоже были при нем – помогали по хозяйству, да и обучались в меру сил лекарскому и другим искусствам.

– Ну что у нас необычного в этот раз, Бернард? – с усмешкой спросил Дмитрий застывшего в дверях ученика.

– Да тут, кажись, один из духов воздуха к вам пожаловал. Я аж обалдел, когда в пустой комнате голос зазвучал.

– Дух воздуха?.. Ты уверен, Бернард? Это ведь почти невозможно. Может, это просто чудодей какой под заклятием невидимости?

– Так он же сам сказал, мыслями прямо у меня в голове, что дух и что...

– Ага, сам сказал, а ты сразу и поверил.

– Ну, не знаю – у нас же береги везде, сами ж знаете, чудодей просто так не пройдет. Да и я все – таки чему – то за два года да научился, – добавил Бернад не без гордости. – Уж колдуна то различить сумею. А этот так возник, что ни один берег даже и не пискнул. И я ничего не почувствовал, пока он не заговорил. Тьфу, то есть не промыслил. Не – а, точно дух!

–

Ладно, пойдем, посмотрим, – согласился Дмитрий, все же не очень веря, что пожаловал к нему дух воздуха. Очень уж мало их сейчас осталось в природе, этих разумных воплощений стихийных сил, существовавших задолго до появления людей...

В последний раз он с духами сталкивался во время обучения у своего наставника. А вообще на всех известных Дмитрию по личным странствиям и книгам Мирослава землях рядом с людьми – Детьми Земли, мирно жили и другие народы – Дети Воды, Дети Камня, Дети Леса, Созданные из Света. Ну и совсем уж редко встречались малочисленные духи стихий. Их было мало, и все они были намного древнее людей, жили гораздо дольше, зато вот потомство имели гораздо реже. И хотя людей сейчас гораздо больше, чем древних народов, Дмитрий не мог припомнить и не читал даже в самых старых рукописных манускриптах Мирослава о том, чтобы между ними и людьми когда – нибудь возникали бы какие – то крупные столкновения.

Настраиваясь на работу с проявлением одной из подвижных стихий, Дмитрий вспомнил, как спустя всего три месяца после возвращения от Мирослава его посетил первый больной не человек.

Тогда он только – только начал заново обустраиваться на своей родине. Радостно встретившая его после долгих странствий Пелагея сразу же попросила Дмитрия занять ее место – то есть стать лекарем и ведуном всей округи. Сама же она только и ждала его возвращения, чтобы отправиться в странствие по святым местам. И ждала лишь его, поскольку оставлять род без ведуна и знахаря нельзя! Ну а то, что Дмитрий вернется в родные места после обучения у Мирослава – она знала! Предвидела.

Родители, к которым он направился по возвращении до того, как пойти к Пелагее, встретили его тепло и радостно. И при этом они понимали, что он уже не ребенок, и не след ему продолжать жить вместе с ними – надо свою следовать своему пути и создавать свою судьбу. Всем миром соорудили ему избу на отшибе от деревни, неподалеку от домика Пелагеи. Это означало, что род признал в нем нового ведуна и знахаря, преемника Пелагеи, а дом ведуна должен особняком стоять, ведь и судьба у ведуна – особая, отдельная от всех.

Вот и поселился он в этой избе с тремя бывшими бандитами, а ныне – учениками и помощниками. Остальные члены шайки не пошли за ним до конца, но тоже покинули лес и, идя вместе с ним, постепенно по пути находили себе занятия по душе и оседали в новых местах, навсегда оставив свой бандитский промысел,

Так и стал Дмитрий сразу по возвращении ведуном своего рода. Хорошо хоть стараниями Пелагеи больных в округе было не так уж и много. Так что вместе с лечением он заодно принялся обучать троих бывших разбойников лекарскому и ратному искусствам. Те же в ответ всячески ему помогали по хозяйству, а сейчас, спустя год, в простых случаях и сами уже могли помочь больным. Что оставляло Дмитрию время, чтобы размышлять и постигать все более глубокие слои Бытия, с неизменным удивлением осознавая, что мир безграничен и в то же время связан общими для самых малых и самых больших явлений и сущностей законами. Имеющими бесчисленное число реализаций, зависящих от их сочетаний и условий проявления. Познавать которые можно бесконечно. И постоянно открывать при этом для себя что – то новое.

Быстро слава о новом сильном и умелом ведуне распространилась гораздо дальше земель, на которых жил его род. И вот примерно девять месяцев назад пришел к нему один из Живущих в Пещерах, как сами себя называли существа одного из народов Детей Камня...

Оказалось, он долго странствовал, и во время странствий заболел одной из тех болезней, что встречалась среди ему подобных. И поскольку он успел забраться слишком далеко от мест

обитания своего народа, а до других земель, где жили подобные ему, куда он и шел, также были еще долгие месяцы пути, то рядом не было никого, кто смог бы ему помочь. Он истратил все взятые с собой в дорогу снадобья и, узнав про то, что вблизи живет некий искусный лекарь, учившийся у самого Мирослава Мудрого (а слава о его наставнике, как знал Дмитрий, распространялась не только среди людей), решил придти к нему за помощью. Рассудив, что хуже ему уже точно не будет. А там кто знает – вдруг человеческий знахарь чем – то да сможет ему помочь.

Тогда Дмитрий провозился с гостем больше двух недель. Вспомнив всю преподнесенную Мирославом и освоенную во время воплощений своего разума в других существах премудрость, смог понять причину болезни и найти способы лечения. Уходя, Живущий в Пещерах в качестве платы за лечение и в благодарность оставил молодому лекарю один из своих оберегов, сделанных еще в глубокой древности мастерами – кудесниками из его народа. И, видимо, в пути поведал не раз про умение живущего в заброшенном лесном домике человеческого ведуна. Потому что после этого стали приходиться к Дмитрию и другие такие же странники, уже из других не человеческих народов. И всем им он смог помочь.

Вспомнив про свои предыдущие встречи с нечеловеческими сущностями, Дмитрий еще раз подумал: « Неужто, и впрямь появился настоящий дух стихии? Или все – таки опять чудодей какой решил мои силы испытать?». За год уже несколько странствующих кудесников навелись к нему, желая проверить, так ли уж и впрямь умел и силен молодой ведун, как о том шла молва. И все они убедились на себе, что Дмитрий хотя и был еще молод, а искусством ведовским владел даже крепко...

Настроив себя на восприятие чистых энергий стихий и выйдя в горницу, Дмитрий и впрямь обнаружил там духа воздуха. Ни с чем не сравнимые ощущения от его присутствия Дмитрий уловил прежде, чем прямо в голове у него зазвучал голос невидимого пришельца. И сразу понял, что привело того к нему – потоки энергий, из которых только и состоит дух, были сильно нарушены. В это мгновение дух мысленно обратился к нему: «Помоги, мне, ведун. Я умираю...»

Дмитрий и без этого безмолвного призыва успел понять, что дела у духа плохи. Во всяком случае, он порядком мучился и страдал.

Это Дмитрию показалось странным, ведь духи стихий, являясь чистыми воплощениями природных сил, умели очень хорошо восстанавливать сами себя, черпая силы напрямую из природы. Этот же явно не смог этого сделать. И явился к Дмитрию. Далеко же, однако, стал известен Дмитрий, и репутацию заслужил очень знатную, раз к нему с надеждой на помощь явился больной природный дух...

Человек спал, кажется, очень долго проснулся лишь на исходе ночи, а ведь точно помнил, что остановился здесь, возле ели, когда солнце еще не подошло к зениту. Запас лекарств в ПМК заканчивался и тот слабо вибрировал, извещая владельца о том, что спустя полчаса уже не сможет обеспечить ему медикаментозную поддержку. Очень плохо. Надо спешить.

Он встал, потянулся. На востоке небо уже светлело. Размяв тело, он сделал несколько глотков воды из фляги. И потом медленно, словно проверяя свои силы, двинулся по едва видимой в начинавшем светлеть лесу тропинке...

Дмитрий не видел духа. Но очень хорошо его ощущал. Дух беспокоился, непрестанно меняя свою структуру. От того четко определить все нарушения в его энергетических потоках было трудно. «Да замри ты, не мечись!» – в сердцах промыслил он духу. Тот от неожиданности так и застыл на месте. Видимо, не верил, что лекарь его и впрямь чувствует. Через секунду Дмитрий услышал у себя в мозгу его голос: «Я не могу не меняться. Я должен постоянно подстраивать свою сущность, чтобы продолжать жить». «Понятно, – так же мысленно ответил ему Дмит-

рий. – Задержи изменения на столько, на сколько сможешь без причинения себе дельнейшего вреда, чтобы я смог точнее понять, что там у тебя там не в порядке... Ага, вот так хорошо. Ну – ка, ну – ка, посмотрим...»

Дмитрию удалось легко обратиться к той части своего разума, в которой хранились ощущения того, что значит быть не только воздухом, но и духом, олицетворяющим эту стихию. Ведь приходилось самому становиться им во время обучения у Мирослава! И там, в этом уголке памяти, хранилось знание о том, какое течение энергетических потоков соответствует здоровому состоянию духа воздуха. А значит можно сравнить его с тем состоянием, в котором находится этот необычный пациент сейчас.

На какой – то миг Дмитрий запустил свои потоки энергии и вызвал в голове способ думания, присущие духам воздуха. Невидимый пациент на это сразу же отреагировал. «Ты умеешь оборачиваться в нас, лекарь? Не знал, что люди способны на такое. Ты поистине великий лекарь, – ответил дух. – Теперь я начинаю верить, что ты и впрямь сможешь меня вылечить».

«Ну, тогда терпи!» – ответил Дмитрий. За мгновение, что он воспринимал мир как дух воздуха, он успел увидеть, чем именно отличаются потоки энергии у этого своего гостя от тех, что должны быть у него в норме. И теперь требовалось основательно эти потоки «перекроить», что вполне могло вызвать у духа самые неприятные ощущения. Ведь Дмитрий то знал на собственном опыте, что и духу может быть больно...

Некоторые из жизненных токов были хаотичны, в результате чего они переплелись, и теперь нарушали течение жизненной силы. Энергия рассеивалась, и необычный больной потерял связь со своей жизненной средой. Он буквально задыхался – почти как человек. Когда Дмитрий начал распутывать, расправлять и заново наполнять энергией воздуха нарушенные потоки силы, дух корчился от боли, но держался мужественно, стоически перенося все процедуры. Целый час провозился Дмитрий с необычным пациентом. А когда снова вызвал воспоминание о здоровом состоянии его энергетических потоков – поздравил сам себя с успехом: отличий практически не было. «Ну, как себя чувствуешь?» – спросил он у духа, хотя и так было видно, что тот буквально ожил, и в нем движется свежая здоровая жизненная сила. «Хорошо, – ответил тот. – Спасибо тебе, лекарь. Век у тебя в долгу буду. Но что ж это я сам себя вылечить не смог?» «У тебя Образ Мира нарушился и поэтому ты буквально не помнил, какой ты здоровый. Ну а в результате ты столько сил потерял, что потом уже даже если бы и вспомнил, то сам не смог бы уже себя восстановить. Но теперь все у тебя в порядке. А если что станет не так – и сам себя теперь опять лечить сможешь. А вот как так получилось, что ты потерял свой Образ Мира – этого я тебе сказать не смогу. Но ты уж с этим разберись – а то ведь подобное, не дай то Изначальные Предки, и повториться способно».

Дух еще долго его благодарил, а потом, счастливый и довольный, удалился восвояси. А Дмитрий отправился в лес, поближе к природе, восстановить силы...

...Тропинка тянулась, тянулась, и никак не хотела кончаться. Или это он теперь шел слишком медленно, и даже самый короткий путь казался едва ли не бесконечным? Солнце уже стояло в зените. И силы снова были на исходе. Запас лекарств в походном медицинском комплексе закончился. Человек немного полежал, и снова двинулся в путь. Ноги слушались с трудом, не спасало уже и действие лекарств. И лишь навыки самоконтроля и высвобождения резервных возможностей своего тела еще позволяли ему передвигаться. И еще добавляла сил близость цели его путешествия. Лес впереди расступался, и уже показалась крыша стоявшего прямо в лесу одинокого дома. Как глупо будет умереть, не дотянув до нее каких – то нескольких сотен метров. Но где же найти силы, чтобы дойти до них?

Его сильно качало, и чтобы не упасть, он то и дело хватался за стволы деревьев. Он чувствовал, что если сейчас ляжет, то больше уже не поднимется, а потому уговаривал сам

себя, свое измученное тело, свои непослушные ноги: «Ну еще, еще немного, ну надо потерпеть, еще чуть – чуть... чуть – чуть...»

Вот она – заветная его цель, вот уже совсем рядом, совсем близко эта высокая изба посреди леса, вот уже рукой подать...

Человек сделал еще два неверных шага, резко качнулся, и упал замертво.

Жизнь шла своим чередом. Никаких необычных пациентов больше не было – шли к Дмитрию односельчане с обыкновенными своими хворями: у кого поясницу скрутило, кто дрова рубил, да по ноге топором попал, у кого от тяжелой крестьянской работы кости заломило. И вот однажды, как раз после обеда, в избу, где Дмитрий был занят лечением очередной пациентки, ворвался с выпученными глазами Бернард:

–

Там человек на опушке! Почти мертвый! И странный какой – то!

Бернард, конечно же, знал, что Дмитрию нельзя мешать, когда он занимается лечением. За исключением самых экстренных случаев. Видимо, это был как раз экстренный случай. Бернард не стал бы беспокоить его, если бы смог справиться сам. Значит, не смог, и помощь его, Дмитрия, действительно крайне необходима.

К счастью, пациентка обратилась к нему по поводу сущего пустяка – нарыва на пальце, а потому Дмитрий препоручил ее стараниям Бернарда, а сам отправился туда, где, по словам бывшего разбойника, лежал в густой траве какой – то необычный человек – не то еще живой, не то уже мертвый.

Нашел он его быстро, хотя в густой траве тот был не сразу замечен. Лежал без сознания, с лицом, желтым как воск. Его закатившиеся глаза не были прикрыты веками, и от того он и впрямь ничем с виду не отличался от покойника. Но Дмитрий уловил в его теле едва теплящееся, очень слабое, но все же ощутимое биение жизненной силы. Если ему срочно не оказать помощь – и это слабое биение вот – вот сойдет на нет. А путник то и впрямь был странным – его тело и разум чем – то неуловимо отличались от обычных людей. А еще на обеих его руках, шее и голове были странные обручи, источавшие некую непонятную Дмитрию силу. Но разбираться в этом сейчас было некогда – человека надо было срочно спасти. Тем более, что, судя по всему, шел он как раз к его дому.

Взвалив человека на плечи, Дмитрий аккуратно донес его до избы, где заботливо уложил на полати. Признаков жизни странник по – прежнему не подавал, и Дмитрий начал вливать *живу* в его тело. Давалось это непросто, поскольку течение жизненных токов в теле незнакомца было необычным – похожим на человеческое, и при этом кое в чем отличающимся. Разбираться в этих отличиях сейчас было некогда, и поэтому Дмитрий просто наполнял гостя жизненной силой, щедро переливая ее в ослабевшее тело путника. И хотя обычно это сразу приводило к резкому улучшению состояния больного, в этом случае жизненные токи никак не хотели обретать полноту. Но едва заметное биение жизни в почти мертвом теле все – таки не угасало, и это придавало Дмитрию силы. Хоть он и не понимал, что за хворь приключилась с незнакомцем. Никаких видимых повреждений во внутренностях путника не было, тот не был ни ранен, ни покалечен. А значит, снedaет его изнутри какая – то тяжкая болезнь, но сразу найти в теле больного ее причины и признаки Дмитрий не смог.

Наконец веки незнакомца едва заметно дрогнули. Дмитрий приложил ухо к его груди – сердце медленно, едва слышно, но все же билось. И жизненные токи ощутимо, хоть и слабо, потекли по телу.

Больной открыл глаза. Жизнь его была спасена. Но было ясно, что лечить его придется еще долго.

Человек пришел в себя, но, видимо, не мог говорить, и слабо понимал, что происходит вокруг. Дмитрий сосредоточился и постарался представить состав трав, который не повредит

здоровью необычного путника. Ведь стандартные известные ему наборы могли и не подойти этому странному пришельцу, отличающемуся от всех существ, виденных Дмитрием раньше. Наконец, он смог ощутить, какой настой из трав будет более – менее сочетаться с сущностью больного. Приготовив, он преподнес его находящемуся в полубреду гостю и сотворил заклинание сна, также несколько видоизменив то, подгоняя под отличия в сущности больного форму и сочетание символов, слов и образов, – Заклинание подействовало, а значит его предположения о некоторых общих отличиях гостя от всех виденных Дмитрием ранее существ оказались верны. Больной уснул и это было хорошо. Во сне он сможет быстрее восстановить свои силы, а Дмитрий пока разберется с его болезнью, и с тем, как ее лечить дальше.

Ну а кроме того сейчас, когда уже не требовалось срочных усилий по возвращению человека к жизни, Дмитрий мог попытаться получше разобраться с тем странным, что он почувствовал в незнакомце еще когда нашел того на опушке. Что – то было в нем такое, с чем Дмитрий никогда не встречался прежде. Только вот что? А разобраться надо, поскольку может быть именно это понадобится, чтобы понять, как этого путника лечить. Да еще эти странные браслеты и обручи на шее и голове... А когда Дмитрий стянул со спящего куртку и рубаху и открыл его заплечный мешок, то обнаружил там еще и два небольших металлических ящичка. Один из которых, висевший на поясе под одеждой, являлся источником странных, не похожих ни на какие из известных Дмитрию ранее сочетаний сил. Которые воздействовали на тело незнакомца, и, видимо, призваны были поддерживать его жизнь. Однако на взгляд Дмитрия эти силы были слишком грубыми, чтобы оказывать точное лечебное воздействие. Однако снять ящичек с пояса больного Дмитрий не решился. Вдруг в нем каким – то магическим способом спрятан сам источник жизни, и, сняв его, он просто убьет этого человека? Впрочем, человека ли?

Ведь странность была не только в обручах или таинственном ящичке. Что – то очень необычное ощущалось в самом этом неизвестно как забредшем сюда путнике. Он был устроен как – то не так, как все знакомые Дмитрию люди и нелюди – и он так и не смог пока понять, что именно было не так, хотя и ощущал это очень хорошо. Жизненная сила пришельца местами текла по каким – то другим руслам. Не похожим ни на те, что встречаются у людей, ни на те, что он видел у духов, нелюдей и зверей. И состав *живы* гостя также отличался от всего виденного Дмитрием ранее.

Незнакомец заснул, и Дмитрий мог теперь спокойно его рассмотреть. Обычный с виду мужик, если не считать его странные предметы. Давно не бритые щеки заросли русой бородой. Встрепанные волосы на лбу слиплись от пота. Дышит неровно, всхлипывает во сне. Но сердце бьется, пульс хорошо прощупывается, и жизненные токи набирают силу...

Почти сутки гость проспал. Дмитрий продолжал лечить его во сне, помогал восстанавливаться его жизненным током, и все больше удивлялся тому, что текут они по – другому, чем у всех встречавшихся ему живых существ. Когда гость на короткое время просыпался, Дмитрий поил его тщательно подобранными животворными травяными настоями. Незнакомец послушно и даже жадно пил их, но по – прежнему молчал, лишь смотрел на Дмитрия болезненно блестящими серыми глазами. «Не может говорить? – подумал Дмитрий. – Нет, скорее просто не знает по – нашему. Или пока не хочет». В том, что больной – чужестранец, он уже убедился. Только откуда же он прибыл, из какой страны? Сколько Дмитрий ни странствовал, сколько земель ни прошел, а не встречал никого, похожего на этого чужеземца...

Какого же было его удивление, когда после суток молчания незнакомец вдруг заговорил.

– Значит, я все – таки дошел..., – сказал он, неотрывно глядя на Дмитрия и еле шевеля запекшимися губами. Сказаны эти слова были на родном наречии Дмитрия.

–

Кто ты? – спросил он пришельца. – Откуда явился?

–

— Меня зовут Александр, – ответил тот. – А ты... Ты ведь и есть тот великий лекарь, слава о котором идет так далеко?

—

— Да, я лекарь, – ответил Дмитрий. – Про славу ничего сказать не могу, не ведаю, как далеко она идет. Но дело свое знаю.

—

— Вижу, что знаешь... Иначе я бы сейчас с тобой не разговаривал. Извини, а вот имени твоего я не знаю. Мудреные у вас имена очень.

— Дмитрий назвал свое имя – назвал так, как оно звучало на его языке.

—

— Как? – переспросил Александр. – М... Дм... Дмитрий?

—

— Не совсем так, – ответил Дмитрий. – Но очень похоже.

—

— Можно, я буду называть тебя Дмитрием?

— Правильного произношения его имени на местном наречии от больного чужеземца требовать было, конечно, нельзя, и лекарь согласился быть Дмитрием. Не догадываясь, что это имя очень скоро и надолго станет единственным, на которое он будет отзываться...

—

— Если тебе не очень трудно разговаривать, Александр, скажи мне все же, откуда ты пришел, – вновь обратился Дмитрий к больному. – Вижу, что издали, что чужеземец, хоть и говоришь по – нашему почти без акцента. Но это не родной твой язык. Где лежит твоя страна? За какими горами и морями?

—

— Я тебе обязан жизнью, – ответил Александр. – И пришел не для того, чтобы что – то таить. Поэтому расскажу все как есть. Слушай. Только предупреждаю сразу: рассказ мой покажется тебе неправдоподобным. Ты можешь мне не поверить, решить, что я рассказываю сказки.

—

— Я много чудес повидал, и удивить меня трудно, – усмехнулся Дмитрий. – А то, что ты врать не собираешься, и правду мне хочешь поведать, я вижу. А если ты начнешь лукавить, то тебя выдадут твои жизненные токи. Они начинают течь иначе, когда человек врет. И хотя у тебя они и текут мудрено, но ложь от правды я по ним отличить смогу.

—

— Хорошо, тогда слушай. Я прибыл из другого мира. С другой планеты.

— Ну ничего себе... Дмитрий видел, что гость не врет. И все же сказанное им не сразу уложилось в сознании. Однако признание Александра все объясняло. И обнаруженные при нем странные предметы, и странное течение его жизненных токов. Он – существо из другого мира? Это все объясняет...

— Из книг Мирослава Дмитрий знал откровения древних мудрецов о том, что искры Небесного Костра в небе – это на самом деле светила, такие же, как то, что освещает его собственный мир. И что у этих светил могут существовать такие же миры, и там тоже могут обитать живые существа. Но чтобы одно из этих существ могло проникнуть в его собственный мир? О таком он доселе не слышал.

—

— Но как же ты попал сюда, иномирянин? – спросил он Александра.

—

— Понимаешь, наш мир... он более развит, чем твой. У нас есть такие специальные... приспособления, которые могут летать. Перемещаться в пространстве от планеты к планете и от звезды к звезде.

–
Летать? Как птицы?

–
Ну... почти. Только в отличие от птиц они металлические.

–
Металлические? И ты прилетел в брюхе металлической птицы?

–
Ну, на птицу это не очень похоже...

–
Не важно. Значит, ты прилетел на специальном летаете. Но зачем? Ты говоришь, наш мир менее развит? Может быть. Но у нас нет необходимости летать на металлических штукаках. У нас летают только птицы, потому что это им по их природе положено. И еще летает душа, потому что ей это тоже по природе положено. Душа даже может вселиться в тело птицы, и летать в нем. А летать в чем – то неживом – это странно. Так зачем ты прилетел? Я вижу, что у тебя нет враждебных намерений. Ты не хочешь причинить моему миру зло. Но ты принес в мой мир то, чего в нем до тебя не было и быть не должно. А в этом может таиться опасность.

–
Нет никакой опасности. Люди твоего мира могут быть спокойны. Наша экспедиция здесь уже три года, и никто из людей твоего мира об этом даже не догадывается. Мы ведем себя крайне аккуратно, и очень бережны к твоему миру, уж поверь. Ты думаешь, я бы решился, будучи больным, обратиться к тебе если бы не заботился о твоем мире? Наш база южнее отсюда, далеко в горах. Вблизи на тысячи километров нет человеческого жилья. Меня доставили на флайере – ну, это так называется одно из наших летающих приспособлений – до ближайшего к твоему дому безлюдного места, где еще не было риска быть замеченными. Я ведь мог бы лететь на флайере и дальше, и добраться до тебя всего за полчаса – минут сорок, при этом не рискуя умереть в дороге. Но это бы означало серьезно нарушить покой и гармонию твоего мира. Ты думаешь, я не понимаю таких вещей? И их не будет здесь, если только... Если только вы сами не захотите.

Дмитрий молчал. Слишком ошеломляющее впечатление производили слова пришельца. Он говорил о какой – то экспедиции – не зная этого слова, Дмитрий понял, что оно означает: пришелец был не один. Там, где – то далеко в горах, таких как он пришельцев – несколько. А может, и много. Он понял так же, что летают они на каких – то флайерах. На «летаках» – так перевел для себя это слово Дмитрий. Но один вопрос так и оставался невыясненным: что им надо в мире Дмитрия?

–
Ты говоришь, если мы захотим, у нас тоже будут такие летаки, как у вас? – задумчиво спросил он Александра. – Именно для этого вы прибыли в наш мир? Чтобы сделать его похожим на ваш? Мне страшно за свой мир, Александр. Он, мой мир, не готов к этому. И я не думаю, что ему это нужно.

–
Нет, Дмитрий, мы прибыли не для того. Мы не вмешиваемся в развитие других миров, если эти миры того не хотят. Но мы хотим установить связи между разумными существами разных миров – мы называем всю их совокупность Вселенной. Разумы, обитающие в ней, должны общаться, взаимодействовать... Или хотя бы, как минимум, знать друг о друге...

–
Должны дружить? – подсказал Дмитрий. – Может, ты и прав, пришелец. Я подумаю об этом. А тебе пора отдохнуть. Ты еще слаб, а потому разговор утомил тебя. Разреши только еще один вопрос. Если твой мир более развит, почему за лечением ты пришел ко мне, а не к своим лекарям?

–

Наш здешний лекарь не смог понять, что у меня за болезнь, – вынужден был признаться Александр. – Несмотря на то, что на нашей базе есть специальные приспособления, позволяющие буквально видеть человека насквозь и определять различные свойства его крови, дыхания, работы его разума и множества других свойств тела и сознания. Но в моем случае это не помогло. И сейчас у меня одна надежда на тебя. Я ведь знаю, что ты самых разных существ лечил. Не только людей. Я твой мир давно уже изучаю.

И снова что – то резануло Дмитрия при этих словах. Но он решил пока не думать об этом. Подумал лишь: «Но я пока тоже не понимаю, что это за болезнь». А вслух сказал:

–

Спи. Завтра будем разбираться с твоими болезнями. Чуда не обещаю, но все что могу – сделаю.

Бернарду и прочим своим ученикам Дмитрий не стал пересказывать того, что услышал от Александра, хоть те и приставали с расспросами, мол, расскажи, кто таков, откуда пожаловал. Сказал только, что больной – чужеземец, пришел из далекой страны, что за морями и за горами, что зовут его Александром, и надеется он с помощью Дмитрия исцелиться от непонятной болезни, спасти от которой лекари его страны не смогли. На этом все и успокоились. Тем более, что встречать странных пациентов было для них не в новинку.

На следующее утро Дмитрий решил попробовать разобраться с природой болезни пришельца. Кроме естественного желания помочь Александру, Дмитрию как ведуну еще было и очень интересно самому разобраться, что же это за болезнь, и как ее лечить. Ведь ни с чем подобным, несмотря на опыт работы как с людьми, так и с нелюдьми, он до сих пор не сталкивался.

Александр уже мог потихоньку вставать и даже при помощи Дмитрия делать по несколько шагов. А потому Дмитрий решил вывести его из избы, в сад, под молодые яблоневые деревья, надеясь, что в контакте с природными токами больной почувствует себя лучше. Однако ожидания не оправдались. Пришлось перебраться обратно в избу и снова уложить больного на кровать.

– Давно ты так болеешь? – спросил Дмитрий, когда Александр, тяжело дыша, устроился удобнее, откинувшись на подушки.

–

Да примерно четверть года, как начал плохо себя чувствовать. И главное – болезнь быстро развивалась. А там, дома, я вообще никогда не болел. Даже не знал, что это такое. Вот так – то, лекарь. Скажи, можно меня спасти?

–

Сначала бы разобраться, что это за болезнь такая. Твой лекарь что говорил?

–

Да ничего он толком не говорил. Мы даже послали результаты изучения свойств моего организма в мой мир, но это не помогло. Там тоже ничего не смогли понять. Сказали, такое впечатление, что я всеми известными и неизвестными болезнями сразу заболел. Возможно, попади я в свой мир, там и разные доктора, занимающиеся каждый своими болезнями, используя более сильные устройства, и смогли бы разобраться в причинах моей болезни. Но попасть в свой мир прямо сейчас я не могу – из – за меня одного посылать сюда специальный корабль слишком дорого. Вот я и решил обратиться к тебе.

Самое интересное, что и у Дмитрия сложилось именно такое впечатление. Что гость болеет сразу всеми недугами, какие только существуют. Причем эти недуги какие – то блуждающие. Тут отпустит – там прихватит. Тут скрутит – там полегчает. А иногда «скручивает» все тело сразу. И тогда больной оказывается на грани смерти.

Дмитрий никогда не встречался с существами, подобными Александру, и не мог себе представить, какое течение их жизненных токов соответствует состоянию здоровья. Он видел, как текут энергии в больном теле гостя – но не мог знать, как они должны течь в здоровом. И, следовательно, не мог привести их в здоровое состояние по аналогии.

Но он мог видеть, что течение энергий в теле гостя, было, безусловно, неправильным, болезненным. Потоки энергий разного свойства, которые должны переливаться в определенной последовательности и взаимосвязи друг с другом, лились хаотично, без всякой системы и гармонии, что, конечно, не могло быть ни у одного здорового существа, будь оно хоть человек, хоть нелюдь, хоть пришелец из другого мира.

–

А как тебя твои лекари лечили? – спросил Дмитрий, продолжая обследовать энергетические потоки гостя.

–

По – разному. И разными специально созданными лекарствами. И травами, как ты. И энергетические потоки пытались корректировать. Я в этом слабо разбираюсь – не специалист. Одно могу сказать – все присланные из моего мира – мы называем его Земля – советы и рекомендации мы выполнили. И все они не сработали. Может быть, более сильные устройства, которые есть на Земле, смогли бы восстановить мое здоровье. Но все, что у нас есть здесь, мне не помогло. В общем, все, что только можно, все испробовали. На какое – то время вроде бы и помогало – а потом все то же самое начиналось, или еще хуже. Одну болезнь вылечат – другая вылезает. И самое главное, причину найти никто не может. А ведь наши специалисты много знают и умеют. Учились не только у себя дома, но и в разных других мирах тоже. Болезни самых разных существ изучали, не только людей. Опыт накопили гигантский. А вот поди ж ты...

–

А что это за ящички ты с собой носишь?

–

А, это... Один из них позволяет мне, включив его, связаться с нашей базой и разговаривать с моими товарищами. Например, для того, чтобы вызвать то, что ты назвал «летаком». А второй «ящичек» – это устройство, позволяющее определять мое состояние на основании некоторых параметров, ну, как бы это иначе сказать, а, вот – свойств моего организма, которые определяются с помощью датчиков, хм, ну, таких особых измерителей, вделанных в браслеты на моих руках и обручи на голове и шее. Когда состояние моего организма становится хуже, этот ящичек дает сигнал. Тогда я его подношу к определенному участку тела и он впрыскивает мне определенное лекарство из тех, которые в нее заправлены. Плюс еще воздействовал на мои энергетические структуры, пытаюсь хотя бы на время восстановить возникшие в них нарушения. Без этого «ящичка» я бы к тебе вообще не дошел. Правда, лекарства уже кончились, но воздействие с помощью энергий еще оказывается.

–

А если ты этот ящичек сейчас снимешь? Сдается, что он мешает мне понять твоё истинное состояние. Энергии из него излучаются... Грубоватые. Там, часом, не жизнь твоя запечатана? Ты не умрешь, если снять его с тебя?

–

Нет, ну что ты, я ж не кощей бессмертный, у которого смерть на кончике иглы, игла в яйце, яйцо в утке... Ну и так далее, не помню уж. А, да не удивляйся, это у нас на Земле сказка такая есть. У вас ведь тоже сказки есть, легенды всякие. В общем, источник моей жизни, я надеюсь, все – таки во мне самом, а не в ящичке. Так что сниму, если просишь. Верю, что ты мне пропасть не дашь.

Александр снял с пояса походный медицинский комплекс. И Дмитрий сразу же увидел, как жизненные токи в его теле моментально нарушились... Гость заметно побледнел, и Дмит-

рий тут же протянул ему чашу с травяным настоем. Сделав несколько глотков, Александр стал выглядеть лучше.

–
Ну как? – спросил Дмитрий.

–
Тяжко... с непривычки, – Александр улыбнулся через силу.

–
Ничего. Отвыкать надо от ящичка твоего. В дороге он тебе, похоже, и впрямь помог, а сейчас только мешает. Не дает твоим жизненным токам самим свои верные пути искать.

Вот только как помочь силам гостя вернуться на эти самые правильные дороги в теле? Дмитрий решил действовать на свой страх и риск. Протянул к большому ладони с вырывающимся из них только ему видимым светом. Направил в те области тела, где энергии текли наиболее хаотично.

–
Так лучше?

Гостя передернуло, но в следующий миг он облегченно вздохнул, и его напряженное лицо расслабилось.

–
Да. Гораздо лучше. Словно отпустило что – то.

Дмитрий прекратил воздействие, и лицо Александра исказилось от боли. Энергии, на миг упорядочившиеся, снова потекли хаотично, даже в еще большем беспорядке, чем прежде.

–
Знаешь, лучше тебе все – таки пока с ящичком твоим не расставаться, – сказал Дмитрий. – Я же не могу тебе его постоянно заменять. Так что прицепляй обратно. А я еще подумать должен, как тебе помочь.

Александр снова прицепил ящичек к поясу, и, выпив порцию настоя, уснул.

Дмитрий же оказался в состоянии, близком к растерянности. Ушел бродить по лесу, смотреть на небо, слушать птиц. Токами природы насыщаться. А потом сказал сам себе: «Я все равно сделаю все, что смогу. Я должен в этом разобраться. И я разберусь. И помогу ему. Кто бы он ни был и зачем бы сюда ни пришел».

На следующее утро Дмитрий снова попросил Александра снять ящичек и снова начал пытаться исправлять течение его в беспорядке мечущихся жизненных токов. Он чувствовал, что некоторые из этих токов были здоровыми, а некоторые – больными, воспринимавшимися им как болезненные ощущения в теле. А главное, общее течение как здоровых, так и больных токов было явно ненормальным. Дмитрий не мог пока определить, определяется эта «ненормальность» инопланетным происхождением гостя, или все – таки является отражением его болезни. Это сбивало с толку. К тому же больные и здоровые токи причудливо переплетались, перетекали друг в друга, так, что потоки жизненной силы, только что исправленные им с больных на здоровые, тот час же снова нарушались, причем безо всяких видимых причин...

Изо дня в день Дмитрий вновь и вновь пытался лечить Александра, и все безрезультатно. На короткий миг течение его жизненных токов менялось в лучшую сторону, обретая хоть какую – то упорядоченность, но как только Дмитрий прекращал свое воздействие на эти токи, как все довольно быстро возвращалось к исходному хаосу. Александр мог теперь вставать и ходить самостоятельно, но был все же очень слаб, к тому же время от времени с ним случались приступы самых разных болезней – то схватывало сердце, то мучили жесточайшие мигрени, то печеночная или почечная колика буквально скручивала его тело в узел. Дмитрий, как мог, облегчал эти приступы при помощи настоев, снятия энергии болезни и других методов, но дальше этого дело не шло.

Так прошло десять дней. Постоянно оказывая помощь Александру, Дмитрий даже не приблизился к пониманию причин его странной болезни. Сам Александр пару раз заикнулся о том, что, мол, пора ему возвращаться к своим, на базу, что болезнь его, видимо, неизлечима, и он лишь зря отнимает у лекаря время и силы. Но Дмитрий не хотел его отпускать. Чутье подсказывало ему, что еще чуть – чуть, и он поймет, как лечить гостя. Он понимал, что помочь ему может только чудо, но почему – то продолжал верить, что оно произойдет.

Однажды вечером, когда Александр, выпив очередной настой, уснул после очередного приступа непонятных блуждающих по всему телу болей, Дмитрий вышел на крыльцо, вдохнуть свежего воздуха. Он смотрел на звезды, светящиеся в темнеющем небе, и думал, откуда прибыл этот странный пациент, которому он пока не может помочь. Прибыл он из такой дали, что и подумать страшно. Неужели ему не суждено вернуться назад?

Тихо подошедший Бернад присел с ним рядом на крыльце. Некоторое время сидели молча. Бернад первым нарушил молчание:

–

Нездешний он, этот больной странник, совсем нездешний. Очень уж он внутренне не похож на людей. Ты все еще надеешься его вылечить?

Оказывается, они думали об одном и том же.

–

Да, Бернад, ты правильно заметил – он не похож на людей. И совсем не такой как мы. Потому что прибыл к нам из другого мира.

–

А – а – а., вот оно что... Я догадывался о чем – то таком.

Дмитрий порадовался за ученика. Бернад уже может видеть сущность и человека, и вообще любого существа. И даже может отличить человека его мира от пришельца, несмотря на абсолютное внешнее сходство. Да, за последние годы он сделал большие успехи.

–

Если бы увидеть сущность других существ из его мира, – продолжал Бернад, – можно было бы хотя бы понять, какие они бывают, здоровые – то. Но сравнить ведь не с кем. Он один такой.

«Где – то там, в горах, на непонятной базе, есть и еще такие, – думал Дмитрий. – Но они не захотели или не смогли сюда прийти. А что, если...»

Дмитрию пришла в голову идея, которую надо было еще обдумать. У него появилась слабая надежда. Он совсем не был уверен, что все получится, но попробовать стоит.

–

Завтра я попробую еще один способ использовать, – сказал он Бернаду. – Если не получится, – значит, все. Так и скажу: не могу, мол, вылечить тебя, не понимаю твою болезнь. Так что решающий завтра день будет. А сейчас поздно уже. Спать пора.

На следующее утро, ни свет, ни заря, Дмитрий зашел в комнату Александра, и увидел, что гость не спит. По его лицу было видно, что болезнь на какое – то время отступила, и сейчас его не мучают боли и недомогания. А потому Дмитрий сразу приступил к делу.

–

Вижу, что у тебя сейчас есть силы. Поэтому помоги мне. Вспомни себя таким, каким ты был, когда был здоров. Можешь вспомнить?

–

Попробую, – Александр улыбнулся. – Сейчас, настроюсь только..

–

Давай. Представляй все как можно ярче, реальней – и я попробую увидеть тебя здоровым. Чтобы сравнить с тем, что есть сейчас, и попробовать понять, как и откуда пришла болезнь.

Александр закрыл глаза и расслабился, откинувшись на подушку. И Дмитрий ощутил, что тот входит в состояние, позволяющее вспомнить ту, прежнюю свою жизнь в своем мире, и себя в ней.

–

Не просто вспоминай, – сказал Дмитрий. – Постарайся снова войти в то состояние, когда ты был полностью здоров. Почувствуй его всем телом. Забудь, что ты болен, отстрани в своем восприятии те ощущения, которые испытываешь сейчас и вспомни, как ты себя чувствовал, когда был полностью здоров.

Александр понял, о чем просит его Дмитрий. Он действительно, пусть слабо, намеком, но сумел воспроизвести в своем теле отпечаток того, прежнего, здорового состояния. За искаженными и хаотично переплетающимися токами больного Александра Дмитрий на мгновение сумел уловить едва – едва проявленную картину гармонично и стройно текущих токов.

Они во многом сильно отличались от токов людей его мира как по распределению в теле, так и по составу самой *живы*. Но они текли гармонично, в этом не было сомнений. Хотя это была и чужая, не совсем понятная Дмитрию гармония.

Однако сил Александра не хватило, чтобы удержать этот образ своего прежнего здоровья и дальше – и проявившаяся картинка рассеялась в прах. Хаотично мечущиеся болезненные токи вновь полностью вытеснили вспыхнувший на краткий миг образ здоровья.

–

Молодец, – похвалил Дмитрий совершенно выдохшегося от усилий, вытирающего пот со лба Александра. – У тебя все получилось, и я увидел картину твоего здоровья. Отдохни немного, потом попробуем еще раз. Хочу попытаться понять, почему твоя гармония оказалась разрушенной.

Примерно через час немного отдохнувший Александр снова по просьбе Дмитрия предпринял попытку вернуться в воспоминаниях в то, прежнее, здоровое состояние. На этот раз образ правильного течения и состава *живы* держался дольше, несколько секунд, и за это время Дмитрий успел сказать:

–

Теперь вспомни тот момент, когда первый раз почувствовал себя плохо!

И тут произошло нечто странное. Сначала Дмитрию показалось, что, откуда ни возьмись, налетел слабый ветерок. Он тут же превратился в порыв сильного ветра, который изо всей силы ударил в едва наметившийся образ здоровых жизненных токов Александра. Этот порыв вмиг разорвал их, перепутал, заставил поменять свои русла, внеся хаос взамен гармонии.

Это длилось какую – то долю секунды, но Александру это воспоминание далось тяжело. Настолько, что он почти потерял сознание. Дмитрий быстро привел его в чувство, и спросил:

–

Ты что сейчас чувствовал?

–

Будто что – то словно разметало и стерло те ощущения, которые ты просил меня вспомнить, – сказал Александр через силу. – Вернее, не стерло даже, а... сломало. В самых важных местах, а потом уже эти поломки стали распространяться, как лавина.

Все понятно. Сознание Дмитрия превратило ощущения Александра в образ ветра. Что же это за ветер такой? Об этом следовало подумать.

Убедившись, что Александр теперь в безопасности, Дмитрий оставил его, чтобы предаться своим размышлениям.

Итак, сомнений у него теперь не было: здоровье Александра было разрушено какой – то внешней силой. Не внутренние, родившиеся в самом организме, причины, привели его к болезни. Болезнь эта порождалась извне. Было что – то, что снаружи воздействовало на Александра, положив начало разрушению его здоровья. Причем это «что – то», судя по всему,

воздействовало на Александра лишь здесь, в этом мире. Там, у себя дома, он был здоров, и никаких причин, разрушающих его здоровье, сбивающей и ритмы течения его *живы*, и работу разума не было.

Что это за сила – Дмитрий понять не мог, хотя он уже, казалось бы, сталкивался с самыми разными силами, существующими в его мире. Но это была какая – то другая сила. Она словно частично выходила за пределы его мира. И действовала откуда – то извне, при этом переплетаясь, встраиваясь в самую суть Бытия. И понять ее, а тем более воздействовать на нее Дмитрий не мог. Пока эта сила была выше его понимания и возможностей воздействия. А может быть, она и вообще выходила за пределы его способностей. Раньше он ни с чем подобным не сталкивался, да и в книгах Мирослава, вроде бы не читал.

И все же... Книги Мирослава. Его мысль зацепилась за них, и никак не отпускала. Что – то там было такое, в книгах Мирослава, что – то, что он должен вспомнить.

Дмитрий отправился в лес, на свою излюбленную поляну, где особенно хорошо думалось, и словно сама природа помогала, подсказывала нужные мысли.

Да! Вот оно, важное воспоминание.

В одной из книг Мирослава рассказывалось, как некий род Детей Леса почему то захотел силой принудить живший рядом род Созданных из Света начать делать что – то так, как хотелось и казалось верным этим Детям Леса. И тогда мир словно отвернулся от них – пришли неведомые болезни, удача в делах покинула их. Начались неурожайные годы, природа насылала то паводки, то небывалые морозы. Дети рождались слабыми, и все чаще умирали во младенчестве.

Так длилось долгие десятилетия. Род становился все слабее, все малочисленнее, пока не вымер совсем.

Упоминание о том, что этот род вообще существовал, и сохранилось – то лишь в древнем манускрипте, из которого Дмитрий и узнал об этом.

Сам мир отторг их, стер их род с лица земли.

Неужели нечто похожее происходит и с пришельцем?

Да, получается так, что мир словно отторгает его. Насыляет силу, разрушающую извне его здоровье. Словно видит в нем нечто чужеродное и вредное.

Но почему? Дмитрий не видел ни в энергетике, ни в мыслях пришельца ничего злобного. Было там много не понятного, но явно зловредного не было.

Дмитрий поднялся, вернулся в избу. Подошел к Александру, протянул чашу с очередным настоем, присел рядом. Дождался, когда тот выпьет, и сказал:

–

Расскажи мне о твоём мире.

–

Что рассказать то? Что бы ты хотел узнать?

–

Ты говорил, что прилетел в летающем устройстве. Что еще у вас есть такого, чего нет здесь, в моем мире?

–

О, это очень долго рассказывать. Наш мир совсем, совсем другой. У нас очень много чего есть такого, чего у вас нет и быть не может.

–

Рассказывай. Пусть не обо всем. Хотя бы о том, о чем сможешь.

–

Ну например... Вот ты ходил учиться у самого мудрого ведуна, и на дорогу затратил целый год. У нас ты потратил бы на это часов восемь – десять, не больше. Представляешь, какая экономия времени?

–

Про ваши «летаки» я уже слышал. Только не понимаю, зачем нужно так время экономить. Мне спешить некуда. Если бы я не провел год в пути – мне и учиться у Мирослава было бы гораздо тяжелее. Поскольку я не получил бы тех опыта и знаний, которые приобрел за год странствий. Нет, не имеет смысла торопить время. То, что должно прийти в твою жизнь через год трудного пути, невозможно получить за восемь часов. Жизнь не обманешь, в нее все приходит вовремя. А поспешишь – людей насмешишь, и кроме лишней суеты, ничего в свою жизнь не принесешь.

–

Но это еще не все! Допустим, время вам не дорого, вы можете себе позволить год в пути находиться. Но вот представь себе: вдруг бы ты сейчас захотел с учителем своим поговорить, совета у него попросить. А он далеко. Не тратить же снова годы жизни, чтобы к нему дойти и совета спросить? А в нашем мире ты просто берешь в руки такую маленькую коробочку, нажимаешь кнопки – и разговариваешь с кем хочешь, будь он хоть на другом краю земли. А ты его слышишь и даже видишь, и он тебя слышит и видит, будто вы рядом стоите!

–

А это еще зачем? – опять не понял Дмитрий. – Мой учитель, Мирослав, мне сказал все, что считал нужным. Добавить ему уже нечего! Он советов мне давать не будет. Потому что я теперь сам головой должен думать. К тому же если уж очень понадобится, я могу с ним мысленно поговорить. Он мои мысли услышит, и ответит, если сочтет нужным. И я его ответ тоже безо всяких коробочек с кнопками услышу. А еще если мне совет нужен – я его сам получить могу, но уже не от учителя. Все что угодно в моем мире мне совет может дать – дерево, скала, море. Сам этот мир на наши вопросы отвечает, если мы умеем правильно их задавать...

–

Ну хорошо, ты это умеешь, потому что у тебя талант и ты долго учился, а у нас общаться так, как я описал, может каждый, – возразил Александр. – Разве это не делает жизнь большинства, а не только избранных, лучше?

–

Пожалуй. Но то, чему я научился, будет со мной всегда, а если твои соотечественники лишаться этих штучек, про которые ты говорил – что они станут делать тогда? Впрочем, рассказывай дальше.

Долго рассказывал Александр про свой мир. Про то, какие там есть специальные приспособления, чтобы можно было не только услышать, но и увидеть своими глазами все, что происходит где угодно, хоть на другом краю света. Про то, в каких они живут огромных, многоэтажных домах, где вместо людей все делают машины – готовят пищу, убирают помещения, стирают, моют посуду. Про то, как даже целые огромные фабрики работают совершенно без людей, и управлять ими можно, просто нажимая кнопки. Как умные машины запускают корабли в космос, перевозят людей и по воздуху, и по воде, и по земле, и даже под землей. О многих еще чудесах узнал Дмитрий. Дивился он всему этому, а иногда даже не мог поверить – уж больно чудно было то, про что рассказывал гость из другого мира. И не мог представить – а главное – не очень – то и хотел, чтобы что – то подобное появилось в его мире. Чувствовал в этом какую – то смутную угрозу. Несмотря на то, что Александр в красках расписывал, как прекрасно, легко и спокойно живется в его мире.

–

А в других мирах, где ты бывал, там тоже жизнь устроена так, как у вас? – спросил Дмитрий.

–

Нет, в других мирах, конечно, все по – разному. Где – то техника достигла почти такого же уровня, как и у нас. А где – то еще первобытные люди живут, в шкурах ходят и с каменными топорами. Есть и такие миры, где живут существа и вовсе на людей не похожие – ни на тебя, ни на меня. С синим цветом кожи, например. Или всего с одним глазом, но зато огромным, во весь лоб.

Дмитрию вдруг стало очень интересно – вот бы посмотреть на этих других существ! Узнать, болеют ли они, если болеют – то чем, и как их можно лечить. Как это все – таки замечательно, что мир велик, огромен и включает в себя множество разных миров, в которых живут такие разные существа...

Но сейчас не до того, чтобы думать об этом, потому что надо было помочь Александру. Если не вылечить болезнь, то хотя бы остановить ее. Пусть на время. И теперь он уже знал, как это сделать.

Сначала он заставил Александра выгибать спину, как это делают кошки. И чувствовать, как позвоночник натягивается струной между верхними и нижними «воротами жизни». Дмитрий объяснил, что верхние «ворота жизни» находятся в точке, расположенной примерно в двух фалангах указательного пальца над точкой на поверхности головы, лежащей посередине между верхушкой затылка и подзатылочной ямкой, а нижние «ворота жизни» находятся в копчике. Дмитрий учил Александра так вытягивать свою спину, чтобы позвоночник словно «накручивался» между копчиком и затылком, словно струна между колками. И объяснял, что так можно не только вылечить позвоночник, но и создать мощный поток энергии, проходящей по нему и питающей все тело. От чего восстанавливается гармония в течении жизненных сил, и укрепляется защита от тех воздействий извне, которые нарушают ритмы энергий в теле.

Потом Дмитрий сделал с Александром и нечто еще более странное. Велел раздеться по пояс, и начал наносить на его тело татуировки. Александр пытался сопротивляться, но услышал, что это – очень мощная защита.

–

Это – символы, выражающие Сути глубинных слоев твоего «я» на разных планах бытия – в Яви, Прави и Нави, – объяснял он, пока Александр мужественно терпел боль, хоть и не очень сильную, но ощутимую. – Ты помог мне увидеть твою Сущность, не только большую, но и здоровую. Поэтому я вижу, какие символы нужны тебе для помощи и защиты. Вот, смотри, спереди слева – это символ Яви, вплетенный в узор, символизирующий здоровое течение твоих жизненных потоков, спереди справа – такой же рисунок для Прави, а знаки Нави – сзади посередине.

Еще пара дней ушла на то, чтобы укрепить и стабилизировать состояние Александра. Дмитрий занимался с ним с утра до вечера, то поя разными настоями, то заставляя делать определенные упражнения, то правя и настраивая течение потоков *живы* в теле. А также погружая в особое состояние, в котором к Александру словно снились сны наяву. Сны, которые Дмитрий умел смотреть вместе с ним, исправляя возникающие в них образы и последовательности их возникновения.

–

И что теперь? – спросил Александр, когда спустя двое суток работа была закончена. – Я буду здоров? Ведь и правда сил прибавилось...

–

Будешь еще принимать лекарства, которые я тебе дам с собой. Я нашел единственно возможное для тебя сочетание лекарств и специальных упражнений, с помощью которых ты сможешь регулировать течение сил в твоем теле. Вместе они смогут приостановить твою болезнь. Заметь – только приостановить. Хоть, возможно, и на достаточно длительное время. Ты сейчас получил очень мощную защиту. Но я не уверен, что болезнь не вспыхнет с новой силой. Честно

скажу тебе – я так и не смог полностью понять причину твоей болезни. А потому не вылечил тебя, и лишь на время приостановил разрушение твоего тела.

–

Но почему, почему же это так? Если уж ты меня не можешь вылечить, тогда кто? Что же, выходит, я обречен?

–

Понимаешь, в чем дело... Часто болезнь является косвенным следствием допущенных человеком жизненных ошибок, зачастую даже не осуществленных им в Яви, а лишь возникших в помыслах, ожиданиях и намерениях. Но для Высшего Закона – то это все равно. Для Него – то все Слои Сущего одинаково реальны Здесь и Сейчас. Поскольку Высший Закон задан в Вечности, где прошлое и будущее соединены. И поэтому прежде чем лечить, я должен убедить человека пересмотреть имеющийся в его Разуме Образ Мира. И, кстати, не берусь лечить людей, которые не готовы это сделать. У тебя же, гость из другого мира, я не ведаю и не могу постичь, что же из твоего Разума мешает тебе жить в моем мире. Из древнего манускрипта моего учителя я узнал, что сам мир может быть против того, кто ему по каким – то причинам негоден. Вот и мой мир словно сопротивляется чему – то в тебе, желая это отторгнуть. Но что именно он хочет отторгнуть, я не знаю. Поэтому и не могу тебя полностью вылечить. И более того, я не уверен, что имею на это право.

–

Но что же мне тогда делать?

–

Тебе лучше покинуть мой мир. Улететь обратно к себе, пока болезнь не началась вновь. Пойми, я не гоню тебя. Но я опасаясь, что болезнь может вернуться с новой силой. И тогда даже я уже не смогу остановить ее течение. Тебе нельзя здесь оставаться.

Александр начал собираться в обратный путь, пока что не в свой мир, а назад, в горы, на базу, где разместились другие такие же, как он, пришельцы. Ему предстояла дорога через лес к месту, куда можно будет вызвать флайер, не опасаясь, что его кто – то увидит. Но теперь он надеялся, что пройдет ее быстрее, и одолеет легче, чем на пути сюда.

–

У тебя с лихвой хватит сил на этот путь, – напутствовал его и Дмитрий. – И что бы с тобой ни происходило, помни: у тебя есть сила на все. Потому что ты уже смотрел в лицо смерти. А тому, кто смотрел в лицо смерти, больше ничего не страшно. Если ты ощутил у себя на лице дыхание смерти, можешь бестрепетно повернуться, и оказаться лицом к жизни. Помни об этом.

На следующее утро Дмитрий вместе с Бернардом и другими учениками провожали иномирянина в обратный путь. Расставались на той самой опушке, где его впервые и обнаружил Берnard. Когда Александр, с рюкзаком за плечами, уже сделал несколько шагов в сторону леса, Дмитрий вдруг вспомнил, что так и не задал ему вопрос, который давно хотел задать:

–

Подожди... Как называется твой мир на твоём родном языке?

–

Земля, – ответил Александр. – На моем языке он называется Земля.
И, махнув напоследок рукой, исчез в чаще леса.

Глава 4. Дорога к звездам. Основание.

Возвращаясь к себе на оборудованную в удаленном от всех поселений лесном урочище станцию, прогрессор Александр Трофимов обдумывал сказанное ему местным знахарем. И даже не заметил, как перекинулся на размышления о том, что, оказывается, медицинские достижения овладевшей межзвездными перемещениями цивилизации могут в чем – то уступить возможностям местного знахаря! А дальше его мысли по каким – то странным аналогиям ушли в воспоминания о том, благодаря чему он вообще оказался на этой планете.

В середине XXIII века земляне создали генератор информационно – материальных преобразований или, как его называли иначе – генератор изменения мерности пространства, и стали «летать» к звездам. Столь разные названия, имеющие одинаковое сокращение – ГИМП, возникли потому, что процесс сверхскоростных перемещений был связан с преобразованием материальных тел в информационные пакеты. Все это стало возможным благодаря тому, что ученым удалось доказать и описать формулами то, о чем мистики говорили еще в XX веке – что реальность многомерна и в разных измерениях находятся как бы разные части материальных объектов и связанные с ними информационные образы. Кроме того, у живых существ в пространстве высших мерностей находились еще и их информационные слепки, являвшиеся своего рода «информационным аналогом» ДНК. Ученым пришлось попотеть, доказывая, что возникающий после ИМП – передачи в другом месте человек сохраняет не только генетическую, но и информационно – энергетическую идентичность с тем, который был отправлен из исходной точки. Кроме того, и по сей день существовала специальная программа, согласно которой все космонавты после каждого возвращения подвергались глубокому ментоскопированию и исследованию их генома на предмет выявления возможных накоплений каких – то изменений, вызванных именно процессами ИМП – переноса. Но на текущий момент считалось доказанным с достаточной достоверностью, что ИМП – процесс распространялся не только на физические тела, но на и информационно – энерго – временное содержание живых объектов (то, что служители религий и ученые предыдущих веков называли разумом и душой).

К концу XXIII века земляне открыли другие планеты, в том числе и населенные разумными существами. Среди них совершенно оказалось довольно много таких, где обитали похожие на землян биологически расы. В результате этого открытия, на Земле было принято решение создать в Комиссии по Исследованию Космоса Мирового Собора (КИК МС¹) Комитет по этнографии, социологии и психологии других рас, который чаще для краткости именовали просто Комитет по этнографии других рас (КЭДР – было похоже на название очень благородного и символического для землян дерева).

Как – то раз, на вопрос о том, как назвать сотрудников КЭДР, изучающих открытые инопланетные расы *методом включенного наблюдения*, член Управляющего Совета, увлекающийся древней литературой, шутливо предложил назвать их прогрессорами. Как у древних русских писателей 20 – го века братьев Стругацких. Поскольку, мол, очень уж похожи функциональные обязанности этих сотрудников на те, что описывали Стругацкие. Ведь за социологическо – психологическим эвфемизмом *метод включенного наблюдения* скрывалось описание деятельности по сбору данных об образе жизни и психологии жителей других миров. А самые опытные из сотрудников Отдела активных мероприятий на планетах, жители которых были максимально близки к землянам морфологически, под видом шаманов и ученых

---

¹ МС – Мировой Собор – верховный орган управления всего человечества. Информационные технологии будущего и создание ГИМПов сделали возможным возврат на новом техническом уровне к принятию общепланетарных (и даже общечеловеческих – с учетом внеземных колоний на иных не заселенных другими разумными расами планетах) решений прямым волеизъявлением всех людей.

становились советниками лидеров племен или государств и таким образом активно (отсюда и название отдела) воздействовали на развитие этих миров. Они передавали новые знания и этические ценности, «подталкивали» жителей этих планет по пути прогресса – в земном его понимании. Поэтому шутовское предложение нашло неожиданно горячую поддержку и теперь, в середине XXIV – го века сотрудников отдела иначе, как прогрессорами, уже и не называли. Да многие уже и не помнили, откуда взялось это название. Трофимов и сам то знал это только из – за юношеского увлечения книгами древних фантастов.

А в то время, когда Александр разбирался с непонятно откуда возникшей болезнью, его руководители на Земле размышляли над странными событиями, имевшими место не только с ним, а и на других планетах. Причем события эти носили характер масштабный, а кое – где даже и трагический. Поэтому за два дня до возвращения Трофимова на станцию в КИК прошло специальное совещание, на котором были приняты решения, коснувшиеся и Александра. О чем он, впрочем, в это время еще не знал.

Начальник Отдела активных мероприятий Сергей Мирославов пришел на назначенное Директором КЭДРа мероприятие с тяжелым ощущением. Когда в зале оперативного ситуационного центра собрались все приглашенные, Директор предоставил слово специально пришедшему на это мероприятие начальнику аналитического управления КИК Лахиру Чонгапу.

– Вчера мы закончили обработку и проверку всего массива данных по странным и необъяснимым негативным событиям, имевшим место в последние несколько месяцев на некоторых наших базах и колониях. Напомню, что причиной для проведения расследования стала катастрофа на Афине – 3.

Свет погас и прямо в центре зала возник созданный голографическим проектором видеообъем (виом), в котором пошла полученная перед катастрофой информационная запись.

Начальник экспедиции Сурен Григорян надиктовывал ежедневную информационную сводку. Никаких признаков волнения видно не было. Завершив ввод данных, Григорян приступил к фиксации личных выводов. Но суть сказанного вовсе не соответствовала внешне спокойному выражению его лица:

– Хочу поделиться частным наблюдением. Как известно, при отборе в состав экспедиций учитывается в том числе и параметр паранормальной чувствительности. Наш психолог при последних двух ежемесячных тестированиях обнаружил, что у всех членов экспедиции с коэффициентом сенситивности выше 7 по шкале Зимина в глубинных областях подсознания, отвечающих за восприятие сигналов из коллективного бессознательного, накапливалось ощущение тревоги, – Григорян на мгновение задумался. – При выборочном углубленном тестировании членов с самыми высокими значениями коэффициента выявилось, что они ощущают нарастание в здешней ноосфере некоего неидентифицируемого негатива. Причем связанного именно с нами. И хотя все доступные нам аппаратные методы не выявили никаких факторов, прямо или косвенно угрожающих деятельности нашей станции, я считаю своим долгом сообщить о результатах этих исследований. Возможно, потребуется выслать на планету группу из Спецотдела FIB². Лично я опасаясь за здоровье людей, команда у меня крепкая, выносливая, психологически устойчивая, и все же – рисковать не хочется... Ну а кроме того, хочется разобраться, действием каких факторов окружающей среды вызвано возникновение этой подсознательной тревожности. До тех пор, пока мы будем находиться в неведении, мы вынуждены будем опасаться всего и вся. А это в свою очередь порождает обратную связь, усиливающую подсознательный страх.

---

² FIB – от английского «a feeling in the bones» – безотчетное чувство, интуиция. Спецотдел FIB комплектовался отобранными и натренированными по особой методике людьми, обладающими, как это принято называть, экстрасенсорными способностями. Прежде всего к предчувствованию будущих событий и к ощущению слабых возмущений в природных и техногенных информационных полях. Но встречались среди них и способные на активные воздействия на процессы в окружающей их среде.

Сурен вдруг внезапно замолчал, словно к чему – то прислушиваясь. И спустя долю секунды стремительно вскочил из кресла. Записывающая камера, отреагировав на движение, также сместилась, продемонстрировав вид из окна станции. Поверхность почвы словно пошла волнами и по ней побежали трещины, из которых вырывались языки огня. Включившаяся система АР³ сообщала, что прямо под станцией возник очаг землетрясения силой 11 баллов, сопровождающийся разрывами коры и выбросами магмы. А станция получила неустранимые разрушения, в том числе препятствующие эвакуации людей из ряда модулей. Через интерком внутренней связи, автоматически включившийся в аварийной ситуации, были слышны доклады из отсеков, которые сменялись криками ужаса. И вот уже доносятся только звуки взрывов и скрежет разрываемой обшивки станции. Люди гибли в огне!

На записи было слышно, как Григорян отдал голосовую команду на аварийную эвакуацию – «отстрел» отдельных модулей. В этом режиме модули буквально катапультировались и, не доверяя антигравам, на старинных парашютных системах опускались уже вдали от места расположения станции. Это был крайний режим спасения, именуемый аварийщиками «лучше кто – то, чем никто». Приказ на аварийный отстрел еще звучал, а по стене кабинета рядом с дверью пошла трещина, из нее прорывались языки пламени. Вдруг изображение повернулось на 90 градусов – и зрители на Земле не сразу сообразили, что стабилизированная в воздухе камера по прежнему оставалась на месте, а перевернулась сама комната. Внешняя стена лопнула, словно она была из бумаги. Компьютер мобильной камеры, руководствуясь программой АР, рванул антигравитационную платформу, на которой была закреплена оптика, прямо в образовавшуюся брешь – прочь из объёмной пламенем комнаты. И происходившее на станции стало видно уже извне, с высоты, которую набрала камера, стремительно уводимая компьютером из зоны поражения. В этот момент половина станции исчезла в облаке взрыва чудовищной силы. Бесстрастная видеочка продолжала транслировать, как строения станции корезили чудовищные волны – словно земля под ними стала жидкой. А через возникающие после прохождения каждой такой волны трещины наружу мгновенно вырывалось пламя. В тишине зала разнесся чей – то возглас – выдох: «Это просто ад!»

И в ту же секунду робот – наблюдатель вдруг стремительно спикировал вниз, и на экране появилось искаженное от ужаса лицо Григоряна. Волос на голове уже не было. Григорян прилип к экрану лицом, открывая рот, но произносимых им звуков слышно уже не было. А спустя еще пару секунд рухнувшее сверху металлопластиковое перекрытие погребло под собой начальника экспедиции.

Изображение погасло, в зале загорелся свет. В повисшей тишине даже тихий голос Директора КЭДРа прозвучал очень отчетливо:

– Именно после этой катастрофы Коллегия КИК приняла решение о подготовке экспедиций в те сектора, где выявлены основные «сгущения» негативных событий.

Данное решение и послужило началом событий, которые коснулись уже непосредственно Александра Трофимова. Войдя в центр связи, он увидел мигающий огонек накопителя информации. Значит в его отсутствие с Земли передали пакет с данными. Сеанс прямой связи потребовал бы слишком много энергии. Но и читать постоянно сухие сводки вдали от дома было тоже скучновато. Поэтому по совету психологов информация к прогрессорам всегда передавалась не в виде текстов, а в форме интерактивных видеосюжетов. Трофимов включил систему генерации VR, и сразу же словно перенесся в один из залов совещаний КЭДР'а. Оказавшись в непосредственной близости от неизвестного ему человека и начальника ОАМ Сергея Мирославова. Тот поздоровался и представил гостя: «Знакомься, Саша. Это начальник аналитического управления КИК Лахир Чонгап. «Непалец или бутанец», – подумал Трофимов. А начальник ОАМ продолжал:

---

³ АР – аварийное реагирование.

– Твой доклад о внезапном возникновении у тебя болезни, не поддающейся диагностике средствами стандартного полевого медицинского центра, стал последним звеном в обнаруженной аналитиками КИК странной закономерности.

Здесь в виртуальный разговор вступил уроженец Гималаев:

–

В третьем и втором секторах исследованного космоса наблюдается сгущение отрицательной причинности. На некоторых планетах секторов участились негативные события среди таких же, как вы, Александр, одиночных наблюдателей и, более того, на полностью укомплектованных базах. Причем вероятность их возникновения несколько выше среднестатистической по всему обжитому и исследуемому нами объему пространства. Превышение это очень незначительное и мы, скорее всего, не придали бы этому никакого значения, списав на флуктуацию, если бы на одной из планет уже не случилось ЧП первого уровня.

Александр похолодел. А главный аналитик КИК продолжал:

–

На Афине – 3 погибла вся наша миссия. Полностью уничтожен автономный производственно – жилой комплекс класса «замок» со всем оборудованием! Что там случилось, будет выяснять комиссия, отправленная туда на ГИМП – корабле нулевого класса «Ясон», усиленная тремя группами физической защиты с полным оснащением по классу «экстра». Пока ясно одно – это был природный процесс, от воздействия которого колонистов не спасли самые совершенные системы контроля окружающей среды, предупреждения и защиты. А их уровень в комплексах класса «замок», как ты знаешь, очень высок.

В это время тренькнул звоночек линии доставки – виртуальный Мирославов встал, подошел к зеркальной стойке в конце стола и, взяв из окошка автомата поднос с двумя чашками кофе, вернулся к столу. Чонгап пригубил одну из чашек и выразил одобрение:

– У вас в КЭДРе всегда хороший ирландский кофе. Очень ароматный... Как вам это удается?

Довольный Мирославов гордо ответил:

–

Мне его друзья передают из Дублина. Ну и за скромное вознаграждение в виде этого же кофе настройщики линии доставки сделали так, что этот кофе попадает в кухонный автомат только при наборе специального кода.

–

Ну вот, сколько не боролось человечество с протекционизмом и коррупцией, а по крайней мере на бытовом уровне они неискоренимы! – шутливо проворчал Чонгап.

Да, мудро психологи составили модель разговора. Пока его непосредственный начальник и главный аналитик КИК обсуждали достоинства разных сортов кофе, Трофимов «переваривал» полученную информацию. Еще бы... ЧП первого уровня – это человеческие жертвы и масштабные разрушения. Подобного на его памяти вообще еще не случилось!

Ровно когда Александр, будь разговор двусторонним, начал бы задавать вопросы, Лахир, в очередной раз отхлебнув кофе и поставив чашку на столик, продолжил свое сообщение:

– Естественно, что все данные о событии на Афине – 3, а также и в целом информация о планете подверглись внимательнейшему анализу. И по «наводке», сделанной Григоряном в последнем донесении, стали искать – что могло вызывать повышенную тревожность у членов экспедиции. Один из аналитиков выявил повышенный негативный событийный фон, предшествовавший катастрофе в течение последних шести – семи месяцев. Он задал поиск в системе КИК на выявление подобных аномалий на других планетах. А поскольку любому запросу, связанному с расследованием катастрофы на Афине – 3 был присвоен высший приоритет, то запрос рядового аналитика поступил на обработку напрямую на «три К» (кластерный квантовый компьютер) и получил доступ ко всем базам данных. А спустя неделю аналитик,

уже и забывший про свой запрос, получил ответ поисковой системы с грифом максимальной важности!

Лахир сделал небольшую паузу, акцентируя внимание на том, что собирался говорить дальше.

– В нем содержалось описание сгущения отрицательной причинности на ряде планет второго и третьего секторов. В соответствии с директивой о критической информации, он немедленно доложил о находке непосредственно мне. Конечно же, я немедленно бросил на разработку этой темы подчиненную лично мне спецгруппу из лучших специалистов управления, запросив через УС КИК разрешение привлечь в эту группу лучших спецов из других организаций. Прежде всего, конечно же, стали просчитывать, на какой из попавших в выборку планет может случиться катастрофа, аналогичная произошедшей на Афине – 3, когда и по какой причине. Люди работали полтора месяца без выходных, в режиме максимальной фармакологической поддержки, но вынуждены были расписаться в собственном бессилии. Никаких причинно – следственных связей между событиями, происходившими на Афине – 3 ранее, и собственно катастрофой выявить не удалось!

Как не получилось найти закономерности и в массивах негативных событий на других планетах, попавших в кластер сгущения отрицательной событийности. Везде все выглядит как несчастные случаи, вспышки эндемических болезней, участвовавшие поломки оборудования. Не было выявлено даже косвенных внутренних взаимосвязей между событиями на каждой из планет, равно как и каких то корреляций между событиями, происходящими на разных планетах. Весь проанализированный массив событий не имеет пересечений ни по одному из введенных в анализ факторов. Исключение составляют лишь несколько параметров: на всех рассмотренных планетах есть доминирующая по численности раса с единой господствующей идеологией, везде практически отсутствует прецессия и ось вращения планет почти строго перпендикулярна орбите движения вокруг звезды и поэтому там нет смены сезонов – климатические пояса распределяются от экватора к полюсам. А расположение океанов, течений и в целом водная система делают очень обширную зону суши пригодной к эффективному земледелию. Кроме тех планет, естественно, которые почти сплошь покрыты океанами. В остальном же все планеты, на которых отмечено превышение отрицательной событийности, совершенно разные как по собственным параметрам, так и по уровню нашего присутствия на них. Так что определить, случится ли что – то подобное трагедии на Афине – 3 и где, нам не удалось. Наши специалисты предположили, что при анализе не был учтен некий «фактор X», по которому все эти события и коррелируют друг с другом.

В этот момент в разговор вновь включился Мирослав:

– Ну, это аналитики слишком уж строги к себе. На самом то деле кое – что они все – таки раскопали – все подозрительные планеты лежат внутри 2х конусов – одного внутри второго и одного внутри третьего сектора. А окончательно уточнить направление оси конуса второго сектора позволило именно сообщение о твоей странной болезни. В результате решено направить в эти области космоса специальные исследовательские экспедиции. В третий сектор кроме уже ушедшего к Афине – 3 «Ясона» уйдут ГИМП – корабли «Персей» и «Одиссей», а во второй – «Геркулес» и «Пересвет». Укомплектованные также, как и «Ясон». Поскольку ты, Саша, сам являешься объектом неизвестного воздействия, потенциально опасного для жизни, «Пересвет» подберет тебя с планеты, и ты будешь включен в состав экспедиции. Заодно и болезнь твою полечим на полном стационарном медкомплексе. Готовься, борт прибудет через четверо суток.

Запись закончилась. Александр встал из кресла оператора связи и виртуальный зал растворился в воздухе.

М – да, дела... Такие энергетические траты, как посылка сразу пяти «многомерников», как называли на сленге косменов ГИМП – корабли, да еще и самых мощных, плюс допол-

нительно оборудованных и несущих на себе полное десантное «крыло» – это нечто! Хотя, конечно, если «фактор X» и впрямь существует, и катастрофы первого уровня происходят при достижении определенных значений, то подобные затраты оправданы. Размышляя над услышанным, прогрессор дошел до медицинского блока базы, разделся и лег в ванну диагностическо – лечебного комплекса. Надев на нос и рот дыхательную маску, Александр задал на пульте команду полной диагностики и откинулся на тут же принявшее форму его тела ложе. После чего ванна стала наполняться минерально – биологическим раствором.

Спустя полчаса землянин изучал выданную карту состояния своего организма. И удивлялся – практически все процессы в его организме были нормализованы! Правда, наблюдались быстрые осцилляции по целому ряду энергофизических параметров и активности мозговых структур. Т. е. его нынешнее состояние нестабильно и болезнь может в любой момент вернуться. Но все равно – этот местный Авиценна и Гиппократ в одном лице за две недели восстановил его организм до состояния, которого оснащенный всеми достижениями современной земной медицины комплекс не смог обеспечить и за месяц самой интенсивной терапии, включая наномолекулярную. И тут Александр совершенно неожиданно и без какого – то явного повода вспомнил прочитанную им в детстве повесть русского писателя – фантаста Кира Булычева. Название ее он уже забыл, а суть была в том, что люди из будущего посылали в свое глубокое прошлое специальные экспедиции, задачей которых было нахождение малоизвестных гениев прошлых эпох и их перенос в будущее в тот момент жизни, когда те умирали или погибали. И когда одна из героинь этой повести спрашивает главу подобной экспедиции, какая польза может быть от древнего гения в будущем, тот отвечает ей, что настоящие гении – это очень адаптивные люди и с помощью специальных методик смогут освоить достижения цивилизации за считанные годы. После чего, используя свою гениальность, смогут придумать нечто принципиально новое. На то, мол, они и гении. Вспомнив этот литературный факт, прогрессор сначала недоуменно хмыкнул – и чего в голову лезет выдуманная история, когда для раздумий есть более актуальные темы, но потом до него вдруг дошло, какая аналогия есть между той старинной фантастической повестью и нынешними событиями. Ключевым было слово «гений». А что если предложить Центру включить в состав экспедиции в качестве приглашенного консультанта местного чародея с именем, очень похожим на славянское Дмитрий! Дать ему возможность за время полета с помощью нейротранслирующих обучающих интенсив – систем (НОИС) освоить базовый набор земных знаний и привлечь к работе. Кто его знает – может этот самый «фактор X» имеет такую природу, что одними приборами, без участия живого существа, его не выявить! А здешний чпродей мог дать сто очков вперед любому земному паранорму!

Надиктовав донесение и отправив его в Центр, Александр понял, что все равно ощущает внутреннее беспокойство. Чтобы немного отвлечься от тяжелых мыслей, он решил отдохнуть, а заодно, может быть, и «выловить» из своего подсознания новые идеи в специально создаваемой для каждой базы индивидуальной модели когнитивной виртуальной реальности (КВР), основанной на методике так называемой *внутренней игры*, разработанной американским специалистом Тимоти Голви еще в конце 20 – го века⁴, и содержащей подробные поведенческие матрицы максимально возможного числа знакомых (но не родственников – виртуальный контакт с родственниками психологи посчитали не стимулирующим, а наоборот, деморализующим психику фактором) каждого из членов экспедиции, а также включенных в модели случайных и специально созданных психологами персонажей, предназначенных выступать своего рода «зеркалами» работников базы в той или иной области знаний или проблемной ситуации. Александр часто пользовался этой возможностью, и всякий раз, общаясь как со своими ста-

---

⁴ Методика реально существует – см., например, У. Тимоти Голви, «Работа как внутренняя игра», М., «Альпина бизнес букс», 2005

рыми друзьями, так и с чисто виртуальными персонажами, хорошо восстанавливал психику, а зачастую еще и получал новые идеи для размышлений.

Сев в ложемент и подождав, пока система настроит датчики ментального контакта, Трофимов набрал код места, где он хотел оказаться, а также время и уровень глубины погружения. При задании начального уровня погружаемый вполне осознавал, что пребывает в виртуальности, а на самом высоком проработка деталей и достоверности модели была такой, что сознание воспринимало виртуальность как абсолютную реальность. Сейчас Трофимову надо было отвлечься от всего навалившегося на него за последнее время, и поэтому он задал именно максимальный уровень погружения и самое большое разрешенное время. И должен был перенестись в уже знакомое по предыдущим глубинным погружениям помещение ресторана. Мягкие кресла, уютно расположенные столики, за стойкой маячил многорукий бармен (такие роботы в последние годы все больше заменяли людей и благодаря своим способностям показывать всеми своими щупальцами разные трюки пользовались большим успехом). Посетителей было мало – за столиками сидели несколько коротко подстриженных молодых людей, судя по униформе – пилоты пассажирских кораблей, а также молодая девушка, на рукаве которой значилась эмблема Миссии Доброй Воли. К ней Трофимов и направился. Заметив подходящего Александра, девушка оживилась, отодвинула в сторону стакан сока, и радостно сделала приглашающий жест рукой.

– Ксения! Вот уж не ожидал встретить тебя здесь сегодня! – Трофимов тоже радостно заулыбался.

– Привет, Саша! Я тут, собственно, случайно оказалась. Ты знаешь, вернулась экспедиция с Сатурна и биологи обещали передать мне результаты обработки образцов. В лабораторию они заходить не захотели, и мы договорились встретиться здесь. Вот и сижу, жду этих оболтусов – они опаздывают уже на пятнадцать минут!

– Слушай, в этой экспедиции была жена Григоряна, Светлана ... Как она сейчас? Ты ее не видела?

– Нет, мы едва знакомы, к сожалению. Но я о ней очень наслышана ... Говорят, она классный специалист!

За соседним столиком послышался шум. К двум пилотами присоединились еще несколько гостей.

Вся эта компания заказала выпивку, и, дожидаясь ее, громко хохотала над очередным анекдотом.

Трофимов, на секунду отвлекшийся, снова обратился к девушке:

– Ксения, я разыскиваю археологов с планеты Брук. Ты их здесь не видела?

– Я видела Павла из лаборатории Сергеева... Но он был здесь вчера. Тебе же, наверное, нужен профессор Зелинский?

– Да... или доктор Ветров. Жаль, что я их здесь не застал. Ну да может еще придут...

Ксения легко потрепала его ладонь.

– Что нового в твоей лаборатории, Ксения? – спросил Трофимов, чтобы перевести разговор в другое русло.

– Создаем сейчас уникальный вид растительности для наших пилотов – очень питательный и вкусный. Астронавты берут с собой только зерна, а выращивают уже в пути и, в зависимости от подкормки, получают плоды разного вкуса – от арбуза и до яблока.

Трофимов усомнился:

– Не верю я во все эти «мультифрукты»... И «мультиягоды» тоже...

Ксения заулыбалась.

– Зря вы так, товарищ прогрессор, очень даже вкусно получается. Я лично пробовала... Ой, прости! Руководство отзывает...

Ксения сжала пальцами мочку правого уха, в которые все чаще по последней моде имплантировали мобильные коммуникаторы. Выслушав невидимого собеседника, девушка кивнула Александру и направилась к выходу. Когда она встала из – за стола, устройство автоматического считывания сопоставило биокод (набор индивидуальных биофизических параметров) Ксении со сделанным ей заказом и списало с ее счета необходимую сумму, одновременно послав сообщение об этом на коммуникатор.

Оставшись в одиночестве, Трофимов опять обратил внимание на компанию пилотов – они уже переместились в другой зал ресторана, но продолжала вести себя очень шумно. «Ох уж эти пилоты, мать их, элита!..» – подумал Трофимов.

Но тут, почувствовав на своем плече чью – то руку, Александр вынужден был оторвать взгляд от компании – за его столик усаживался Егорова – главный научный специалист из лаборатории Сергеева. Егоров был огромен ростом и ладонь Трофимова просто утонула в его руке.

– Не ожидали? – пробасил Егоров.

– Здравствуйте, Евгений Павлович! Действительно, не ожидал! Но рад, очень рад, честное слово... Как дела у Сергеева, вы ведь сейчас его замещаете?

– Да, он сейчас в командировке. Срочно вызвали на Плутон. Что – то там с последним экспериментом не ладится.

В этот момент раздался звук бьющейся посуды. Это один из пилотов, пытаясь встать, пошатнулся и опрокинул стол.

Бармен, словно выросший из земли, поднял стол, а виновника беспорядка оплел тремя из восьми своих щупалец и потащил к служебному выходу. Ни один из приятелей нарушителя даже не попытался помочь приятелю – все знали силу робобарменов.

Егоров ухмыльнулся:

– Молодые и беззаботные, – с легкой завистью произнес он, – какое им дело до наших экспериментов и научных исследований. Ну, ладно, я не на долго, сейчас моя жена подойдет.

И в ответ на недоуменный взгляд Трофимова, знавшего его как заядлого холостяка, продолжил:

– Она изучает нейрофизику и психоэнергетику инопланетных рас, мы с ней пересеклись совершенно случайно. Красавица – я ее как только увидел, сразу влюбился.

Подошедшая на этих словах молодая женщина, поцеловала в щечку Егорова, от чего тот, расплылся в улыбке и подмигнул Александру, усаживая ее возле себя.

– Моя жена, Марина – гордо заявил он.

– Очень приятно, Трофимов, – сказал Александр, протянув руку.

Но вдруг, Марина распалась на мелкие квадратики и исчезла. Трофимов недоуменно перевел взгляд на Егорова, но тот, казалось, не заметил ничего особенного и продолжал изучать меню. И в этот же момент Александр осознал, что он находится в виртуальности – полный эффект присутствия, характерный для глубокого погружения, исчез!

Вслед за Мариной пропал и Егоров. Вот тебе раз! Опять прога «глюкнула» или на серваке аппаратный сбой случился. Нужно будет сразу по выходу из виртуалки отправить сообщение в техотдел КЭДРа! Ведь не в первый раз уже такая ерунда. Может вместе с ГИМПом пришлют ремкомплект и спецы «многомерника» найдут время протестировать и починить систему.

Потерявший эффект присутствия Трофимов решил таки пока не покидать виртуальность, а дожидаться, пока система перенастроится и создаст новую сцену. Ведь никаких подсказок на интересующие его вопросы он пока так и не получил. Поэтому Александр, посидев еще немного, поднялся и пошел в сторону выхода из ресторана. Конечно, можно было просто пожелать и переместиться туда, куда ему было надо, но он предпочитал по старинке – своим ходом. Медленнее – но вернее! А то опять что – нибудь «глюкнет» – и окажешься, как Нео

в старинном фильме, на неизвестной станции метро. И не будет рядом Тринити, которая его оттуда выручит.

У дверей ресторана Трофимова ждал флаер. Куда лететь? Ему очень хотелось отыскать старых друзей, с которыми он был знаком еще со времен обучения в межгалактическом университете. Где они могут быть, в какой точке пространства?

Задавать «операционке» параметры поиска не хотелось. Любая заранее выстроенная ситуация всегда будет несколько искусственной, а Трофимову сейчас, чтобы подключить к принятию решения свое подсознание, нужна была максимальная натуральность общения. Но делать нечего – и Александр ввел в поисковой строке на управляющей консоли флаера: «Федор Агеев, космен». Несколько секунд «полета» через «трубу», явный признак «перемещения» в информационном пространстве виртуалки, создания в ней новой системы образов – и он уже находился на берегу озера. Вот только его старинного приятеля там не оказалось. Но именно в этот момент система наконец то смогла восстановить полноценный эффект присутствия. И сознание прогрессора вновь забыло, что он находится на иной планете, а не на берегу земного озера. На котором его ждал тот, кого он ожидал увидеть меньше всего – стоящий, а вернее, висевший в воздухе прямо перед ним синг из мерцающих земель планеты Рут. Точнее будет сказать, увидел то он его голову, висящую в воздухе над еле заметным облачком голубовато – розового цвета, потому что тела, как такового в нашем понимании, у этого народа не было. Его заменяла оболочка из некоего сложного полимера, наполненная изнутри смесью электропроводящих газов, способная выращивать разного рода отростки, с успехом заменяющие сингам руки. Голова же у представителей этой расы инопланетян, единственной из пока открытых землянами также способной к межзвездным перелетам, была очень похожа на человеческую. Только цвет ее оболочки был зеленовато – голубой, а вместо волос на ней находилась густая переливающаяся масса, напоминающая голубую глину. Обычно синги принимали форму людей и надевали костюм, но в их естественном виде, в котором неожиданный гость появился сейчас, смотреть на него было жутко. Синг скривил нечто наподобие улыбки, и слегка качнувшись вперед, что, видимо, должно было выражать некое подобие поклона, произнес на интерлинге:

– Господин Трофимов? Я очень рад нашей встрече.

Появление синга внушало смутную тревогу. Случайна ли эта встреча? Ведь члены посольства этой цивилизации на Земле старались без особой нужды далеко не путешествовать.

– Простите, а вы не... – начал Трофимов, но синг резко оборвал его.

– Мы с вами ранее не встречались, если вы это хотите узнать.

– Вы уверены?

– Конечно. Я только сегодня прибыл в нашу миссию, сменив одного из ее сотрудников.

Александр потер кончик носа.

– Так что вы хотите узнать?

– Меня интересует Дмитрий, – сразу «в лоб» ответил синг. – Кто он. Что умеет? Я слышал, что вы посещали его планету и встречались с ним лично. И мне хотелось бы знать, так ли он хорош, как о нем рассказывают.

Синг нервничал и по его «телу» и «волосам» пробежали небольшие сполохи, поскольку нервные импульсы эти существ имели электрическую природу.

– Извините, а откуда Вы знаете про Дмитрия? Ведь никакой открытой информации о нем нет.

– Ну, скажем так, мне, как представителю миссии на Земле, сообщил об этом один из ваших коллег.

– Странно. Хотя, с другой стороны, особо секретного в этом тоже ничего нет. Так что отвечу так – Дмитрий действительно очень хороший лекарь, – сказал Александр, продолжая размышлять, откуда синг на самом деле смог узнать про его общение с инопланетным чудо-

деем. – Насколько я знаю, к нему обращаются в основном те, кто считает свою болезнь неизлечимой. А вас то он почему так заинтересовал?

Произнося эти фразы, Трофимов ощутил вдруг, что находится в виртуале. Видимо, система посчитала необходимым снизить эффект присутствия. Или опять «глюканула». Но даже если и так, то сейчас это было к лучшему, потому что он смог задуматься, зачем программа КВР создала столь странного собеседника. Что он должен символизировать в его подсознании? И как он может быть связан с мыслью пригласить Дмитрия в экспедицию?

– Мне необходимо его найти. Весь мой народ болен – по непонятной причине мы стали терять энергии больше, чем можем восстановить. Никто из наших ученых не может нам помочь. Более того, даже просто объяснить, что с нами происходит, тоже никто не берется.

– Думаю, что вам действительно нужно встретиться с Дмитрием. Может быть, это ваш единственный шанс. Если мне позволит начальство, я дам Вам координаты той планеты, где он живет, и опишу, как его там найти. Хотя нет, думаю, такого решения мое начальство не санкционирует. Лучше уж нам перебросить Дмитрия на вашу планету. Если он согласится.

– Спасибо, мы рассчитываем на вас. А сейчас прощайте, – прошелестел синг.

Цвет газа стал меняться. Теперь он уже был не розово – голубой, а какой – то салатовый... И странный гость медленно растаял в воздухе. Что, опять же, было странно – система генерации КВР не стала создавать флаера, к которому гость должен был бы направиться, а просто убрала того из созданной сцены.

Агеев подошел к Александру.

– Что он от тебя хотел?

– Спрашивал об одном знахаре, у которого я лечился, – мысли Трофимова были уже далеко. – Мне нужно возвращаться, хотел поболтать, но придется в другой раз. Не обижайся. Понимаешь, происходят странные вещи, но это долго рассказывать...

– Саша, если нужна помощь, ты знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать.

Агеев знал своего друга, как рассудительного и умного человека, и если тот говорит, что нужно возвращаться, значит, на то есть причины. Поэтому задержать его Федор даже не попытался.

– Спасибо, дружище. Это взаимно...

Открыв глаза, Трофимов встал с ложементов. Запустив программу тестирования системы генерации виртуальной реальности и отослав сообщение об участившихся сбоях в дежурному КЭДРа с просьбой прислать на «Пересвете» ремкомплект и выделить время компьютерщиков ГИМПа для проверки, он решил пройтись и попытаться сложить фрагменты головоломки последних событий в осмысленную картинку. В том, что все события взаимосвязаны, у него никаких сомнений не было, но логической связи он пока не видел. И погружение в ВР не очень то помогло. Некие подвижки в его бессознательном все же произошли, но возникшие ассоциативные связи на поверхность сознания пока еще не «всплыли».

Выбравшись из люка, замаскированного среди кустов на склоне холма, внутри которого и была укрыта от посторонних взоров база землян, Трофимов направился в сторону лесочка на выходе из урочища. В лесу Трофимов присмотрел для себя большое дерево, в стволе которого он обнаружил дупло в форме кресла. Александр сел в него и попытался максимально расслабиться. Было приятно смотреть на зеленеющие деревья, траву, камни и темную землю – все это напоминало родную планету. Он вспомнил прощальные слова Дмитрия перед тем, как он отпустил земного прогрессора после лечения.

«...сам мир может сопротивляться тому, кто ему неуютен. Вот и мой мир словно сопротивляется чему – то в тебе, желая это отторгнуть... тебе надо улететь».

Но Трофимов не понимал, что же такого в нем могло быть, чему воспротивилась сама природа этой планеты. Дмитрий говорил о том, что есть нечто, что мешает ему здесь жить. То ли в разуме, то ли в энергетике – этого и сам знахарь понять не смог. Но может быть, полу-

чив возможность ощутить происходящее в других мирах, он сможет сказать, что же отторгает землян? И какие их действия или свойства приводят к таким реакциям этих миров? Поможет обнаружить стоящую за всеми этими событиями единую внешнюю силу. Чего, насколько понимал Трофимов, больше всего и опасаются руководители КИК. Ведь это будет означать, что человечество впервые столкнулось с как минимум равной, а то и превосходящей его по возможностям цивилизацией! Про которую ничего не известно и которая скрывает сам факт своего присутствия. «А может так удививший и настороживший в виртуалке образ подозрительно информированного инопланетянина как раз и наталкивал его на мысль о существовании некоторой вероятности того, что все эти события являются проявлением чье – то целенаправленной воли. И участие в экспедиции Дмитрия поможет обнаружить носителей или реализаторов этой силы. Тогда это просто необходимо», – подумал Трофимов и решил, что должен приложить максимальные усилия, чтобы уговорить высшее руководство включить Дмитрия в состав экспедиции. Но для начала стоит поговорить с самим знахарем – ведь без его согласия ничего не получится.

Встречу с Дмитрием, он решил отложить на утро. С новыми аргументами лучше «переспать», дав возможность мозгу еще раз все структурировать. А может еще и приснится что – то полезное.

Глава 5. Дорога к звездам. Выбор.

Проснулся Александр с ощущением, что сегодняшний день изменит его жизнь. А, может, и не только его. Правда, сразу мелькнула мысль, что это лишь последствие от ощущения того, что ничего не болит. Подкосившая его болезнь отодвинула на второй план обыкновенные радости человеческой жизни. Но в этот новый день всё было не так.

Последующие умозаключения, само собой, привели Александра к размышлениям о Дмитрие. И вчерашнее желание взять его с собой на «Пересвет» ещё более укрепилось. Внутренний голос подсказывал, что этот странный человек, обладающий огромными знаниями и почти магическими способностями, как никто другой сможет почувствовать суть происходящих в людских колониях событий и помочь разобраться с наблюдающимися там катаклизмами. Но согласится ли он?

Разрешения от начальства на включение в экспедицию аборигена пока не было, хотя прогрессор был более чем на 90% процентов уверен, что «наверху» будут совсем не против. Чтобы не терять время, Александр решил отправиться к лекарю и попробовать уговорить его на путешествие. А в этом уверенности было намного меньше. Хотя нельзя сказать, что ее не было совсем. Как – никак, но Александр считал себя тем, кто умеет ладить с себе подобными, даже такими особенными, как этот чародей. А то хорош он будет, если руководство согласится, а абориген откажется. Да у него за спиной тогда все управление хихикать потом будет.

Флайер доставил Александра на уже знакомое место, и он направился в сторону дома Дмитрия. Поднялся ветер, который дул в лицо, замедляя движение. Хорошо, что он был одет в специальный комбинезон, снаружи напоминающий одежду местных жителей, но со встроенной системой обогрева и из материала, защищающего от большинства местных видов оружия, кроме, разве что, больших арбалетов и баллист. Сейчас утепление оказалось весьма кстати.

Спустя полчаса (ближе удобной для высадки поляны не нашлось, а подлетать прямо к дому знахаря даже в режиме «невидимка» прогрессор не хотел) Трофимов подошел к дому лекаря. Его, широко улыбаясь, встретил Бернارد.

– Не ждали вас в гости так скоро. Что –нибудь случилось? – поинтересовался он.

– Нет, Бернارد, ничего не случилось, правда, если бы не моя одежда, то я бы изрядно замерз из – за сильного ветра.

– Какого ветра? – недоуменно спросил Бернارد. – Не было здесь никого ветра.

– Хм, странно. Ну, не было, так не было, – пожал плечами Александр. – А где Дмитрий?

В тот момент, когда Александр подошел к дому, знахарь как раз хотел идти в лес. Собрать кое – что, да и обдумать встречу с жителем другого мира надо было, посоветовавшись с природой. Нет, конечно, деревья, животные, насекомые напрямую ему ничего не скажут. Но Дмитрий уже не раз замечал, что когда у него есть сложный вопрос, однозначного ответа на который он найти не может, то, войдя в контакт с лесом, он спустя некоторое время его получает. Вернее, даже не сам ответ, а некое ощущение комфорта или дискомфорта, связанное с теми вариантами ответов, которые крутились в голове. И опыт показал, что те способы действий, которые рождали при контакте с лесом чувство комфорта и спокойствия, приводили к наилучшим решениям.

Вот так и сейчас Дмитрий собирался посоветоваться с лесом. Тем более, что после того, как он лечил иномирянина, его все чаще стали посещать мысли о других мирах, удивительных летающих домах, ящичках, лечащих вместо человека и, главное, о той НЕИЗВЕСТНОЙ БОЛЕЗНИ, не похожей ни на какую леченную им ранее. И всё это вводило Дмитрия в недоумение. Его размеренная, если так можно назвать бытие ведуна, жизнь разом изменилась. Обучение у Мирослава, самостоятельные занятия, чтение книг, полученных от старого ведуна, прак-

тика, которую он имел после возвращения в родную деревню – все это позволяло Дмитрию полагать, что уж о чем, о чем, а о болезнях, причем не только людских, он знает почти всё. Но вот иномирянина он лечил, а болезнь так до конца и НЕ ОПРЕДЕЛИЛ. И Дмитрий всё чаще ловил себя на мысли, что было бы неплохо пообщаться с «землянином» (как тот сам себя назвал по имени той планеты, с которой он прибыл) ещё раз. Ему очень хотелось узнать, как его самочувствие. Поэтому, сначала почувствовав приближение, а потом и увидев направляющегося к нему Александра, он искренне обрадовался предстоящему разговору. И отраднo было видеть, что иномирянин движется сам, довольно бодро, а не лежит бесформенным мешком, каким его принесли в дом Дмитрия в прошлый раз.

– Рад видеть тебя, Александр, – опередил лекарь приветствие прогрессора, почти правильно произнёс непривычное имя. – Как себя чувствуешь?

– Благодаря тебе скриплю ещё, – бодро ответил Александр, которого обрадовало настроение Дмитрия при встрече. – Здравствуй.

– Ты по делу ко мне, или как?

– По делу, и очень серьёзному.

– Я тут собирался по лесу пройтись. Если хочешь, можешь составить мне компанию. Или в дом пойдём?

– Зачем же отменять то, что наметил. Я с удовольствием пройду с тобой, – принял Трофимов предложение лекаря и они направились в сторону леса.

Александр сразу приступил к делу:

– Дмитрий, я понимаю, что ты очень занятой человек в своём мире и без тебя будет тяжело твоей общине, да и всей округе, наверное, но всё же я должен сделать тебе одно предложение. Я полагаю, ты именно тот, кто сможет помочь нам в разрешении некоторых вопросов, – Трофимов тщательно подбирал слова, но нервничал, и поделать с этим ничего не мог. Уж слишком необычным был разговор и очень велика цена вопроса. – От твоего согласия будет многое зависеть как здесь, так и там, у нас.

– Остановись, – прервал собеседника Дмитрий. – Ты сказал уже много и в то же время ещё ничего. Говори по сути – что за предложение, где это «у вас» и что от меня может зависеть?

– Прости, – Трофимов понял, что лекарь прав. – Просто за время болезни я так мало общался, именно общался, так, просто, а не рассказывал о своем самочувствии, всё меньше веря в то, что мне помогут. Теперь вот прорвало... Я скоро улетаю...

– Домой, на Землю? – поинтересовался лекарь.

– Если бы. Нет, я отправляюсь в другие миры. Дело в том, что в некоторых поселениях землян на разных планетах стали происходить непонятные вещи. И как предположили наши ученые – ну, мудрецы по вашему – моя болезнь тоже является звеном в этой цепи, а что будет дальше, никому не известно. И я приглашаю тебя полететь с нами по разным мирам.

– Неожиданно, – Дмитрий был удивлён. – А для чего это тебе то нужно? И для чего это, по твоему, нужно мне? Ты ведь правильно заметил – я лекарь и во мне нуждаются. Что больные будут делать без меня? И что может зависеть от меня в тех других мирах, куда зовешь меня ты?

– Ты же не навсегда улетишь, – Александр отвечал, тщательно подыскивая слова. – И мне кажется, нет, я чувствую, что ты – тот, кто нужен. Потому что умеешь чувствовать состояние даже таких существ, с которыми тебе еще не приходилось сталкиваться. И я обещаю, что верну тебя в твой мир после того, как всё разрешится. А пока тебя заменил бы Бернард. Мне показалось, что он довольно способный и ты его уже хорошо обучил. А ты помог бы нам почувствовать то, что мы не умеем даже с помощью наших самых лучших приборов.

– Он – то способный, но дело – то не только в людях, – вздохнул Дмитрий. Некоторое время шли молча и знахарь несколько раз нагибался, срывая какие – то нужные ему травы. Через некоторое время он заговорил вновь. – У меня лечатся не только люди, но и духи, и животные. И как ты можешь мне что – то обещать, если сам не знаешь, что может случиться

в тех местах, куда ты меня зовешь. Тем более ты сам говоришь, что там возникли какие – то проблемы. Я не трус, но совсем не хочу застрять в далёких мирах. Моё место здесь.

– Да, я сказал, что там возникли проблемы, но мы же не станем бросать тебя в самую гущу событий? – ответил прогрессор. – Ты будешь лишь наблюдать.

– Но чем может один знахарь помочь народу, умеющему летать между звезд? – проигнорировав последнюю фразу Александра, спросил лекарь, одновременно остановившись и сорвав желтый цветок. Он спрашивал гостя с такой тщательностью потому, что в ответ на его слова в глубине существа Дмитрия что – то шелохнулось. Это вовсе не было стремлением сразу же броситься навстречу неизвестному, но он привык прислушиваться и к самым тихим движениям своей души.

– А чувствую я это потому, что на своём примере убедился – ты можешь улавливать тончайшие процессы в окружающем мире, недоступные даже самым совершенным приборам. Вся наша высокоразвитая цивилизация, с её многовековым прогрессом оказалась бессильна там, где помогло умение, которым владеешь ты.

– Но я ведь не вылечил тебя окончательно, а лишь временно облегчил твое состояние.

– Это не важно. Я всё же могу передвигаться на своих двоих и разговаривать с тобой, а вся наша медицинская техника не смогла и этого. Подумай, Дмитрий. С ответом я тебя не тороплю. Но и не медли, поскольку корабль прилетит через 5 – 7 дней.

– Всё, что ты говоришь, очень интересно, но и сомнения мои велики, – сказал чародей и подобрал очередную травинку.

– Не хочу быть змеем – искусителем, но посуди сам, – произнёс Александр, – разве не интересно тебе, даже если не получится помочь нам, самому посмотреть другие миры и других живых существ? Ты ведь ничем не рискуешь!

– Правда твоя, интересно, только вот не пойму, при чём здесь змея.

– Да есть у нас на планете такая история, как – нибудь потом расскажу. Сейчас не об этом речь. Ты только не подумай, что я тебя заманиваю. Как решишь – так и будет, дело добровольное. Но ещё одно, вдобавок к предыдущему, пообещаю. У тебя будет возможность познакомиться с достижениями моей планеты. А это новое знание, накопленное многими поколениями, пусть по части лечения болезней и не такое мощное и действенное, как твоё.

– А нужно ли оно мне? Не в любом знании польза и мудрость, – Дмитрий был весьма не прост. – Может вы там, у себя, сбились с пути и ищите то, что мне и не надо вовсе. Как говорится: «От добра – добра не ищут». И умножая знания, часто умножаешь и печали.

– Ну ты, Дмитрий, сейчас сказал прямо как один наш древний мудрец. И в сказанном многое верно, – «сбавил обороты» Трофимов. – Но не все. Ведь если я улечу и не вернусь больше никогда – не будут ли тебя всю последующую жизнь терзать сомнения и сожаления о том, правильно ли ты поступил?

– У каждого свой Путь. А сожалеть о том, чего ещё не случилось, на мой взгляд, верх глупости. Но я могу тебе обещать, что подумаю над твоим предложением. И серьёзно. Дня через три приходи – я дам ответ.

– Хорошо. Приду. Но напоследок скажу ещё. Дмитрий, не расценивай всё, что я сказал, как некий торг. Отбросив всё, помни – мне действительно нужна твоя помощь. Всем моим сородичам нужна. Я так чувствую. И помощь твоя – это самое главное в предстоящем полете.

На этом мужчины и расстались. Один направился к флайеру, чтобы улететь на базу, другой – продолжил бродить по лесу, собирая «лечебный материал» и стремясь в полной мере осмыслить произошедший разговор.

Спустя два дня после разговора с Дмитрием к Трофимову поступила информация от начальника ОАМ КЭДР'а Сергея Мирославова. На записи лицо начальника выражало некую озабоченность, которая проскакивала и в словах.

– Здравствуй, Саша. Не буду задерживать тебя, и отвечаю на твой запрос сразу. Мы тут посоветовались и решили, что пригласить твоего лекаря в нашу экспедицию можно. Правда, есть некоторые сомнения, насколько это полезно. Послушать тебя, так он прямо Мерлин и Мать Тереза в одном лице, – добавил Мирославов после небольшой паузы, вложив в эти слова изрядную долю скепсиса и сарказма.

– Я понимаю, он вылечил тебя, и ты ему благодарен, но не переоцениваешь ли ты его достоинства? Как – никак, но он выходец с планеты, которой ещё далеко от уровня нашего развития. Впрочем, вопрос решен положительно. Управляющий Совет КИК дал добро. Во многом благодаря поддержке Лахира Чонгапа. Лично я сначала был категорически против, да и сейчас сомневаюсь, но Лахир считает, что у твоего протеже может оказаться качественно иное, нежели у нас, видение мира, а это в нашей ситуации важно. Так что можешь его приглашать. Впрочем, зная тебя не первый год, полагаю, что ты это уже сделал. А, исходя из своего опыта, полагаю, он сразу не согласился и попросил время на размышления. Короче, через двое суток передашь ответ, чтобы мы успели соблюсти все формальности и дать указания на «Пересвет». Все, конец связи.

– М – да... – вздохнул Трофимов. – Большие начальники соизволили дать добро. Да, хорош, я окажусь теперь, если он откажется. Ну да, Бог даст, любопытство и тяга к знаниям переселят осторожность и ответственность перед общиной.

Два дня Дмитрий бился над вопросом, как ему поступить. Взвешивать все «за» и «против» оказалось не так легко, как он предполагал. Казалось, все его чувства разделились, и пришлось полагаться только на выбор ума.

К вечеру того дня, когда состоялся разговор с Александром, к Дмитрию привели маленького мальчика. Его мучили головные боли и ночные кошмары. После осмотра знахарь приготовил отвар, дал снадобье домой и рассказал матери ребенка, что всё это от испуга и дня через два от болезни не останется и следа, да и эти два дня сын её будет сладко спать. Этот визит Дмитрий воспринял как знак и решил никуда не лететь, а остаться здесь, на своём месте.

На следующий день к нему привели (как будто специально) ещё одного мальчика со сходной проблемой. Лекарь доверил больного Бернарду. И тот успешно справился с недугом. Бернард выдержал проверку, а Дмитрий убедился, что некоторое время страждущие смогут обходиться и без него. Все – таки душе его хотелось отправиться к далёким иным мирам.

И вот пришёл день третий, а окончательного решения он так и не принял. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Вроде бы он достиг всего, о чём мечтал, стал одним из сильнейших лекарей, и, если верить тем, кто приходил к нему (а он им верил), молва о нём разошлась далеко за пределы родного края. Казалось бы, что ещё надо – твори добро и наслаждайся этим. Но пришелец был прав – если он отклонит предложение, то вряд ли такая возможность появится ещё раз. А если есть другие миры и существа, отличные от окружавших его, значит, есть и недуги, им не постигнутые. Взять хотя бы этого землянина. А значит не такой уж он и могущественный лекарь. И дошёл лишь до какого – то предела. Пусть высокого, до которого иным и не добратся никогда, но всё равно – ПРЕДЕЛА.

Знахарь понял, что в одиночку этот вопрос решить не получается. Учитель. Вот кто сможет подсказать. Дмитрий мысленно вызвал того, что делал лишь в исключительных случаях. Обмен мыслями занял мгновения – Дмитрий просто открыл свой разум и Мирослав понял все почти сразу. Оказалось, решение просить помощи было верным. Пять дней тому назад учителю было видение, но до сего момента он затруднялся его истолковать. А теперь уверен, что касалось оно Дмитрия. Ученика ждет развилка Судьбы, на которой Ветер Жизни дует лишь в одном из направлений. А понять, какое это направление, можно только проникнув на более глубокий, чем до сих пор, слой Бытия. И обретя полный контроль над всеми проявлениями неосознанной им еще до конца собственной Сущности. Надо научиться ощущать смыслы раньше, чем появятся породившие их формы, что позволит безошибочно анализировать отклики, вызыва-

емые в его Сущности всеми импульсами, приходящими извне. И лишь тогда он получить ответ на свой вопрос о том, надо ли ему лететь к другим мирам.

Когда контакт с учителем прервался, Дмитрий вздохнул и стал готовиться к Погружению в Суть Вещей. На Земле это назвали бы состоянием глубокой медитации.

В принципе, Дмитрий мог войти в нужное состояние в любом месте, но у него было любимое, где вхождение было легким и доставляло удовольствие. Оставив Бернарда «на дежурстве», он вышел из дома и спустя примерно четверть часа добрался до вершины пологого холма, на одном склоне которого начинался лес, а второй спускался к излучине реки. Сев на свое излюбленное место между выступавшими из земли корнями огромного старого дерева, Дмитрий начал настраиваться на погружение в глубочайшие слои Мира. Сегодня он собирался достичь Основы, своего рода Дна Океана Жизни, чьими волнами являлись, по сути своей, все предметы и существа обычного мира.

Погружение туда и нахождение на этом уровне Бытия требовало большого запаса сил и поэтому Дмитрий начал с упражнений по ее набору. Согнув руки в локтях и уперев их в колени согнутых ног, он соединил указательный и большой пальцы обеих рук, держа остальные строго прямыми. Внутренне улыбнувшись, он сосчитал до восьми, на каждый раз сжимая пальцы все крепче и крепче. Потом он соединил большой и средний пальцы – и так далее до мизинца, каждый раз считая до восьми. Одновременно с раскрытием каналов течения силы, выходявших на кончики пальцев во время этого упражнения открывались и каналы, идущие вдоль позвоночника. А чтобы усилить эффект, он стал представлять, как по центру позвоночника проходит раскаленная добела тончайшая нить, тепло от которой постепенно заполняет все тело.

Сосредоточившись на области солнечного сплетения и равномерно дыша, он вызвал состояние общей радости, закрыл глаза и на выдохе через подгрудинную точку представил свое отражение в гладкой поверхности струящейся перед ним воды, словно падающей в небольшом водопаде или плавно стекающей по поверхности скалы. И передал своему отражению чувство нежности, отеческой заботы и любви. После чего мысленно придвинул эту поверхность к себе и слился со своим отражением. Сделал вдох через область сердца, а на выдохе с удовольствием и благодарностью переместил внимание на печень. На следующем вдохе внимание “поднялось” в зону солнечного сплетения и на выдохе переместил ощущение нежности и тихой радости в сердце. Далее, фиксируя внимание на сердце, сделал вдох, на выдохе перенес внимание опять на печень. На вдохе – вернул в солнечное сплетение. Прделав двенадцать подобных циклов Дмитрий в ритме естественного дыхания, он явственно увидел и ощутил возникший перед его внутренним взоромдвигающийся по телу и вокруг него поток силы. Разноцветный, переливающийся, лучистый, журчащий, и приятно вибрирующий. Упражнение удалось.

Теперь, имея достаточный запас силы, надо было достичь глубокого расслабления и погрузить разум в состояние внутренней тишины. Открыв глаза, Дмитрий рассредоточил внимание одновременно на обе кисти, глядя на левую левым же глазом, а на правую правым. И одновременно представляя, как в левой он держит чашку с горячей водой, а в правой – с холодной. Когда Дмитрий еще у Пелагеи только осваивал это упражнение, то и впрямь держал в руках чашки, стараясь запомнить возникающие при этом ощущения, чтобы потом уметь вызывать их уже мысленно. Теперь же нужные чувства возникали сразу. Достигнув остановки потока образов, он собрал внимание на стопах, также представляя, что одна из них погружена в холодную, а другая в горячую воду. Причем если ощущение тепла он сегодня вызвал в левой кисти, то опущенной в таз с горячей водой представил уже правую стопу, а левую, наоборот, мысленно погрузил в таз с холодной. Собрав и удерживая эти ощущения, он медленно перекрестил руки и ноги. Свел возникшие вдоль рук и ног потоки тепла и прохлады в центр тела и мгновенно распределил внимание по всему телу, стараясь ощущать каждую его клеточку. Продолжая удерживать внимание на этих внутренних ощущениях, он одновременно создал второй центр внимания вне себя, охватывая расфокусированным взглядом сразу все предметы,

находящиеся в поле зрения (как вблизи, так и вдали). Распределяя это свое внешнее внимание на ВСЕ пространство вокруг себя, а не только на те детали, за которые внимание стремились зацепиться. Вот тут и начиналась главная работа – требовалось не только фиксировать моменты, вызвавшие сосредоточение внимания на элементах внешней картинке, но и улавливать вызвавшие это причины. При этом рассматривать объекты надо было такими, какими они были, без подключения каких – либо образов или мыслей по их поводу. А любую же возникшую мысль проследить вспять до самого её истока, лежащего в сфере «безмыслия». Более того, любые внешние или внутренние звуки или образы надо было наблюдать, не увлекаясь ими, не давая им оценок, не порождая привязанность к ним и не изучая их. И постепенно начинало происходить чистое развертывание намерения, когда смыслы всплывающих изнутри или появляющихся вовне образов и звуков возникали *раньше*, чем сознание воспринимало сами эти образы и звуки. А потом нужно было сосредоточиться уже на этом процессе развертывания смыслов как таковом, без всяких содержаний. Только так «Я» достигало безвыборочного состояния осознанности за пределами мыслей.

Такое состояние в той традиции, которую передал Дмитрию Мирослав, называлось «внутренний свидетель» или просто – «хозяин». Только пребывая в таком состоянии, Сущность могла непосредственно воспринимать Океан Жизни. Ума в его привычном состоянии может бояться растворения физических ощущений в Потоках Сил и сопротивляться этому. И тут важно было не поддаваться этому страху, пропустив его через себя и бесстрастно наблюдая за ним так же, как и за любыми другими возникающими мыслями и чувствами. Надо было позволить уму находиться в этом, на самом то деле, естественном для него состоянии, когда он способен воспринимать мир во всей его целостности. При этом возникало ощущение, будто глядишь из глубины своего тела, распространяющего вокруг себя десятки тысяч тончайших волокон осознания, охватывая ими огромное пространство. И возникло тотальное внимание, тотальное осознание, при которых уже не было разницы между внешним и внутренним. И из этой позиции слияния внутреннего и внешнего надо было выйти на уровень осознания Мира Без Форм. И в тот же миг, когда Дмитрий принял такое решение, его «Я» словно подхватил порыв ветра. Пришло воспоминание о том, что кто – то то ли давно, то ли недавно – ощущение времени пропало, его просто не было в этом слое Мира – рассказывал про «ветер Вечности». Некую таинственную Силу, единую с Океаном Жизни и способную двигаться, скользя между течениями и волнами, изменяя направление движения той из волн, которая смогла ощутить эту Силу и довериться ей. Точно известно об этой Силе было только одно – когда «Я» отдавалось ей, то возникало ощущение, что «ветер Вечности» дует одновременно во всех направлениях сразу. «Я» Дмитрия решило отдаться на волю этому порыву и, подхваченное им, мгновенно оказалось перенесено в такую область пространства Сущностей, в которой до этого еще ни разу не было. В первый момент даже показалось, что это привычный мир. Но спустя миг возникло точное понимание, что это лишь иллюзия, которую этот слой Мира создает, чтобы облегчить попавшему сюда разуму восприятие происходящего. На саомо деле здесь было пространство не облаченных в формы смыслов, и поэтому видимые проявления создавала сама Сущность Дмитрия, накладывая на окружающее те шаблоны восприятия, которые были удобны для постимжения той или иной совокупности смыслов. В своих ощущениях Сущность Дмитрия восприняла эту область Реальности как пустынное место, где рядом друг с другом, словно на выбор, были расположены бьющий прямо из земли фонтан с необычного изумрудно – голубого цвета водой и колодец. И сразу же возникла «жажда». Сравнить которую с обыкновенной даже не представлялось возможным. Она была во сто крат сильнее. Дмитрий бросился к фонтану и стал пить, ощущая, что на самом деле его сущность поглощает некую смесь знаний и энергии. Но эта «вода» не утоляла охватившей его Великой Жажды! И он понял, что попросту не мог усвоить эту «воду». Уровень развития его Сущности еще не позволял освоить подобные проявления Реальности. А «пить» хотелось все сильнее и сильнее.

Выход оставался один – раз он не может усвоить «воду» фонтана, надо попробовать набрать ее из колодца. Но набирать было нечем!

Дмитрия осенило, что это место предполагает только одно действие – прыгнуть в колодец. Что он, ни мгновения не сомневаясь, и сделал. Здесь было легче – вода, в которую он попал, утоляла жажду. Но появилась новая проблема – как выбраться обратно. Он не успел задуматься об этом, как из глубины колодца появилось золотисто – серебристое свечение. Нарастая, становясь всеобъемлющим. Оно словно поглощало воду, подменяя ее собой. Дмитрий почувствовал, что это странное «живое» свечение хочет поглотить также и его. И позволил это. Впервые попав на столь глубокий уровень Бытия, он был поражен возникшему предельно четкому ощущению того, что всё разнообразие явлений – это только различные формы лежащего в основе всей Реальности неделимого Единого. Очищенный, просветленный дух Дмитрия погружался в охватившее его свечение, непрерывно менявшее свои цвета и оттенки, в молчание невыразимого Единения. И если на уровне того, что заменило зрение, этот слой мира представлял собой непрерывный калейдоскоп и смешение сразу всех красок, то на уровне звуков возник всепоглощающий Звук Высшей Тишины, который вбирал в себя все звуки. И индивидуальное сознание Дмитрия ощутило себя каплей в этом Океане Всеобщего Единства. В погружении «Я» все больше утрачивало все схожее и несхожее, и в Бездне этой даже дух терял сам себя и ничего более не знал ни об Изначальных Родителях, ни о себе самом, ни о схожем, ни о несхожем, ни о чем – и одновременно охватывал все и знал обо всем. И это было одно. Но пока еще оставались все слабеющие отголоски памяти о том, что эти различия когда – то где – то были. И тут же его Сущность ощутила, что достаточно забыть про это – и Она уже никогда не сможет вновь собраться и навсегда останется в том слое Мира, где нет Форм и различий. И в тот же миг та часть его «Я», которая еще помнила о том, что она хотя и едина со всем Океаном, но является пусть и не отдельной, но отличной от других капель, осознала, что и на поверхности, и в глубине этого Океана Всеобщего, в составляющих его Суть Свечении и Тишине существуют волны, каждая из которых едина с Океаном и при этом имеет свою форму и скорость движения. И одна из таких «волн» как раз подхватила Дмитрия. Тут же пришло осознание, что эта волна есть ни что иное, как некая Духовная Сущность, настолько более Осознающая, чем Сущность самого Дмитрия, что сравнение просто не имело смысла. Невольно возникло ощущение, что он попал в поток Проявлений одной из Ипостасей Единства Изначальных Великих Отца и Матери! И тут же вдруг к нему вернулась способность мыслить. Впрочем, весьма отличная от обычной. Думать в привычном смысле слова, сомневаться, перебирать варианты он по – прежнему не мог, а мог только ОСОЗНАТЬ НАСТОЯЩИЕ вопросы. Их оказалось немного. Освоившись с этим *прямым Переживанием* Бытия, «Я» Дмитрия выбрало тот вопрос, ответ на который хотело получить прежде всего: «Стоит ли мне принять предложение иномирянина и отправиться с ним в другие миры? Сохранятся ли в иных мирах достигнутые Мною столь упорными занятиями особые способности и возможности и смогут ли они помочь иномирянам разобраться с их проблемами?»

И тут же раздался идущий со всех сторон Голос, а вернее, сознание Дмитрия буквально затопила всепроникающая Мысль: «Отбрось сомнения! Все сохранится. Иные миры – продолжение твоего Пути! Пройдя этот его участок, ты сможешь помочь многим. А еще поймешь то, что нужно осознать тебе самому!» И не успел Дмитрий даже выразить свою благодарность этой Сущности за ответ, как его «Я» буквально сжало в точку и вновь возникший порыв «ветра Вечности» стремительно подхватил и понес Его сквозь или над – этого Сущность Дмитрия понять так и не смогла – течениями Океана Жизни. Вместе с потоком света, непрерывно меняющим свой цвет с желто – серебристого на изумрудно – голубой, его вернуло обратно «на поверхность» через тот самый фонтан, из которого он пытался «пить». Обозрев и прочувствовав еще раз окрестности, Сущность лекаря запомнила все подробности окружающего «пейзажа», словно была абсолютно точно уверена, что ей еще придется сюда вернуться. После чего Сущ-

ность Дмитрия сформировала *прямое намерение поймать* очередной порыв «ветра Вечности», который, как теперь стало абсолютно ясно Дмитрию, «дул» всегда и везде, изменяя лишь свою силу. Чем больше и крепче становился «парус» души, сотканный из прямых, не выраженных в формах, смыслов, тем более слабые «дуновения» этого потока Вселенской Силы она могла использовать. И тем лучше могла управлять скольжением Сущности в Океане Жизни. Налетевший сейчас «порыв» «ветра Вечности» был достаточно сильным для того, чтобы подхватить Сущность Дмитрия и понести ее из этого места. Но Дмитрию пришлось приложить все развитые его Сущностью за все время занятий и практики умения и навыки, чтобы не оказаться унесенным в какие – то другие еще неизведанные им области Реальности. И лишь твердое *намерение* вернуться туда, где пребывало сейчас его физическое тело, позволило найти обратный путь в свой слой и на свой уровень Мира.

Ответ на вопрос был получен, сомнений больше не стало. Пора было собираться в дорогу. Это его Путь, а как он пройдет его, теперь зависит лишь от него самого.

К приходу Александра Дмитрий уже был собран. Бернард получил все необходимые указания и наставления, а рядом с лекарем уже лежал заплечный мешок с необходимыми травами и вещами. Почувствовав приближение пришельца, Дмитрий закинул котомку за спину и пошел навстречу.

Увидев, приближающегося к нему лекаря, Александр весело произнес:

– Глядя на тебя, я бы сказал, что ты собрался в дорогу? Решение принято?

– Да, – ответил Дмитрий. – Я полечу с тобой.

– Ну что ж, тогда двигаем до флайера. М – м – м – это такая вещь, на которой мы полетим на базу. Отсюда до него минут двадцать ходьбы. То, что тебе будет непонятно, а этого будет предостаточно, ты спрашивай – я постараюсь максимально просто объяснить, что к чему.

Дмитрий не ответил. Александр решил не продолжать разговор и дать тому возможность немного адаптироваться. И до поляны, над которой, скрытый технологией «прозрачности», завис флайер, они шли молча.

Придя на, Трофимов достал из чехла на поясе обычный с виду нож и совершил хитрую манипуляцию с его рукояткой, на что – то нажав и что – то повернув. Раздался низкий гул и, спустя несколько мгновений прямо в воздухе в десяти метрах над ними проявился небольшой обтекаемый с виду аппарат.

– Это и есть твой летак? – спросил он у Александра.

– Да. Нравится?

– Красивый... – протянул Дмитрий, разглядывая машину, – Не могу представить, как на нем можно летать. Хотя чем – то он похож на летучих рыб, каких я видел в одном из морей.

– Мы называем эту машину флайер, – сказал Трофимов. – Можно и самолетом назвать, но это слово тебе тоже ничего не скажет, так что называй пока летаком. А там потихонечку разберешься с нашими предметами и их названиями. Добро пожаловать на борт!

Сразу полес этих слов сверху опустился цилиндр силового поля (в просторечии именуемый по древнему – «лифт») и спустя мгновение они оказались уже внутри.

Удобно устроившись на сиденье, Дмитрий поглядел на мигающие огоньки, послушал, как Александр разговаривает с машиной, словно с живым существом, отдавая неведомому собеседнику команды, и сказал:

– Интересно... Я лишь сейчас действительно ощутил, сколько нового мне придется увидеть и осознать.

Александр подмигнул и улыбнулся. Аппарат бесшумно поднялся над верхушками деревьев и сразу же круто взмыл в небо. Дмитрий, сквозь прозрачный, словно воздух, колпак, с интересом наблюдал, как стремительно исчезла внизу земля и вот они уже несутся сквозь облака. Помолчав несколько минут, знахарь спросил:

– Как это получается – такую тяжесть поднять в воздух, да еще так быстро?

Трофимов мог бы рассказать Дмитрию, как работают антигравы и реактивные двигатели, но... Но, конечно же, тот ничего бы не понял.

И поэтому Трофимов сказал лишь:

– Ну, это так в двух словах не объяснить. Потерпи – вот прилетим на корабль и там ты сможешь воспользоваться специальной обучающей машиной. И все поймешь. Гораздо быстрее, чем, если тебе начну рассказывать я. Ладно?

Дмитрий, замороженный открывшейся ему за бортом «летака» картиной, молча кивнул. Одновременно подумав:

«Привыкай. Ведь если иномирянин не преувеличивал, то тебе еще придется встретиться не только с необычными машинами, но и с разными народами и всевозможными существами, похожих на которые ты раньше никогда не видел». И решил уточнить у Александра:

– А что, ли в тех мирах, куда мы собираемся лететь, ни вы, ни я так и не сможем понять, почему именно там с вашими подсылами стали происходить разные неприятности? Что вы тогда станете делать?

– Скорее всего, из этих мест мы наши исследовательские станции уберем. А вообще, это сложный вопрос, – задумчиво ответил Александр. – Об этом мы с тобой еще обязательно поговорим. И не раз. А сейчас мы уже прибыли. Приземляемся.

Разворот, снижение – и вот флайер медленно влетает в створ, открывшийся прямо посреди казавшейся монолитной скалы. Краткое торможение, парение над поверхностью и остановка рядом с гораздо большей по размерам машиной, тоже явно предназначенной для полетов.

Едва Дмитрий вылез из «летака», как в открытой двери большого летучего корабля появился человек и призывно махнул рукой, приглашая на борт. И не успел Дмитрий опомниться, как оказался уже внутри шаттла с ГИМП – корабля «Пересвет».

Взойдя на его борт сразу следом за Дмитрием, Трофимов поймал себя на мысли, что каждый раз при виде этого аппарата он любит его видом и функциональностью. Современные шаттлы имели форму дискоидов с короткими боковыми крыльями двойной стреловидности, интегрированными с фюзеляжем и образующими по нижним обводам общую несущую поверхность, отвечающую требованиям продольной балансировки на гиперзвуковых скоростях и теплозащиты при прохождении теплового барьера. Кроме того, подобная компоновочная схема типа "низкоплан" давала возможность максимально использовать экранный эффект. Движение осуществлялось за счет двух и более тяговых высокоэкономичных двухконтурных вихревых двигателей – генераторов. А существующая система управления течением в пограничном слое на кормовой поверхности обеспечивала снижение аэродинамического сопротивления корпуса.

Забравшись в просторный пассажирский отсек «моськи» (сленговое название МОСА – «многоцелевой орбитально – спускаемый аппарат»), Трофимов помог Дмитрию улечься в ложемент и устроился рядом.

– Все пассажиры на борту? – раздался вопрос пилота.

– Да. С Богом, – ответил Трофимов.

Послышался звук запускаемых вихревых генераторов. «Моська», включив режим «невидимка», вылетел из ангара и по крутой траектории рванул в небо. Дмитрий с момента старта не сказал ни слова и сидел без движения, наблюдая сквозь ставшие прозрачными стены за стремительно темнеющим небом и появлением непривычно крупных и ярких звезд. И тем, как одновременно с этим росло и приобретало непривычный вид дневное светило. А его родная планета, удаляясь, постепенно превращалась в разноцветный шар. Правый край которого светился, а левый уходил в тень.

Трофимов тем временем наблюдал за появившейся на фоне угольно – черной бездны впереди и чуть снизу маленькой светящейся точкой. Это был «Пересвет». Расстояние между

кораблями с каждой секундой сокращалось. Александр отстегнулся от своего ложемент и прошел в пилотажную рубку. Управлял «моськой» средних лет крепыш, судя по голографической татуировке на его руке, служивший ранее в Космической службе Управления чрезвычайных ситуаций. Попросив разрешения, Трофимов забрался в свободный ложемент и обратился к сидевшему на месте лид – пилота парню, одетому, согласно регламенту биологической защиты, в скафандр:

– Слушай, дай сближение провести. Так давно настоящую космическую машину не пилотировал, что аж руки чешутся!

– А ты хоть раз это делал? – спросил пилот.

– Обижает. Я по первой специальности пилот внутренних космических сообщений. Закончил пилотажный факультет Звездного университета с отличием и имею налет 3120 часов на трассах кЮпитеру, Сатурну и Нептуну.

– «Каботажник», значит, – произнес пилот несколько уничижительное у «дальнобойщиков» прозвище пилотов ближнего космоса.

– Ага, – не прореагировав на «подколку», продолжил Александр. – На последнем курсе подал заявление в отборочную комиссию КЭДРа. Год после выпуска стажировался как раз на «моськах» на ГИМПе «Торнадо», потом второй этап отбора, спецкурсы – и я стал прогрессором. А здесь моя уже третья миссия.

– Ладно, раз так. Если предстыковочные маневры правильно сделаешь, дам «порулить» на траектории выхода на ближнюю орбиту. Ну а саму посадку, сам знаешь, возьмет на себя автоматика.

– Договорились.

Трофимов включил антенны для сопровождения объекта стыковки и задал режим параллельного сближения. Хотя энергетически это было менее выгодно, но технически реализовалось проще, чем сближение по свободной траектории. При сближении до 100 километров произошел "захват" – бортовые комплексы причаливания "увидели" друг друга и между ними создался замкнутый автономный контур управления.

– Контакт совершен, – послышался в кабине чужой голос. – Включите систему ориентации и управления движением при стыковке.

– Вас понял, – ответил Александр. – Приступаю.

Выполняя процедуры тестирования систем причальной навигации, он подумал, как там себя чувствует Дмитрий и, включив внутреннюю связь, произнес на родном языке гостя:

– Как себя чувствуешь, лекарь? Взгляни вниз – мы сейчас будем сближаться с кораблем, на котором полетим к другим мирам.

Тем временем тестирование причальных систем закончилось, и бортовой комплекс включил систему управления автоматическим сближением и стыковкой «Орион – 3». Уже на подходе к раскрытому створу посадочного ангара бортовая система запустила интегратор линейных ускорений и выполнила заход на посадочную платформу и причаливание. После чего Александр, поблагодарив пилота, выбрался из ложемент и пошел обратно в пассажирский отсек.

Вернувшись, Трофимов достал из шкафа два легких скафандра, в один из которых забрался сам, а во второй помог облачиться Дмитрию. Заплечный мешок знахаря он убрал в герметичный контейнер. В переднем шлюзе их уже ждал пилот, и они втроем вышли в ангар. Там их встречал знакомый Трофимову по одной из его предыдущих миссий темнолицый седоватый мужчина лет сорока – начальник прикрепленного к «Пересвету» отряда физической защиты Антон Федорович Павлов.

– Ну что, с прибытием, – сказал тот по системе связи между скафандрами. И, бросив быстрый взгляд на Дмитрия, спросил. – А это, как я понимаю, и есть тот иномирнин, о котором ты руководству все уши прожужжал?

– Да. И поскольку он не привык к скафандру, то давайте – ка быстрее пройдем в карантинный блок. Кстати, у него в ящике мешок с разными местными лекарствами, так что их тоже надо будет протестировать на аллергены и вирусы. А вообще – то он один стоит всего нашего диагностического комплекса.

– Ну – ну. Пожует – увидим.

– Увидите, увидите.

Из шлюза все прямо как были, в скафандрах, прошли в специальную капсулу внутренней транспортной системы ГИМПа, которая домчала их до медицинского отсека. Здесь Трофимова и Дмитрия поместили в специальный изолированный диагностический модуль. Сняв скафандр, Александр помог разоблачиться Дмитрию и предупредил:

– Сейчас ты можешь почувствовать, как нас будут, как бы это объяснить, ну, в общем, изучать. Чтобы понять, нет ли в нас чего вредного, способного передаться всем другим на корабле и вызвать болезни, от которых нет защиты. Да, поэтому твои сборы лекарственные тоже надо проверить – а то вдруг они тоже содержат что – то, что для жителей твоего мира полезно, а для жителей моего вредно.

– Хорошо. Я понимаю. Берите. Но я уверен, что ничего вредного для вас там нет. Я же тебя лечил и поэтому позаботился, чтобы там были сборы растений и камней, только полезные для таких же, как ты.

– Да я верю, верю. Но порядок такой.

– Хорошо. Кстати, я чувствую, что на нас словно смотрят, причем так, что смотрят внутрь. Мне это не нравится. Сначала я должен понять, что это ничем мне не повредит. Прости, но я закрываюсь.

Спустя несколько секунд в комнате раздался транслируемый по внутренней связи голос:

– Здравствуйте. Говорит главный врач корабля Ованесян. Мы не можем «просветить» нашего гостя. Еще пять секунд назад мы видели его внутренности, а сейчас он словно в карбид – нейтритовую оболочку оделся – темное пятно на всех сканерах. Это нечто – скажи мне кто, что такое может быть, я бы не поверил! Саша, попросите его открыться, а то я вас обоих выпустить не смогу. Сами понимаете.

Александр повернулся к невозмутимо севшему прямо на пол лекарю:

– Дмитрий, сними, пожалуйста, свою защиту. Мы не хотим причинить тебе никакого вреда. Просто нас сейчас изучают наши лекари. Ну, как если бы ты смотрел, болен ли кто – то пришедший в твою деревню и не может ли он заразить членов твоей общины. Вот и наши лекари так смотрят.

– Ладно. Я уже успел разобраться, что эти просвечивающие насквозь лучи и еще какие – то вступившие в контакт с моими тонкими оболочками потоки не нанесут моему телу существенного вреда. Но ваши методы грубее тех, которыми пользуюсь я. Они более жесткие, что ли. Мои тоньше и незаметнее. Надо будет разобраться, как так получилось. В моем мире не умеют летать к другим звездам, а вот проверять, есть ли в теле скрытые болезни, получается, мы можем даже лучше вас.

Спустя полчаса, когда все необходимые карантинные процедуры были выполнены, Трофимов и Дмитрий переоделись в комбинезоны экспедиционного персонала и получили возможность покинуть бокс. А на выходе из медотсека их снова ждал Павлов. Он жестом пригласил их в стоящую рядом кабину капсулы внутренней транспортной системы, и передал Дмитрию усик минирации, попросив его надеть дужку устройства на ухо. Когда тот это проделал, Павлов произнес на русском:

– Вы понимаете, что я сейчас сказал?

Дмитрий, ничего не ответив, посмотрел на Павлова, потом снял устройство с уха и, пристально рассмотрев его, надел обратно. После чего произнес на своем языке:

– Чудно, такая маленькая штучка, а внутри очень сложно устроенная – я мало что понял. И совсем не понял, как она ухитряется толмачить с вашего языка на мой.

Павлов, бросив быстрый взгляд на Александра, который лишь ухмыльнулся, ответил знахарю:

– Ничего, вы еще освоите языки, на которых говорим мы. А мы выучим ваш. Но пока придется некоторое время общаться так. А сейчас разрешите представиться – Павлов Антон Федорович, начальник отряда физической защиты экспедиции.

Трофимов понимал, что участие в экспедиции Дмитрия было согласовано совсем недавно и поэтому ее высшие чины не освоили еще язык, на котором говорил Дмитрий, хотя в лингвоархиве экспедиции он наверняка был, как и образцы всех языков всех тех планет, которые предстояло посетить. Но ничего – с помощью современных обучающих систем любой язык, семантика и лексическая база которого были известны, усваивался максимум за неделю.

Новый полет по транспортным шахтам ГИМПа и капсула остановилась напротив дверей, у которых застыли двое подчиненных Антона Федоровича в походном комплекте снаряжения. «Серьезные у них порядки. Похоже, по «желтому» уровню тревожного режима», – подумал про себя Трофимов, шагая в открывшийся за скользнувшей в стену плитой двери, короткий коридор. В другом его конце у такой же двери, стояла еще пара караульных, только уже из сотрудников службы внутренней безопасности корабельной команды.

Это означало, что идут они в центр ситуационного планирования. Потому что так охраняли только два помещения корабля – ЦСП и рубку управления. Но в рубке им делать было нечего.

В большом зале ЦСП из мебели был лишь один овальной формы стол со стоящими вокруг него креслами. Но Трофимов знал, что обстановка в большинстве помещений корабля, трансформировалась в самом широком диапазоне в зависимости от команд находящихся в нем людей (голосовых или мысленных). Там гостей и вошедшего вместе с ними Павлова ждали трое. Одного из них Александр знал лично: начальника экспедиции Валентина Григорьевича Гарчева. Второго, Трофимов не раз видел на разного рода совещаниях и в аналитических материалах. «Да. Серьезно готовили эту экспедицию, раз в нее отправили таких монстров, как один из самых выдающихся на Земле ксенопсихологов и специалистов по альтернативным логикам, профессор Носов», – подумал Александр. Третьей была женщина, которую прогрессор видел в первый раз.

Носов с любопытством посмотрел на Дмитрия и протянул ему руку.

– Будем знакомы – Носов Владимир Григорьевич. Руководитель исследовательской программы экспедиции.

Известный ученый был плотным коренастым мужчиной, вызывающим ощущение некоторой тяжеловесности. Он казался случайно попавшим в эту компанию, но все сотрудники КЭДРа знали, что Носов не только прекрасный специалист и теоретик, но умный стратег и блестящий коммуникатор, лично участвовавший в установлении четырех труднейших контактов с инопланетными расами разного уровня развития. Перехватив взгляд Трофимова, профессор с улыбкой добавил, показав рукой на девушку:

– Позвольте представить единственную среди нас даму. Екатерина Егорова. Медик, биолог и одна из сильнейших на Земле психоэнергетиков. Лучший специалист по инопланетным заболеваниям из Межпланетного Красного креста. Она возглавила входящую в состав экспедиции группу из спецотдела FIB КЭДРа.

«Только ли в таком качестве? – подумал про себя Александр. – Или начальство решило на всякий случай подстраховаться и на всякий случай прикрепить к Дмитрию, так сказать, своего мага. Ладно, разберемся по ходу дела».

Екатерина была красивой девушкой славянского типа – с пышными, но коротко подстриженными волосами, с большими синими глазами, пухлыми губами и ямочками на щеках. Но

столкнувшись с ней взглядом, Трофимов мгновенно ощутил, как с его мозга за мгновение считали всю имеющуюся на поверхности сознания информацию. Мгновенно сработал рефлекс, выстроив ментальный барьер – тренировке методам психоэнергетической защиты в школе прогрессоров уделяли много внимания.

На Дмитрия же, казалось, попытка «забраться в мысли» не произвела никакого впечатления. Либо девушка не смогла нащупать частоты его мозговой активности и спектр биоэнергетики, либо он сумел эффективно защититься и решил не подавать вида.

Завершив этот свой мгновенный эксперимент, молодая женщина протянула руку сначала Александру, а потом Дмитрию. Немного дольше задержав ее в руке знахаря.

– Егорова Катерина. Надеюсь, нам будет приятно работать вместе, – сказала она.

– Еще бы, – протянул Трофимов и посмотрел ей в глаза еще раз.

В свои двадцать девять лет он еще не женился. Подруги у него были, но женщины, которая смогла бы его покорить, не находилось. Но он мечтал, что когда –нибудь еще встретит ту самую – единственную и неповторимую.

После знакомства Гарчев на правах хозяина предложил всем сесть и вызвал по линии доставки два кувшина ягодного морса и легкие закуски. Когда все наполнили свои бокалы и Дмитрий осторожно попробовал миндальное печенье, то первым не утерпел Павлов. И начал разговор сразу с делового вопроса:

– Александр писал, что вы, Дмитрий, не только лекарь, но и мастер боевых искусств. Не откажете поработать с моими архаровцами? Было бы очень интересно познакомиться с вашей техникой ведения боя.

– Ну, ты как всегда – тебе бы только всех «на шивость» проверить, – сказал предложивший им сесть стройный жилистый мужчина, в котором Дмитрий сразу почувствовал человека, обладающего внутренней способностью повелевать. После чего, обращаясь уже к Дмитрию, представился:

– Гарчев Валентин Григорьевич. Командир этого корабля и начальник размещенной на нем специальной экспедиции. Особым членом которой с этого момента являетесь и вы, Дмитрий. Извините за то, что транслятор, может быть, не совсем верно переводит Ваше имя.

Знахарь пожал ему руку и чуть заметно улыбнулся. Присутствующие рассматривали его с тяжело скрываемым интересом и, естественно, он это чувствовал.

Но и для него все вокруг казалось фантастическим и необъяснимым, Дмитрию приходилось с трудом сдерживать возгласы, глядя на непонятные ему предметы, которые казались весьма и весьма необычными.

– Я устал, – сказал Дмитрий, – мне нужно время, чтобы приладиться к новым условиям.

Все с пониманием кивнули, и командир корабля предложил поводить лекаря в отведенную ему каюту.

Вместе с Гарчевым они вышли из охраняемого зала ЦСП и встали на идущую сбоку коридора движущуюся дорожку. С которой сошли метров через двести и, свернув в боковое ответвление коридора, прошли мимо ряда впрессованных в металл дверей во второй отсек, где размещались каюты специалистов.

– Вот здесь, – показал Гарчев в дальний правый угол, когда они зашли в каюту, – вы можете заказать еду. Посмотрите, пожалуйста, как это делать.

Дмитрий приблизился к зеркальной стойке, рядом с которой находился небольшой столик. Новизна впечатлений уже начинала тяготить даже его подготовленную психику.

– Видите, сейчас горит зеленая лампочка, – Гарчев ткнул пальцем в светящийся зеленым выступ на стене. – Это значит, что еда из сегодняшнего меню может быть доставлена спустя всего пять минут. Нужно лишь нажать на этот выступ – и через это время все заказанное появится вот в этом месте. Если же горит лампочка красного цвета, то придется подождать. Все понятно?

Дмитрий кивнул.

– Ну, тогда пробуйте.

Лекарь осторожно подошел к панели и нажал на кнопку. Через секунду звякнул звоночек линии доставки, открылось окошко автомата, в котором стоял поднос с тарелками и мисочками. Дмитрий с некоторой опаской взял поднос и, прежде чем начать есть, включил свои ощущения и проверил качество пищи.

– Ну что же вы, кушайте, – весело сказал Гарчев. – Да, вот еще что: если захотите заказать что –нибудь конкретное, то вам придется вот через этот усик переговорного устройства сказать, что именно вы хотите. А посмотреть, какие блюда есть в сегодняшнем меню, вы всегда можете вот здесь (с этими словами Гарчев показал на небольшое светящееся окошко рядом с тем местом, откуда Дмитрий только что взял поднос). Мы специально сделали для Вас меню на вашем родном языке. А потом, когда вы выучите наш, будет еще проще. В общем, потренируйтесь – и все получится. Ну а если захотите за едой поговорить с кем –нибудь, то милости просим в нашу кают –компанию – там и поесть можно, и с другими членами экспедиции пообщаться. Ну, осваивайтесь, а я должен вас покинуть – дела.

Выходя, он не удержался и обернулся. Дмитрий в это время с любопытством разглядывал пищевой автомат. Командир улыбнулся и тихонько закрыл за собой дверь.

Дмитрий же, попробовав уже доставленную пищу, заказал себе еще пирог с кремом, мороженное, гуляш, печенье, горячий шоколад, сок, компот и, водрузив все это на стол, начал пробовать все подряд. Насытившись, он довольно откинулся на спинку стула и вытянул ноги.

Жизнь казалась прекрасной. В странном выпуклом окне на стене, которое, как он чувствовал, и окном то не было, но при этом показывало то, что было за стенами этого летающего дома, мерцали незнакомые звезды, а завтрашний день обещал множество новых открытий, сделанных эти такими внешне похожими и в то же время настолько отличными от жителей его мира людьми...

Глава 6. Среди звезд. Миры окраины – система Ультар.

На следующий день, еще только подходя к каюте Дмитрия, Трофимов услышал, как Дмитрий громко говорит кому – то:

– Пожалуйста, не надо ничего делать. Я привык наводить порядок сам. А вы только что уничтожили ценную вещь.

Нажав на клавишу вызова, Александр попросил знахаря открыть дверь и, войдя, увидел картину, при виде которой не смог удержаться от смеха. Уже одевшийся, не смотря на раннее (если судить по внутрикорабельным часам) время, Дмитрий упрашивал выехавшего из своей ниши робота – помощника не убирать в его комнате. Робот же, не обращая никакого внимания на его увещания, продолжал свое дело. Дмитрий был раздосадован, но, по внутренним ощущениям Трофимова, даже не попытался воздействовать на машину энергетически. Увидев Александра, лекарь, показав рукой на тихо жужжащий механизм, пожаловался:

– Это, это... не знаю, как его и назвать... Короче, эта нежить вышла прямо из стены и начала тут все убирать. Более того, вчера я сделал сложный отвар и оставил его на столе настаиваться – так она его вылила. Жаль – хорошие травы пропали, редкие. А у меня их с собой не так уж и много. А может это что – то типа нашей нежити? Тогда я ее прогоню.

Трофимов не мог сдержать смех:

– Извини, Дмитрий, надо было тебе объяснить, что многие бытовые обязанности у нас исполняют механические слуги. И показать, как с ними обращаться. Поздно уже было, все устали – вот и вылетело из головы.

– Занятные у вас слуги – не живые, а обладают чем – то похожим на разум, – задумчиво произнес Дмитрий, следя за тем, как робот убирал под столом.

– Ну, это пока сложно объяснить, – Трофимов подбирал слова. – Эти искусственные, хм, скажем так – существа, созданы людьми и снабжены разными программами поведения в тех или иных условиях и ситуациях. Им прописано, что нужно делать – они и делают. Понимаешь?

Дмитрий, недоверчиво поглядывая на робота, кивнул.

– Вот этот механизм – робот – уборщик. Модель РУ – 34, – продолжил Трофимов. – Чуть позже я научу тебя пользоваться им и другими подобными ему помощниками.

– Все – таки меня в голове не укладывается, что это не живое существо, – Дмитрий протянул к механизму руку, чтобы его потрогать.

Робот же решил, что ему предлагают почистить одежду и вытянул изнутри хоботок пылесборника. Дмитрий сначала резко отдернул руку, но потом любопытство взяло верх и, он вновь протянув ее вперед, с явной подозрительностью во взгляде внимательно следил как робот всасывал пыль с рукава его комбинезона.

Александр про себя буквально давился смеха.

В это время в каюту, предварительно позвонив в дверь, зашел командир корабля.

– Ну и чем это вы занимаетесь? – спросил он, глядя на улыбающегося Александра и сосредоточенное лицо Дмитрия.

– Ознакомительные мероприятия. Показываю Дмитрию возможности РУ – 34.

– Ну – ну, – Гарчев посмотрел на Александра с явным неодобрением и, обращаясь к знахарю, добавил. – Антон Федорович просил передать, что вы можете зайти к нему на тренировку. Давайте я Вас провожу и заодно немного познакомлю с кораблем.

«Конечно, командир не стал бы просто так показывать корабль сам – для этого есть младшие по званию. Видимо, что – то они с командиром группы физической защиты затеяли», – подумал Александр, но промолчал.

Дмитрий, отделавшись от робота, поправлял одежду.

– Спасибо, с удовольствием пообщаюсь с живыми людьми, – сказал он, поглядывая на робота. – А Александр с нами?

– Если у него есть свободное время и желание, то конечно, – пожал плечами Гарчев.

– Ничего себе... – сказал Дмитрий, когда они вышли в большой куполообразный зал, в пористых стенах которого сверкали желтые и красные камни. – Похожи на наши феориты – «капли Солнца» и гарины – «кровь Предтеч». На моей планете они считаются дорогими и из них делают украшения. Но таких крупных и в таком количестве я никогда не видел.

– Эти виды камней есть практически на каждой планете, где – то больше, где – то меньше. Но эти выращены искусственно.

«Как много нового и интересного! Нужно будет записывать про все увиденное. Сегодня же начну», – подумал Дмитрий, следуя через зал.

Малая капсула уже ждала их у тамбура перехода в систему тоннелей ГИМПа.

Гарчев посадил Дмитрия справа, а Александр устроился слева.

– При посадке вот здесь появляется план корабля, – командир показал Дмитрию на возникшее прямо в воздухе изображение ГИМПа. – Теперь достаточно дотронуться пальцем или, если надеть вот это устройство (командир достал из – под сиденья полуобруч и, надев его на голову, опустил перед правым глазом полупрозрачную пластину мини – экрана), то сконцентрировать взгляд на изображении нужного участка корабля, как оно будет увеличено. Вот как сейчас. И так можно сделать несколько раз, пока не найдешь то место, куда хочешь попасть. После чего голосом или повторным касанием этого же места, как я сделал только что, отдаешь приказ капсуле доставить тебя по назначению. И ее бортовой компьютер, хм, ну типа ее искусственного разума, выберет оптимальный путь по транспортным коридорам от того места, где ты сел, до остановки, ближайшей к тому месту, куда ты захотел попасть. А путь, по которому будет двигаться капсула, обозначается на схеме зеленой линией. Видишь, вот она появилась. Да, если ты точно знаешь название места, куда хочешь попасть, то можно просто его назвать – и капсула сама доставит тебя до ближайшей станции. Все просто. Думаю, ты быстро привыкнешь. Ну что, поехали.

Когда капсула тронулась, Дмитрий вдруг спросил:

– А если мы втроем хотим попасть в разные места?

– Все указывают по очереди свои пункты назначения, и капсула рассчитает оптимальный путь, с остановками на ближайших к этим местам станциях внутренней транспортной сети (ВТС), – вставил Александр.

Гарчев отдал приказ, и Дмитрий увидел, как голову командира обволокла состоящая из невидимых простому человеку полей световая паутина, которая после считывания информации сразу исчезла.

Капсула набрала ход, огни транспортного коридора за стеклолитовыми стенками слились в зеленую полосу. Через несколько десятков секунд капсула остановилась. Дмитрий и опомниться не успел, как они уже выходили. Переходный тамбур этой посадочной станции был точной копией предыдущего, но с небольшой разницей. В месте парковки транспортных капсул вдоль стены стояли скамейки, сделанные из того же прозрачного материала, что и перегородки в капсуле. Там сидели несколько человек и о чем – то оживленно спорили. Увидя выходящую из лифта троицу, их разговор затих, они поздоровались с командиром и Трофимовым и с любопытством смотрели на Дмитрия. Слух о включенном в экспедицию аборигене с одной из планет распространился достаточно быстро и люди при встречах, естественно, обращали на него повышенное внимание.

– Привет, как дела, – весело сказал Дмитрий. – Я очень близок к вам и не кусаюсь.

Люди виновато потупили взгляд. Гарчев, мысленно порадовавшись за чувство юмора Дмитрия, встал на одну из трех дорожек горизонтального эскалатора, окрашенную в синий

цвет. Дмитрий и Александр последовали за ним. Трофимов пояснил гостю, что этот «самодвижущийся пол» позволяет экономить время на передвижение от станций ВТС до окончательного пункта назначения.

Гарчев сошел с дорожки напротив одной из дверей. Произнес: «Командир корабля. Впустить». Дверь скользнула в стену, открыв большую комнату с рядами скамеек и шкафов.

– Это раздевалка, чтобы переодеть одежду, а справа душ, ну, такой механизм, чтобы мыться после тренировок, – на ходу пояснил Трофимов, прежде чем все трое вошли в просторный спортивный зал.

Там было около двадцати пяти человек, одетых в свободного покроя одежду и в мягкой обуви. Их прихода, видимо, ждали, потому что едва гости шагнули в зал, находившийся в зале начальник отряда физзащиты остановил занятия и все повернулись в сторону вошедших. Знахарь опять ощутил на себе любопытные взгляды и улыбнулся.

– О, Дмитрий, рад вас видеть, – приветствовал его Павлов. – Надеюсь, вы покажете моим молодцам несколько приемов тех боевых искусств, которыми владеете?

– Я готов. Только можно я сниму толмача, – ответил Дмитрий, показав рукой на гарнитуру переговорного устройства, автоматически транслировавшего перевод земной речи. – И как будем биться – «на любки» или «на зверки»?

– Не понял, – озадачился Павлов. – Что это значит?

Едва войдя в зал, Дмитрий понял, что его хотят испытать на этот раз не как лекаря, а как бойца. Потому он и решил сразу прояснить правила схватки и раз и навсегда прекратить всякие пересуды об уровне его боевого мастерства.

– «На любки» – это когда бьемся хоть и сильно, но все равно играючи, так, чтобы не причинить друг другу серьезных травм. А «на зверки» – это когда бой идет почти без ограничений. Запрещено убивать и калечить так, что потом не залечить, а все остальное можно.

– Слышали, – повернулся к своим подчиненным начальник отряда физзащиты. – Ну что, какие правила выберем?

Среди ребят пробежал ропот, и из группы выступил жилистый, чуть выше среднего роста парень. Уверенно произнес: «Я готов биться без ограничений!» Павлов внимательно посмотрел на него.

– Ну, давай Савельев, попробуй, – и, пользуясь тем, что Дмитрий не мог понять того, что он говорил, т. к. уже снял гарнитуру, добавил. – Только помни – это наш гость и его, вообще то, не для того пригласили в экспедицию, чтобы ты ему руки – ноги переломал или зубы выбил.

Савельев встал в центре зала напротив Дмитрия, и кивнул. Знахарь кивнул в ответ.

Дмитрий взял «натяжку», резко и бесшумно вдохнув через рот, ощутил, как «распустилось» внутри «дерево живы», а «столбец» заполнил весь центр спины от промежности и до середины головы.

Стоящий напротив парень зачем – то деланно сморкнулся, после чего, приплясывая, пошел вправо, двигаясь по спирали, постепенно сокращая дистанцию. Когда расстояние между ними стало около четырех шагов, он, как ему, наверное, казалось, неожиданно прыгнул к Дмитрию, и с ходу действительно очень быстро выполнил «тройку»: удар кулаком в подбородок одновременно с ударом стопой в колено, и затем с разворотом удар ребром ладони в шею сбоку – сзади.

Парень был хорошим бойцом. Каждый его удар мог бы вывести из строя многих из тех, с кем Дмитрию пришлось драться на его родной планете. Но все – таки до подлинного мастерства тут было далеко. Поэтому от этой первой атаки Дмитрий просто ускользнул. И хотя оказался за спиной противника, но атаковать сам не стал. Еще комбинация землянина – попытка подсесть сразу обе ноги, подкат, подъем разгибом и сразу удар ногой с уклоном, опора на руки и пара быстрых ударов ногами, «вертушка» и выход в стойку на ногах. Дмитрий спокойно и невозмутимо стоял в паре шагов от парня, не получив ни одного удара. И более того, не сделав ни

одного защитного блока. Посерьезневший Савельев сменил тактику, усилил натиск, действуя менее разнообразно, но еще быстрее, чем раньше. Во время одной из стремительных атак со сменой уровней всем показалось, что удар кулаком в лицо достиг цели – голова и корпус гостя резко качнулись назад. . . и в этот же момент вернулись в исходное положение. У Савельева же, который в это время делал подшаг вперед для завершения атаки добивающей серией, вдруг словно подломились ноги, и он рухнул лицом вперед. И остался лежать. Дмитрий стоял над ним все такой же невозмутимый. И никто из присутствующих даже не заметил, что именно он сделал.

– Ну, ни хрена себе, – в наступившей тишине чей – то негромкий голос раздался по всему залу.

Дмитрий что – то сказал, нагнулся и нажал несколько точек на спине и голове лежавшего парня. Гарчев и Трофимов, на которых были трансляторы, перевели Павлову слова знахаря: «Думаю, с него достаточно». Лежащий земной боец шумно вдохнул и, опершись руками об пол, встал на колени, после чего поднялся.

Плохо воспринимающему происходящее Савельеву помогли дойти до скамейки и сесть. А знахарь посмотрел на начальника физ защиты и опять что – то сказал. Гарчев перевел: «Он спрашивает, не желаешь ли ты сам с ним сразиться?»

Парни из группы физзащиты переглянулись и на несколько мгновений в зале повисло молчание. Все ждали, что же ответит на столь явный вызов начальник отряда. Павлов же прекрасно понимал, что, не смотря на свое положение, в данном случае отказаться он не может. Но и бой ничего хорошего не сулил – уж больно легко, играючи одержал гость победу над одним из сильнейших рукопашников группы.

Павлов вышел на середину зала и, встав метрах в шести напротив Дмитрия, ритуальным поклоном пригласил к бою. Лекарь кивнул и остался стоять, вновь предложив инициативу атаки противнику. В отличие от предыдущего бойца, Павлов не стал хорохориться, а сразу же включил все психофизические резервы и метнулся к сопернику, бросив тело вперед так, словно собирался прыгать в длину. Казалось, Дмитрий тут же и проиграл, оказавшись в зоне прямого поражения ног взлетевшего в воздух противника. Но он качнул тело вбок и, крутнувшись на опорной ноге, ускользнул не только от ног, но и от рук Павлова, которыми тот в полете наносил удары в стороны от основной линии своего движения. Таким образом, знахарь сразу же оказался чуть сзади фигуры начальника физзащиты, и хотя тот успел войти в перекат, уходя от ударов в спину, на этот раз уже Дмитрий прыгнул вперед и вверх, приземляясь, заблокировал отмашку левой руки Павлова и захватил ее своей же левой, а стопой своей правой ноги топчущим ударом пробил подколенное и потом сразу ахиллово сухожилие левой ноги противника. После чего, резко развернувшись влево же, рванул захваченную руку Павлова, одновременно своей правой рукой шлепнул ему по затылку и сразу же провел захват подбородка, рванув его вправо – вверх. Всем, включая самого начальника отряда физзащиты, было очевидно, что доведи Дмитрий все свои движения до конца, он уже сломал бы Павлову руку и шейные позвонки. Но Дмитрий не стал останавливаться на достигнутом и, продолжая разворот и, не отпуская ни руки, ни подбородка Павлова, спиралевидным движением уложил того на пол, в завершение ударив лежащего на полу Павлова своим левым коленом в позвоночник. И только после этого встал и сделал шаг в сторону. Спустя пару секунд, в течение которых никто в зале не шелохнулся, начальник физзащиты попытался встать, опершись на левую руку. И сразу же скривил лицо от боли. Дмитрий шагнул к нему и жестом попросил разрешения помочь. Взявшись руками за левое плечо Павлова, он стал его разминать, по очереди нажимая пальцами обеих рук разные точки. Так он спустился до локтя. После чего удивленный начальник группы физзащиты покачал рукой и с улыбкой произнес: «Прошла! Во дает!». И было не совсем ясно, относится последнее восклицание к боевому или лекарскому мастерству гостя. А тот, оглядев неподвижно стоявших бойцов и не увидев больше желающих померяться силой,

пошел обратно к скамейке, на которую положил гарнитуру связи и надел ее. А стоящий рядом Трофимов успел заметить, что Дмитрий даже не вспотел.

– Спасибо, Дмитрий, прекрасный бой, – сказал Павлов, подходя к лекарю. – И прекрасное лечение!

– Вы были достойными противниками, – скромно ответил Дмитрий, ловя на себе восхищенные взгляды бойцов. – Но я не люблю битв. И всю жизнь на моей планете стремился к тому, чтобы мое боевое знание никогда не приходилось применять в полную силу. Да и учился я ему потому, что оно позволяло лучше постичь токи жизненных сил в себе и других людях.

– И, тем не менее, я буду Вас просить преподать всем нам несколько уроков боя.

– Я согласен. Только я буду учить не столько приемам, сколько способам видения противника и внутренней настройки своего организма. Это, на мой взгляд, гораздо важнее любых приемов. Если твои тело и разум готовы, и ты видишь намерения противника, приемы рождаются сами.

– Продолжаем тренировку, – хлопнул в ладони Павлов, восстанавливая субординацию. – А то, ишь, стали, рты раззявили. Вот когда сможете работать так, как наш гость, будете сачковать.

Бойцы неохотно разошлись, оставив Дмитрия наедине с двумя начальниками и Трофимовым.

– Ваше мастерство превзошло все мои ожидания, – проговорил Павлов. – Поверьте, я видел много боев и участвовал в них, но такой вижу впервые.

– Бой – это всего лишь часть общей картины мира, которую сформировали во мне мои учителя и последующая практика лекаря. Да и не боец я, по сути своей, а лекарь. И в этом мое предназначение, и таков мой выбор. Поэтому и учить, как уже сказал, буду не столько боевым навыкам, сколько таким, которые увеличат ваши возможности не только в бою.

Дмитрий посмотрел на окружающих, и увидев, что, не смотря на приказ Павлова, его внимательно слушают все находящиеся в зале, продолжил:

– Что в бою, что в лечении надо сначала определенным образом организовать свои внутренние пространство и то, что вы называете «внутренним временем», а у нас зовут последовательностью восприятий происходящих событий. Организовать, а потом транслировать во вне себя, соотнеся и синхронизовав с внешними пространством и временем. Это способ реализации настоящего волшебства. А точнее – Видения Истинных Узоров Бытия. Суть которого кратко можно выразить всего в двух выражениях: «Я Есмь!» и «Я – Здесь и Сейчас!» Тогда твой личный Образ Мира проявляется вовне и проявляет, воплощает в Реальность ту часть изначально созданного Творцом Узора Бытия, которая наиболее соответствует твоим ожиданиям. И именно это и есть волшебство! Так что я не занимаюсь тем, что только лечу или только веду бой. И в том, и в другом случае я ворожу! Проявляя те части Узора Бытия, которые ближе всего к созданным мною образам. Делая это каждый раз ровно настолько, насколько это дозволено Законами Творца.

– Интересный подход, – медленно проговорил Павлов. – У нас на Земле есть похожие учения, вы сможете узнать о них, когда будете осваивать базовый набор наших земных знаний с помощью системы ускоренного обучения. Ну, а сейчас позвольте вас покинуть – пользуясь столь убедительной демонстрацией нашего несовершенства, пойду погоняю ребят дополнительно. А то застоялись, расслабились. Так что спасибо, что встряхнули. Теперь у них появился новый стимул «пахать».

Гарчев, Трофимов и Дмитрий покинули тренировочный зал в приподнятом настроении. Командир корабля был несколько удивлен увиденным, хотя после расспросов Александра и ожидал чего – то подобного. Они встали на зеленую дорожку эскалатора и спустились на второй ярус. Затем, пролетев несколько переходов на более медленные дорожки, оказались возле лабораторий. Каюта Дмитрия находилась неподалеку.

– Дальше я вас провожать не буду, – сказал Гарчев, – но приглашаю часа через два в кают-компанию, где вы, Дмитрий, сможете познакомиться со всем экипажем. А сейчас мне пора.

Командир развернулся и пошел в сторону эскалаторов.

– Зайдешь ко мне? – обратился знахарь к Трофимову.

– Сейчас не могу, дела, – ответил Александр. – Я зайду за тобой по-позже.

Оказавшись в своей комнате, Дмитрий сразу направился к полке с книжками, на которую он обратил внимания еще раньше, но рассмотреть не успел. Взяв самую толстую книгу в кожаном переплете, открыл ее на первой попавшейся странице. Земной язык был ему не знаком, но картинки вполне устроили. На рисунках были изображены горы, моря, различные животные и растительность, немного напоминавшие его планету. Легкой волной нахлынула грусть. Он поставил книгу на место. Постояв несколько минут возле иллюминатора, Дмитрий решил чего –нибудь перекусить.

– Овощной салат, отбивная и манговый сок, – сказал он через устройство минирации в окошко линии заказов. Этот набор ему посоветовал Трофимов и поэтому он решил не рисковать пробовать что – то другое.

Уже через несколько секунд в окне доставки звякнуло.

Прекрасно пообедав, Дмитрий лег на способную принимать форму его тела кровать и тут же заснул. Однако пришедший за ним Трофимов застал его уже одетым. Поскольку знахарь еще во сне почувствовал его приближение и проснулся, а влезть в выданный ему земной комбинезон было минутным делом.

– Ты, смотрю, готов? – спросил Александр, переступив порог. – Пойдем, познакомишься со всеми членами команды корабля.

– Что ж, пошли. Думаю, что и им не терпится меня увидеть. Я чувствую волны любопытства по отношению ко мне.

Александр улыбнулся – странный человек этот инопланетник. От него исходили такие доброта, терпение и спокойствие, что это поражало даже подготовленного прогрессора.

Кают – компания располагалась на верхнем ярусе в большом куполообразном зале. Вдоль стен тянулись столы, на которых сейчас был накрыт обед. Играла тихая спокойная музыка, между столами сновали многофункциональные роботы, в данное время выступающие в роли официантов. Вновь пришедшие остановились на пороге, раздумывая, куда бы лучше пристроиться, когда к ним подошел Гарчев.

– Ну наконец – то, а то у меня только о Вас, Дмитрий, и спрашивают. Так что я решил устроить Ваше мини – интервью. Пусть все сразу зададут основные вопросы, чтобы потом не спрашивали одно и то же по одиночке. А если и будут, то поменьше. Не возражаете?

– Конечно, нет, – улыбнулся знахарь. – Ведь гости с других планет на ваших кораблях не бывают. Александр сказал мне, что я первый.

Трофимов кивнул, подтверждая сказанное.

– Ну вот и ладушки, – сказал командир и хлопнул в ладони. – Минутку внимания!

Гул в зале стих и все посмотрели в его сторону.

– Я хочу вам представить единственного члена нашей экспедиции с другой планеты. Дмитрий подойдите, пожалуйста. Можно задать ему вопросы. Но немного, как говорилось в знаменитом древнем фильме, «...поскромнее, лучше один на двоих». Наш гость еще не владеет интерлингом, да и не все наши понятия могут быть объяснены ему в отведенное для этой беседы время. Потом, после курса интенсив – обучения, желающие смогут еще с ним пообщаться, а сейчас прошу выбирать вопросы лишь более – менее общего характера.

И обращаясь уже к Дмитрию, предложил:

– Проходите в начало зала – туда, где сейчас появится возвышение.

Дмитрий посмотрел туда, куда указывал рукой командир и увидел, как часть пола у противоположной от входа стены вдруг словно стала жидкой, вздыбилась волной и так застыла. А

потом из нее вверх взметнулось что – то типа двух столбиков, которые развернулись сверху, словно бутоны цветков и образовали чуть наклоненный столик и сиденье. Поскольку он уже привык к подобным трансформациям своей комнаты, то не выказал удивления и пошел к этому месту, которое, как он понял, и предназначалось для того, чтобы он мог сесть и начать разговор, находясь лицом сразу ко всем остальным.

Любопытные взгляды провожали лекаря через весь зал. И только он взошел на подиум и сел, как посыпались вопросы. Пользоваться *прямым мысленным разговором* было нельзя, поскольку он не имел на это разрешения ни от кого из присутствующих, да и не был уверен, сможет ли сразу установить связь с разумами землян, все – таки отличных от него по образам восприятия и думания. Но ему хотелось лучше понимать *Суть* спрашиваемого, и он решил, что помимо перевода транслятора – толмача ему стоит подключиться напрямую к *Уровню Смыслов*. Тогда и вопросы станут яснее, да и перевод этого неживого толмача можно будет в случае чего уточнить, пояснив дополнительно ту или иную часть своего ответа. Поэтому Дмитрий выделил и настроил часть своей *Сушности* для *погружения* на соответствующий *Уровень Бытия*. И занятый этим привычным, но требующим таки некоторого времени делом, едва не пропустил первый вопрос.

– Скажите, жизнь людей на вашей планете многим отличается от нашей? – спросил сидящий ближе к возвышению рыжий парень.

– К сожалению, я еще не успел ознакомиться с вашим бытом. Но думаю, что и у вас, и у нас люди учатся, любят друг друга, строят дома, растят детей, заботятся о пропитании.

– Я слышал, что вы лекарь, – сказал сидевший рядом с рыжим парень, в котором Дмитрий узнал одного из бойцов из тренировочного зала. – А у вас на планете есть именно врачи, т. е. люди, знания которых основаны на науке, или больных лечат исключительно такие знахари, как вы?

– Начнем с того, – ответил Дмитрий, – что у нас на планете люди, в основном, лечатся сами. Знания о силе природы передаются от поколения к поколению и лишь в исключительных случаях, когда своих знаний уже не хватает или болезнь слишком серьезная, они обращаются к знахарю. Ну а кроме того, я не совсем понял, в чем отличие ваших принципов изучения мира, на которых основано то, что вы называете наукой, от тех, которым учили меня. Поэтому точнее я смогу ответить лишь после того, как ознакомлюсь с вашими знаниями.

Следующий вопрос задал профессор Носов:

– До меня тут дошли слухи, что Вы сегодня малость ...ээээ... потрепали наших доблестных защитников, – при этих словах он бросил ехидный взгляд на сохранявшего невозмутимый вид Павлова. – И потом их же вылечили. Как у вас совмещаются эти два умения – лечить и драться?

– Ну, я уже рассказывал Антону Федоровичу, что не занимаюсь только лечением или только боем. И в том, и в другом случае я проявляю в общем Узоре Бытия те его *плетения*, которые дозволены Законами Творения нашего Мира и при этом ведут к исправлению возникшей ситуации. И ситуация боя в этом смысле очень похожа на болезнь – и то, и другое нарушает равновесие, вносит искажения в Узоры. и создает избыточное напряжение в Ткани Бытия. Внутри меня возникают образы воздействий, ведущих к восстановлению гармонии, и я транслирую их вовне. Хотя и это не совсем так – ведь я тоже часть Мира. Так что точнее будет сказать так: я лишь являюсь наиболее чувствительной частью Мира и могу точнее других его частей ощутить, понять и воспроизвести те *формы действий*, которые необходимо произвести, чтобы вернуть Миру Равновесие и восстановить непрерывность измененных *частей Узора*. Я *проявляю через себя* эти *формы действий* и тем самым изменяю те части мира, которые вызвали или в которых отражены возникшие нарушения гармонии. Просто я вижу большее количество возможных и при этом попущенных Родителями Всего Сущего вариантов измене-

ний ситуаций, в которых я участвую как часть Мира, обладающая правом выбора. Не знаю, как можно объяснить лучше. Я это просто чувствую, знаю и умею. Вот!

– Изменяя свои Образы Мира и транслируя их другому живому существу, мы можем воздействовать на него. Это я понимаю, хотя в механизмах такого воздействия наша наука разобралась еще не до конца. Но если следовать Вашим размышлениям, то подобным способом можно воздействовать и на неживые предметы. Однако ресурсы сил человека ограничены. Как можно изменить, например, камень?

– Родители Всего Сущего создали и вырастили Мир так, что в нем есть все возможности для исполнения любых желаний любого разумного существа (грубо говоря, Абсолютной Магии). Но большинству разумных существ в их обыденном сознании и загрязненных глубинных слоях разума почти невозможно представить себе, как жить в мире, где любые (именно любые!) желания исполняются. А отсутствие понимания КАК, и, главное, ЗАЧЕМ (отсутствие целей, выходящих за границы собственных материальных желаний) жить в таком мире, вызывает глубинный страх. И тем самым люди сами себе бессознательно запрещают срабатывание механизма исполнения своих желаний. Впрочем, наличие у разумных существ такого страха имеет свою, задуманную Родителями Всего Сущего причину – это своего рода защита мира от воздействий существ, обладающих разумом. Этот страх – страж Реальности. Получается, что это не мы боимся Мира, а он нас – нашей свободной воли. Еще бы, ведь если бы все могли бесконтрольно исполнять любые свои, порой противоречивые желания, то Равновесие Мира было бы нарушено, и он подвергнулся бы непрерывным изменениям. В результате чего вокруг нас царил бы постоянный хаос. А ведь Реальность – это тоже живое существо, способное испытывать боль и страдания. И защищается от них. Но одновременно Мир хочет и развиваться. Для чего, согласно моему представлению, Родители Всего Сущего и создали разумных существ, наделили их свободной волей и пустили возможность исполнения любых желаний любого разумного существа. И те, кто в силу определенных причин смог полностью избавиться от этого внутреннего страха, смог *ПО – НАСТОЯЩЕМУ ЗАХОТЕТЬ* и *разрешить себе* исполнение своих желаний хоть в какой – то области – так вот такое разумное существо и становится подлинным магом. При этом первой возможностью, которая избавляет от этого потаенного страха, является осознание человеком образов, скрытых в глубинных слоях своего разума, понимание и принятие их подлинной сути, что и убивает страх. Обратной стороной этого пути к магии является достижение контроля над своими желаниями. И отсутствие внешних ограничений в данном случае заменяется внутренней дисциплиной. Но есть, увы, и вторая возможность, когда в силу неких причин, порой случайных, некто теряет этот страх просто так, без приобретения контроля над своими желаниями и намерениями. И в этом случае получают маги, которых в моем мире принято называть Ужасающими, Несущими Страдания, Порождающими Хаос. Поскольку они, лишившись своего страха, также получают возможность творить с миром то, чего хотят. Не обуздав при этом своих желаний. Среди которых, увы, часто есть и весьма низменные. Но и эти их желания тоже исполняются, ужасая окружающих, увеличивая беспорядок и доставляя страдания всему Миру, который, как я уже говорил, является живым. За что такие маги и получили свои прозвища. Впрочем, к счастью, и их повеления имеют пределы, положенные в саму Основу Сущего его Родителями.

– Ну а как это все реализуется? Можете объяснить не общие принципы, а то, как всего этого достичь на практике? – немного насмешливо спросила до этого момента молчавшая Екатерина Егорова.

– Именно этому я и обещал постараться научить ваших воинов. Я пока не знаю Вашего языка. Да и не все могу описать на своем. Это надо ощутить. Нужна практика.

– Вы что же, хотите сказать, что действительно можете воздействовать не только на живые существа, но и на неживые? – с недоверием воскликнул Носов.

– Да, могу. Хотя бы потому, что неживого в нашем мире не существует. И камень, и глина, и песок – все они живые... Просто вы не умеете видеть их жизни.

– А показать что – то можете? Ну, изменить что – то, хм, не такое живое, как мы? – Носов аж покраснел от возбуждения.

– А зачем? – ответил Дмитрий удивленно.

– Ну, чтобы мы все смогли убедиться в том, что все, что вы нам сейчас рассказали, правда, а не красивая выдумка, – ответил Носов. И резко оборвав себя, смущенно произнес: – Простите, я не подвергаю сомнению вашу правдивость, но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Дмитрий усмехнулся:

– Я не обиделся. Ведь даже в моем мире большинству тяжело принять такой способ восприятия себя и окружающего мира. Но я не буду ничего показывать специально. Вносить изменения в мир, когда в этом нет необходимости – значит причинить ему пусть и небольшую, но боль. А я все – таки лекарь, а не один из Ужасающих.

– А можно Вас тогда попросить хотя бы о том, чтобы иногда во время занятий с подчиненными нашего уважаемого Антона Федоровича я приносил в зал свои, ну, механизмы... В общем, чтобы я мог изучать, что происходит с Вами и с окружающим миром в то время, когда Вы занимаетесь этими упражнениями. Можно?

– Ну, если вы не будете пытаться пролезть внутрь меня так грубо, как это было, когда я только прибыл и проходил, как у вас это называется – просвечивания, то можно. Но если мне что – то не понравится, я сразу же скажу – и вы прекратите.

– Согласен.

Александр и другие посмотрели на профессора с удивлением. Все знали, что Носов был любителем поспорить, а также настоять на своем во всем, что касалось возможности проведения исследований. Но в данном случае, похоже, он готов был пойти на уступки – в надежде найти ответы на вопросы, которые не поддавались изучению иными способами.

– Неужели вы сразу поверили во все, сказанное нашим гостем? – в вопросе Егоровой удивление граничило с иронией. – Не подвергая сомнению его правдивость, замечу, что сказанное может быть всего лишь метафорой, способом описания его личных внутренних ощущений и переживаний, а не реальными процессами. Неужели вы, профессор, полагаете, что сможете измерить во время этих занятий что – то такое, что еще неизвестно нашей науке? Ведь человечество за последние восемьдесят лет сделало значительный прорыв в области изучения возможностей человека.

– Да уж, не много ли вы ожидаете от нашего гостя? – добавил главный врач экспедиции Ашот Томасович Ованесян. – Хотя, должен признать, сумев экранироваться от террагерцового излучения, он меня сильно удивил.

– Бросьте! Какой прорыв? Что, помогли ваши исследования хотя бы вылечить Сашу Трофимова? А вот наш гость смог затормозить течение этой странной болезни. От которой, кстати, судя по Вашим, Ашот, данным, сейчас и следа не осталось. Как Вы это объясните, а?

Медик промолчал и профессор продолжил:

– Серьезные ученые с момента открытия ГИМП – эффекта ломают голову над тем, какие законы природы лежат в его основе. Вы же помните, а если нет, то я напоминаю, что сам – то эффект был открыт почти случайно, в ходе совсем других исследований – как раз в области психофизики. Ну и насколько мы сдвинулись с той точки, на которой наша наука была тогда? НИ НА СКОЛЬКО! Мы пользуемся ГИМПом, а сами даже не знаем всех лежащих в его основе физических законов. И по сей день не можем найти такую формулу этих преобразований, которая позволяла бы делать их без тех сумасшедших затрат энергии, которые расходуют наши генераторы изменения мерности. При этом интуитивно ясно, что раз возможны ИМП – преобразования, то любые разумные существа потенциально способны перемещаться в про-

странстве самостоятельно! Более того, наличие ИМП – эффекта как раз полностью соответствует тому, о чем нам только что рассказал наш гость! Ведь если возможно преобразование материальных тел в информационные пакеты, содержащие полную информацию о внутренней структуре преобразуемых объектов, включая их информационно – энергетическую сущность, то создавая в многомерном пространстве четкие и обладающие определенными качествами образы, можно воздействовать и на предметы, а не только на разум. Но мы – то этому так и не научились – не смотря даже на то, что всюду используем ИМП – эффект для решения транспортных проблем. Так что бросьте, коллеги, бросьте! Любой честный ученый вынужден признать, что наши фундаментальные знания пока весьма ограничены. Да, именно ограничены, – чуть громче сказал Носов, взглянув на собравшегося было возразить Гарчева, после чего тот поднял руку вверх, как бы говоря, что, мол, «молчу, молчу».

А Владимир Григорьевич задумчиво продолжил:

– Коллеги, выводы законов термодинамики свидетельствуют о неизбежности "тепловой смерти" Вселенной, однако накопленные факты говорят об ошибочности этих выводов. Обосновать же и объяснить это, создав новую теорию термодинамики, наука пока так и не смогла. Причина вовсе не в отсутствии гениальных ученых и нехватке средств, а именно в незнании неких важных моментов в фундаментальных областях. В самих принципах понимания и описания нами таких категорий, как энергия, материя, пространство и время. А может в том, что сами эти понятия, например, время, являются искусственными, выдуманными нами для облегчения собственного восприятия мира, что завело развитие современной науки в тупик.

– Однако рано или поздно количество накопленных знаний неизбежно перейдет в качество. Даже если это качество окажется принципиально новым, я уверен, что человечество справится, – дождавшись окончания неожиданно эмоциональной речи научного руководителя экспедиции, оптимистично парировал командир корабля и кивком головы показал на Дмитрия. – Возьмем хотя бы нашего гостя и, напомним, уже полноправного нового члена экспедиции. Он попал в совершенно новые условия существования – и адаптируется к ним удивительно быстро! Мне, например, очень интересно, как он воспринимает окружающую обстановку.

– Для вас здесь все незнакомо, – обратился он к знахарю. – И, тем не менее, вы не выглядите растерянным. Я видел существ из других миров с уровнем развития, близким к вашей планете, которые случайно видели нашу технику – так вот, не считайте за лесть, но никто из них не вел себя столь спокойно. Хотя и заметно, что вы часто удивляетесь и живо интересуетесь всем новым, но делаете это как – то достойно. Без страха или чрезмерного возбуждения. Как Вам это удастся?

Дмитрий, все это время внимательно наблюдавший за собравшимися, пытался вникнуть в суть речи профессора, понял далеко не все – не смотря на «толмача» и погружение на Уровень Смыслов. А вот вопрос Гарчева был совершенно понятен, и знахарь с удовольствием ответил:

– Честно говоря, не вижу в этом ничего необычного. Мои учителя с детства воспитывали во мне способность создавать единую непротиворечивую Картину Мира сразу на всех уровнях и во всех слоях своего Разума. В том числе допуская появление и присутствие в ней явлений и вещей, необычных и даже кажущихся мне вообще невозможными в привычной обыденной реальности. И они убеждали меня, что человек, развивший в себе подобное видение, может ощутить и даже использовать большинство тех качеств Реальности, которые допускает его новый Образ Мира.

В этот момент к Гарчеву подъехал робот – официант с подносом, на котором стояло несколько бокалов, и командир, взяв один себе, обратился ко всем:

– Думаю, что беседу пора завершать. Нашему гостю пора отдохнуть, а на все вопросы он в один день все равно не ответит.

И обратился уже к Дмитрию:

– Предлагаю вам попробовать один наш земной напиток.

Лекарь согласно кивнул и, спустившись с возвышения, которое немедленно исчезло, взял предложенный ему бокал, сделал глоток, потом другой и, распробовав вкус, сказал:

– Этот напиток напоминает нашу силингу. Ее делают из плодов чекариса с добавлением лепестков лизиады. Приятный вкус.

– У нас этот напиток называют красным вином, изготавливается оно из плодов винограда, а вкус его зависит от времени выдержки...

Поговорив еще несколько минут на тему виноделия, командир распрощался. Встреча закончилась, и все стали расходиться. Дмитрий нашел глазами Трофимова, который о чем – то разговаривал с Катериной, и направился к нему.

– Александр, извините ради Бога, если помешал, но я уже выпил несколько бокалов вашего вина, и чувствую, что оно воздействует на мои тело и разум не совсем так, как мне хотелось бы. Поэтому мне надо перестроить потоки энергии в теле, чтобы убрать плохие и оставить хорошие последствия от выпитого.

Александр улыбнулся:

– А может не стоит? Завтра к утру организм сам все сделает, а сейчас расслабься.

– Александр, я думаю, что нужно проводить человека в его каюту. Вы же хотите спать? – как – то слишком уж заботливо спросила Егорова.

– Есть немного, – ответил Дмитрий. – Но я еще хотел спросить именно у вас – скажите, а вы всегда ко всему новому относитесь со скептицизмом?

– Смотря что вы подразумеваете под новым, – в глазах девушки появились смешинки, – вас или то, про что вы рассказывали?

Дмитрий смутился и Александр со словами, что уже поздно, а завтра высадка на первую планету и поэтому не мешало бы всем хорошо выспаться, решительно повлек его из кают – компании. После чего проводил все еще не достаточно уверенно освоившего корабельные средства перемещения Дмитрия до каюты.

Следующим утром, легко справившись с нейтрализацией вредных последствий действия земного алкоголя, Дмитрий к моменту прихода Трофимова пребывал в бодром настроении. И в сопровождении прогрессора отправился в рубку управления.

Центр управления ГИМПом находился на самом верхнем ярусе в головной части корабля. Первым, что Дмитрий увидел, войдя в зал, были четыре человека, лежащие в сложных механизмах, напоминавших что – то среднее между кроватью и тронem. Настроившись, знахарь ощутил, что эти устройства подключены к разумах и энергетике лежащих в них людей. Хотя лица всех четверых были закрыты щитками шлемов, знахарь сразу почувствовал, что среди них находится капитан. И увидел, насколько сейчас, по сравнению с тем, как это было во время их предыдущих встреч, усилились в Узоре Сущности командира корабля цвета воли и решимости.

– Сейчас пилоты выводят «Пересвет» на орбиту планеты Ультар, – тихо сказал Александр, заметив интерес Дмитрия. – Это та планета, на которой в районе расположения нашей базы произошло землетрясение. Почти как на Афине – 3, но несколько иначе.

– Землетрясения происходят везде. И у нас просто не строят дома там, где это могло бы случиться, – ответил лекарь.

– В том – то все и дело, что база стояла в самом безопасном на этой планете районе. Более того, наша техника не уловила никаких признаков напряжения в планетарной коре, которые предвещали бы землетрясение. Все произошло совершенно неожиданно. И нам необходимо разобраться, что это было. Попытавшись найти нечто общее между событиями, происходящими здесь и на других планетах этого сектора космоса...

В этот момент голос главного корабельного искина⁵ объявил, что корабль вышел на стационарную орбиту. Гарчев объявил по громкой связи сбор экспедиционной группы и двух отделений отряда физзащиты в главном стартовом ангаре. После чего он выбрался из командирского ложементы и, взмахом руки предложив Трофимову и Дмитрию следовать за собой, направился к выходу из рубки в тамбур ВТС. Где они сели в уже стоящую там специальную командирскую транспортную капсулу. И спустя примерно пару минут вышли в огромный по размерам главный ангар МОСА, где их уже ждали члены первой экспедиционной исследовательской группы и возглавляемая лично Павловым половина отряда физической защиты в полной боевой экипировке.

– Стартуем через полчаса, – сообщил Гарчев, обращаясь к Павлову. – Десять человек с тобой. Остальных бойцов – в резервную «моську» до получения сигнала от передовой группы.

После чего он обратился уже к остальным:

– Все оборудование приготовьте сейчас, чтобы внизу можно было использовать его сразу же после посадки. Держитесь ближе друг к другу, чтобы ребятам Павлова было проще вас прикрыть, если, не дай Бог, заваруха какая приключится. Александр, ты лично отвечаешь за Дмитрия. Выдай ему все необходимое и объясни, как пользоваться. Ну и прикрой его на поверхности, так сказать, технически. Если что понадобится или возникнут вопросы – я в ближайшие двадцать минут буду в центре ситуационного планирования. Свяжусь с базой, узнаю – может дежурная система защиты сохранилась. Все. Готовность полчаса, время пошло.

Перелет на планету занял около часа.

Первую экспедицию возглавил лично Гарчев, оставив командовать на борту «Пересвета» первого помощника. За свою карьеру – и в качестве рядового пилота, и командира групп поддержки, и как командир корабля – он сопровождал много экспедиций, но в этот раз все было по – другому. Размещенная на Ультаре исследовательская станция изучала аномальные электромагнитные, гравитационные и микролептонно – торсионные явления, замеченные экипажем открывшего эту планету разведывательного ГИМПа. Судя по записям, предшествующим землетрясению, здесь прямо на поверхности планеты было зафиксировано излучение свободных глюонов, до сих пор лишь теоретически описанное для сверхмассивных «белых дыр». А здесь поток этого излучения возник буквально из ниоткуда. И прошел как раз точно через станцию, что привело к выходу из строя всех энергетических устройств и узла связи, а заодно, возможно, и вызвало возникновение мощного землетрясения в абсолютно несейсмоопасном районе. Откуда возник этот поток, было совершенно не ясно. Да и был ли он на самом деле, или все записи были вызваны сбоем аппаратуры, возникшим из – за воздействия возникших незадолго до землетрясения аномально высоких по напряженности и частоте возмущений электромагнитных и иных полей.

В целом планета была вполне благополучной, и до недавних пор ничто не вызывало беспокойства. Давление атмосферы, содержание кислорода и сила тяжести чуть выше земных. Климат жаркий. Продолжительность суток тридцать восемь земных часов. Радиация: местных источников нет, но бывают сильные вспышки активности Беты Ариадны, вокруг которой обращалась планета. Опасные бактерии, вирусы, грибки и даже другие живые организмы крупнее амёбы не обнаружены. Что сильно удивило еще первооткрывателей и продолжало удивлять работавших на станции ксенобиологов. Которые до сих пор так и не смогли понять, какие же факторы привели к странной безжизненности на такой благоприятной для возникновения разнообразных организмов планете.

---

⁵ Искин – сокращение от «искусственный интеллект».

Гарчев сидел в одном из немногих уцелевших помещений центрального модуля станции и, поглядывая на датчики мобильного комплекса обнаружения и предупреждения об опасности, задумчиво просматривал что – то в своем личном информате.

Все показатели были в норме, однако с самого момента посадки «мосек» на площадку базы его не покидало чувство, что в окружающем мире что – то было не так. Да, при высадке были соблюдены все предусмотренные программой третьего уровня опасности меры предосторожности. И лишь затем под прикрытием ребят из отряда физзащиты «моськи» покинули ученые со своей аппаратурой. Сразу же начав снимать, замерять, картографировать все как на самой базе, так и в пределах очерченного модулями внешней защиты пространства. А в это же самое время их коллеги на «Пересвете» изучали параметры космического пространства вокруг планеты. Данные непрерывным потоком текли в информационные накопители ГИМПа, дублируясь в инфомодулях «мосек». Основной искин «Пересвета» работал с загрузкой в 70% его мощности, систематизируя весь этот поток информации в поисках скрытых закономерностей. В чем ему помогали подключенные к системе генерации когнитивной виртуальности аналитики.

Станция с разрушенным куполом энергомодуля и отеками, словно они были сделаны из пластилина, антеннами узла связи находилась на вершине холма, у подножья которого текла река, имевшая благодаря выходам в русло местных минералов странный оранжево – красный цвет. А сразу за ней, насколько хватало глаз, тянулись джунгли – мрачная сырая чаща, которая, не смотря на достоверно установленное отсутствие какой бы то ни было крупной живности, все равно вызывала чувство опасности. Но было и еще что – то, чему Гарчев не мог найти объяснения, но что порождало ощущение скрытой угрозы.

Пискнул датчик связи.

– Трофимов, что у тебя?

– Дмитрий говорит, – ответил Александр, – что ощущает появление вокруг станции некой агрессивной энергии, понять природу и происхождение которой он пока не может.

– И как он это объясняет? Хотя бы предположение у него есть?

– Пока никак. Говорит лишь, что это безличная агрессивность, не одухотворенная. Словно все вокруг вдруг наполнилось враждебностью.

– Понял. Я постоянно на связи, держи меня в курсе.

Гарчев взглянул на датчики зондов и модулей защиты. Вроде все в порядке. Тем не менее, он соединился с Павловым и передал ему разговор.

– Если датчики в норме, не вижу оснований для паники, – возразил тот. – Если бы что – то начало меняться в параметрах окружающей среды, приборы наших «мозгоклюев» сразу бы это зафиксировали. Они ж здесь чего только не замеряют. Вряд ли наш гость чувствует изменения полей лучше датчиков. Или ты ему веришь больше, чем технике?

– Я этого не говорил, – сказал Гарчев. – Но знаешь, мне и самому как – то не по себе. А ты что, абсолютно спокоен?

– Нет, у меня тоже мой внутренний «сторожок» на опасность сработал. Да и ребята мои нервничают, а у них интуиция у всех на уровне – не раз жизнь спасала. Но я списываю это на волнение и необычности операции. Раньше то ничего подобного с нашими исследовательскими станциями, да еще сразу на нескольких планетах, не происходило. Вот мы и «дуем на воду» и ищем «черную кошку в темной комнате».

– Хорошо бы, если так. Но ты все же ребятам скажи, чтобы они, если, не дай Бог, экстрим какой возникнет, были готовы быстренько всех наших ученых эвакуировать.

– Ладно, сделаю. И пилотам прикажу держать готовность к старту.

Спустя буквально пару минут после этого разговора в рубку буквально ворвался Дмитрий в сопровождении несколько ошарашенного – то ли напором своего подопечного, то ли его стремительностью – Александра.

– Нужно срочно улетать. Иначе мы все погибнем, – сказал Дмитрий прямо с порога.

– Почему? Мы еще не закончили программу исследований. Что случилось? – спросил Гарчев, хотя у самого тоже уже разрасталось внутри гадкое чувство тревоги.

– Я потом попытаюсь все объяснить, – Дмитрий говорил спокойно, но было видно, что он предельно серьезен и твердо верит в то, что говорит. – А сейчас, поверьте, надо отсюда улетать. И побыстрее – времени у нас осталось очень мало.

Не задавая больше вопросов, командир корабля по общей связи приказал срочно свернуть исследования и вместе с оборудованием подняться на борты «мосек». Одновременно с личного переносного пульта управления он задал команду всем разведзондам и модулям внешней защиты начать отступление к месту посадки, переведя их в режим постоянной готовности к отражению атаки любого мыслимого типа. Мыслимого с точки зрения земной науки и техники. А в голове мелькнуло: «Почему же приборы по – прежнему ничего не фиксируют? А если этому инопланетному чародею все это лишь показалось? Хорош же я буду – да надо мной потом весь КИК смеяться будет».

Сборы и взлет заняли ровно двадцать пять минут. И все это время Носов, глядя на всевозможные датчики, сетовал, что они еще и наполовину не выполнили запланированную программу, и он, как научный руководитель экспедиции, категорически не согласен с решением об эвакуации:

– Если мы будем взлетать каждый раз, когда этому инопланетянину что – то там покажется, то у как мы сможем хоть что – то изучить. И я уж молчу про энергозатраты «мосек».

Гарчев отмалчивался, хотя и его терзали сомнения. Но рисковать он не хотел.

Спустя десять минут обе «моськи» уже были на высоте почти двух километров от поверхности Ультара, а внизу по – прежнему ничего не происходило. Гарчев с сожалением подумал, что Павлов оказался прав, а он только что стал притчей во языцех среди всего космофлота. И в этот миг в наушнике переговорного устройства раздалось неуставное восклицание пилота: «Ну ни хрена ж себе!» И сразу же последовал доклад согласно принятой официальной форме обращения: «Визуально наблюдаю возникновение в месте старта подвижек почвы. Эпицентр точно в месте расположения станции. Веду видеозапись. Фиксирую разрушение всех сохранившихся до этого момента помещений базы».

Взгляды всех пассажиров «моськи» устремились на Дмитрия. Поскольку они понимали, что этот странный инопланетник своим предчувствием спас им жизнь.

– Объясните, что это было? – Носов начал расспросы еще в раздевалке, как только все участники рейда оказались на борту ГИМПа. И даже прищурился, словно хотел лучше рассмотреть своего спасителя.

– Когда мы ступили на планету, я сразу ощутил чужое присутствие и нарастающую агрессию, – Дмитрий расстегнул комбинезон и аккуратно повесил его в отведенный ему шкаф. – Но чтобы обнаружить ее источник, мне пришлось войти в особое состояние. Я увидел тех, кого в древних традициях вашей планеты называли духами. Здесь эти существа, каждое по отдельности, было с уровнем развития разума примерно как у наших жимаров или ваших крыс.

– Вы хотите сказать, что на этой планете существует жизнь? – профессор аж подпрыгнул от нелепости такого предположения. – Не может этого быть. Я читал отчеты исследований и первой экспедиции, и двух смен, работавших на базе. Там четко было написано – на планете нет никакой жизни, кроме растительной.

– На этой планете существует жизнь, – продолжил знахарь. – Очень древняя жизнь. Просто местные жители не имеют привычного вам материального носителя.

Раздались удивленные возгласы членов экипажа, которые прекратил командир корабля:

– Обсуждать происшедшее будем потом. Сейчас всем отдыхать. Кроме научной группы. Вам, профессор, придется поработать – создать научную точку зрения на то, что произошло на

планете и что нам изложил Дмитрий, одновременно приняв во внимание данные с аппаратуры, которую мы брали с собой и результаты дистанционных измерений с борта «Пересвета». Да, Егорову тоже прошу подключиться.

Спустя десять минут Носов, несколько его сотрудников, Катя и пожелавший поучаствовать в совещании Дмитрий собрались в лаборатории когнитивной виртуальности.

– Ну, объяснить сущность этих так называемых духов еще можно. Допустим, они представляют собой волновые пакеты, обладающими свойствами солитонов, – сказала Катерина. – Но как они устроили этот катаклизм, который нас чуть не погубил?

– Между ними было едва заметное разделение на две расы, – задумчиво произнес Дмитрий. – Я условно определил их как духов воды и земли. И когда мы высадились на их планету, они начали взаимодействовать между собой, что я и уловил в самом начале. И как я уже сказал, разум каждого отдельного духа сравним с разумом вашей крысы.

Лекаря все слушали в глубоком молчании, только профессор включил небольшое записывающее устройство, чтоб потом проанализировать услышанное еще раз.

– Они выстроились по определенной схеме, как будто проделывали это много раз, образуя коллективные мыслящие системы. Мыслительные и энергетические способности которых резко возросли, намного превысив уровень отдельного духа. Вот тогда я и почувствовал все возрастающее накопление энергии и агрессивности. Они взаимодействуют друг с другом и все вместе образуют разум, по мощности намного превосходящий любой из наших с вами. И главное – они способны изменять течение сил этой планеты. Они могут управлять ветрами, вызывать наводнения, землетрясения – да они все вместе вообще могут на этой планете почти все. – Дмитрий потер переносицу. – Рискну предположить, что все вместе они составляют как бы единого сверхжителя этой планеты.

– Что – то по типу гибридных вычислительных сетей, а скопление энергии, допустим, по типу шаровой молнии, где сконцентрированная в ней энергия не рассеивается в окружающей среде, – произнес Носов, записывая что – то в своем блокноте. – А наш взлет инициировал взрыв. Стартовый импульс нашей «моськи» вызвал нарушение энергетического баланса и возник самоподдерживающийся турбулентный процесс, – бурчал он еле слышно.

Но его услышала Егорова и также тихо поинтересовалась:

– Вы хотите сказать, что если бы мы не убрались оттуда, то взрыва бы не было?

Профессор промолчал.

– То, что они хотели нас уничтожить, – сказал Дмитрий, – лично для меня является фактом. Просто мы спровоцировали их на более ранние действия, и поэтому накопленная и проявленная ими сила была небольшой.

– Ничего себе небольшой, – буркнул один из сотрудников научной группы.

– Я думаю, что в районе вашей базы было то же самое, только они готовились больше, и потому накопленной ими силы оказалось достаточно, чтобы вызвать землетрясение. И раз вам все равно предстоит изучение этих явлений, то прошу мои предположения брать в расчет, хотя бы потому, что вы обещали в целости и сохранности вернуть меня домой, – Дмитрий улыбнулся, чем вызвал улыбки на лицах всех присутствующих.

– Ну что будем делать? – спросил Гарчев. – Вновь садиться на планету небезопасно. Есть какие –нибудь предложения?

– Я могу попробовать понять, как они общаются друг с другом, и тогда мы сможем вступить с ними в переговоры, – предложил знахарь. – Тогда у нас будет чуть больше времени. А может и вообще удастся с ними договориться.

– Риск слишком велик, – сказала Егорова. – Поэтому предлагаю отправить на планету небольшую разведывательную группу из добровольцев. И я вызываюсь первой. Возьму всю свою аппаратуру. В конце концов, раз дело касается энерго – полевых образований, то это в

большей степени моя компетенция. Может и я, наконец, смогу оказаться полезной. А заодно поизучаю, как работает Дмитрий. Если он, конечно, не против. Ну, что скажете?

– Я полечу, – сказал Дмитрий. – Без меня вам точно не справиться. И я не стану возражать, если Екатерина будет изучать, как я общаюсь с духами.

Егорова одобрительно посмотрела на него. Их взгляды встретились, и ее щеки окрасил легкий румянец.

– Ну, тогда и я, – небрежно вытянув ноги, сказал Трофимов.

Он вспомнил ее глаза, большие и влажные, замечательную улыбку тогда на вечеринке, и понял, что не сможет оставить ее без опеки. За Дмитрия он не волновался, а вот она...

– Профессор, а вы что скажете? – спросил Гарчев.

– Затея, конечно, авантюрная, но как я смогу отпустить эту горячую молодежь одну, – сказал тот добродушно. – Они же без меня пропадут.

– Итак, летят Дмитрий, Егорова, Трофимов и Носов, не считая пилотов. Экипируетесь в скафандры высшей защиты с дополнительными генераторами и антигравитами. Берете всю необходимую аппаратуру и обязательно трех роботов защиты. От шаттла дальше, чем на сто метров, не отходить. Главный – Трофимов. Связь постоянно.

В этот момент Гарчев строго посмотрел на знахаря:

– Дмитрий, Вас лично я прошу не рисковать – при малейшем подозрении на агрессию этих духов давайте всем команду сбора и взлетайте.

Они приземлились недалеко от того места, где когда – то была база. Зрелище, открывшееся им, перевернуло душу. Выгоревшая земля, покрытая пеплом и перевернутая так, словно ее пахали гигантским плугом – это все, что осталось от базы и некогда работавших здесь людей. Волна обиды и злости захлестнула сердце Трофимова:

– Вот же сволочи, – сказал он в сердцах. – Дай мне волю, я бы их всех сам уничтожил.

– Мы здесь не для этого, – охладила его пыл Егорова.

– Да, дела... – протянул Носов.

– Они не питают к вам ненависти. Для них вы просто нечто чужеродное, – рассудительно проговорил Дмитрий. – Не забывайте, что я тоже представитель другой планеты и вовсе неизвестно, как отреагировали бы наши местные жители, увидев вас и ваши машины, и имей они силы вас захватить? Вполне может быть, что сожгли бы на костре, как страшных чудищ, так на всякий случай. Это же вполне могло произойти и здесь. Кроме того, может быть, Ваше появление нарушило что – то очень важное для жизни этих существ. Представьте себе, что вы стали отравлять или хотя бы загрязнять воду озера, в котором живут разумные рыбы. Что, по – вашему, стали бы делать эти рыбы с любим из вас, кто попал бы в воду? Нам нужно постараться войти с ними в контакт и понять мотивации их поступков.

– Хорошо сказано, войти с ними в контакт, – фыркнула Катя, – вот только я не очень представляю, как это можно сделать, не вызвав их агрессии?

– Помните, я говорил, что их мыслительные способности резко возрастают при объединении. Поэтому у нас есть, наверное, единственный шанс с ними пообщаться лишь в случае, когда они станут собираться, – произнес лекарь.

– Помнится, вы также говорили, что возрастают не только их мыслительные возможности, но и возможности воздействовать на окружающую среду, – вставила Катя.

– На мой взгляд, – ответил Дмитрий, – это оправданный риск. А если Вам, Екатерина, страшно, можете остаться в летке. Аппаратуру вашу может запустить и профессор, вместе со своей.

Егорова одарила лекаря испепеляющим взглядом, но ничего не ответила – только фыркнула и, гордо вздернув голову, отвернулась в другую сторону.

– Ну что пора идти, – сказал, вставая Трофимов. – Сначала едут роботы, затем мы. Держимся вместе. Генераторы защиты включаем сразу на выходе. Исключение только для

Дмитрия. Он, если работа генераторов защиты роботов и скафандра будет ему мешать, может выключить свой генератор и выйти за пределы охранного периметра, создаваемого роботами.

И добавил, обращаясь уже к пилоту:

– Будь готов взлететь в любую минуту. Генераторы защиты и инициаторы двигателей «моськи» также держи включенными. Все, выпускай роботов.

– Есть, – ответил тот и повернулся к приборам.

Тихо. Но что – то жуткое было в той тишине, которая окружила их. Без пения птиц, стрекотания кузнечиков и вообще любых столь привычных и обычно не замечаемых живых звуков возникало ощущение страшного одиночества.

– Я пока ничего не чувствую. Они или повсюду или нигде, – сказал Дмитрий.

– Звучит успокаивающе, – ухмыльнулся профессор.

– Я сейчас постараюсь настроиться и увидеть картину этого мира, – продолжил знахарь, не обращая внимания на ехидную реплику Носова. – Для этого мне понадобится несколько минут. Я сяду вот под тем деревцем оно то мне все и расскажет.

Профессор, Катя и Трофимов с любопытством стали наблюдать за Дмитрием. Тот сел под подобием деревца, подобием потому, что оно было похоже на закрученную в небо спираль диаметром примерно пятнадцать – двадцать сантиметров и высотой около двух метров, на завитках которой кое где торчали небольшие листики, а кора внизу ствола напоминала чешую. Рядом с ним на расстоянии около метра находилось еще несколько таких деревьев, а метрах в ста от того места, где они находились, уже начинались настоящие джунгли.

Дмитрий сидел с закрытыми глазами и не один мускул на его лице не двигался. Он как будто застыл на месте, превратившись в статую. И при этом вся его поза была крайне расслаблена при сохранении некоей внутренней натяжки – словно тело повисло на скелете как костюм на вешалке. Егорова много раз наблюдала за медитацией, да и сама медитировала, но какое то присутствие жизни в лицах людей оставалось..., а здесь как будто облокотившись об дерево лежала пустая оболочка, как какая –нибудь брошенная путником ненужная одежда.

– С ним все в порядке? – взволнованно спросила Катя у профессора.

– Конечно, – ответил Носов. – Если б ты видела его в тренировочном зале, ты бы не сомневалась. Как он этому научился, уму непостижимо – может что – то связано с уникальной генетикой, а может какие – то свойства его планеты помогают... Обязательно надо все – таки убедить его пройти детальное обследование, – последнее сказал он больше себе, нежели Кате. – Кстати, я то свою аппаратуру уже задействовал, а вот тебе надо бы поспешить, если хочешь разобраться, как наш гость выходит на контакт с этими самыми духами.

Егорова спохватилась и отдала голосовые команды выехавшей из грузового отсека «моськи» так и застывшей рядом с люком исследовательской робо – платформе, на которой была смонтирована ее аппаратура. Получив программу действий, платформа переместилась к Дмитрию, застыв от него в паре метров, после чего закрепленные на платформе устройства развернули разнообразные антенны, датчики и зонды и стали изучать все доступные земной технике виды физических полей, присущих живым объектам, сконцентрировав особое внимание на записи полей, связанных с застывшим под деревом Дмитрием. Убедившись, что аппаратура заработала, Екатерина посмотрела на Трофимова. Тот увлеченно рассматривал что – то на другом дереве. Она подошла поближе.

– Видишь шрамы, – Александр показал на ствол дерева, – вот эти свежие, они могли быть получены при разрушении базы каким –нибудь осколком, а вот эти старые, при том их много, есть и поперечные и продольные. Как ты думаешь, кто или что могло бы их оставить, если здесь нет не только крупных хищников, но и микробов?

Катерина внимательно изучила находку Александра – действительно это были механические повреждения, некоторые напоминали следы от когтей.

– Очень странно, – только и сказала она.

В этот момент Дмитрий вышел из транса и встал . Все пошли к нему.

Лекарь сделал несколько двигательных упражнений, после чего сказал:

– Да... я в жизни побывал в различных состояниях, включая даже чисто стихийные – огня, воды, земли, воздуха, но вот пустотой без материальной оболочки я был впервые.

Никто ничего не понял, но от вопросов воздержались.

– Сейчас я вошел в контакт с одним небольшим объединением из множества обитающих здесь духов, – продолжил Дмитрий, и все невольно посмотрели по сторонам. – И понял, что давным – давно на этой планете жили лишь возникшие почти одновременно с возникновением самой планеты духи. Духи воды питались энергией океанов, рек и озер, а духи земли энергией всего, что растет на суше и того, что под ней до самого центра планеты. Изначально они не умели объединяться. Позже на планете возникли гигантские растения и животные. Но потом в силу каких – то космических причин произошло резкое изменение климата и пресной воды на планете стало меньше. Соответственно, все животные стали двигаться к тем немногим водоемам, которые уцелели. Чем нарушили спокойствие духов воды. А когда концентрация сил, связанных с другими живыми существами, достигла некоторого уровня, то она стала разрушать тела этих духов.

– Звучит как сказка, – тихо сказала Катя.

– Так вот, – продолжил Дмитрий, – духи воды стали сопротивляться. Как умели и могли. А могли они поначалу воздействовать только на такие же, как и они сами, нематериальные сущности. То есть они стали стараться изменять, исказить течение жизненных сил в обитающих у воды животных таким образом, чтобы уменьшить влияние этих сил на себя. Поскольку делать это стали все духи воды, то в какой то момент они ощутили, что могут суммировать, объединять свои усилия. И сразу вслед за этим произошло объединение и разумов осознавших это духов, что позволило каждому вовлеченному в объединение духу ощутить возрастание не только силы, но и понимания окружающего их мира. Так они научились накапливать и концентрировать свои силы. И уже коллективными усилиями духи воды стали искать способы максимально эффективного ослабления жизненных сил пасущихся возле водоемов животных. Ну, а что позволяет избежать изменений эффективнее всего? Естественно, устранение самого источника этих изменений. И объединенный разум духов воды быстро нашел способы таких изменений токов жизненных сил имеющих тела живых существ, которые приводили к их гибели.

Дмитрий присел на землю, Катя с Трофимовым последовали его примеру, а Носов продолжал стоять.

– Более того, – продолжил Дмитрий, – духи воды научились усваивать высвобождающуюся при гибели физического тела энергию. А дальше был уже только вопрос времени – и постепенно духи воды просто уничтожили всех животных. Причем поскольку ни одно животное без воды жить не может, то рано или поздно оно придет на водопой. Где его и ждала смерть. Одновременно с совершенствованием способов уничтожения источников возмущений своей жизни коллективные разумы по началу лишь отдельных рек и озер осознали, что вода непрерывна – и стали искать себе подобных. Так постепенно и при этом достаточно быстро возник общий для всей планеты разум духов воды. Который четко решил, что любые материальные живые существа представляют угрозу – и принялся планомерно уничтожать уже не только животных, но и рыб, и бактерии, и вообще все, что является живым и при этом имеет материальную оболочку. Постепенно они дошли и до растений. И вот тут духи воды столкнулись с духами земли, которые через растения усваивали силы ветра и здешнего дневного светила. Поэтому духам земли растения были нужны, в отличие, кстати говоря, от животных. И поэтому попытки духов воды уничтожать растения вызвала пробуждение защитных свойств уже у духов земли. В результате чего, как я понял, возник некий конфликт. Причем поскольку все растения, так или иначе, но зависят от воды, то духи земли не могли помешать духам воды проникать к растениям и губительно на них воздействовать. В результате им пришлось придумать, как убедить духов воды

не губить растения. Взамен на прекращение уничтожения растений духи земли предложили научить духов воды усваивать из растений энергию светила, а также поделиться с ними самой мощной силой планетарных глубин. А поскольку духи воды не могут усваивать этот тип силы напрямую, то у них с духами земли постепенно развился симбиоз. В результате которого постепенно возник и развился общепланетарный разум. И к настоящему времени все духи представляют собой своего рода стаю, объединенную общим сверхсознанием. А растения, кстати, стали своего рода дополнительными органами восприятия этого сообщества. Ну а поскольку никакие типы живых существ, кроме водорослей да растений, не были нужны ни тем, ни другим духам, то они уже совместно окончательно истребили все живое вплоть до самых мельчайших существ, которых, как я слышал, у вас на Земле принято называть вирусами и бактериями. Поэтому появление на планете живых, которые, к тому же, стали активно воздействовать на окружающую среду, было воспринято сообществом духов как угроза их стабильности и дальнейшему развитию. Ну, а поскольку привычные им методы воздействия на животных с целью их уничтожения не сработали – пришельцы оказались от них защищены, то духи земли предложили использовать силу недр и силу, насколько я могу судить из того небольшого, что я успел узнать, того, что у вас называют окружающим планету электромагнитным полем. Что они и сделали. И поэтому база землян была уничтожена именно извержениями и чем – то типа того, что вы у себя на планете называете шаровыми молниями – только здесь они были очень большими и сильными.

После недолгого молчания Носов спросил:

– Почему же они в этом случае пошли с тобой на контакт?

– Дело в том, что я умею, как бы это сказать – придавать своим тонким телам разную форму. Поэтому, почувствовав, что здешняя растительность связана сразу с обоими типами духов, я на время смог придать себе форму как бы растения и получить тем самым контакт со связанными в данный момент с ним духами. Ну а поскольку у них единое сознание, то каждый дух в принципе знает все, что знают все остальные вместе взятые. Другое дело, что отдельно взятые духи не обладают силой разума, достаточной, чтобы осмыслить то, что известно сверхразуму всего сообщества в целом. Но я то достаточной для этого силой обладаю – вот и смог понять, что хранит память этого сверхсущества, которое буквально повсюду на этой планете. Оно везде и нигде конкретно. Это было странное ощущение, новое даже для меня. Поскольку хотя духи есть и на моей планете, но там каждый из них по разумности даже превосходит среднего человека и поэтому их сообщества более локальны и более похожи на наши, человеческие, чем то, с чем я столкнулся здесь. Это удивительно!

– Это все, конечно, прекрасно, ну а по существу то – можем мы с ними договориться или любая попытка высадить на эту планету исследовательскую группу закончится их атакой? – обеспокоено спросила Егорова.

– Да уж, интересно бы узнать – ведь за этим мы, собственно, сюда и вернулись, – с волнением в голосе сказал Носов.

– В принципе, – задумчиво ответил Дмитрий, – они готовы допустить на планету чужих разумных живых, если те, то есть вы, земляне, договоритесь с ними о правилах поведения на планете.

– Да, дела... – протянул профессор.

– Гарчев, вы слышали? – спросил Трофимов.

– Да, – раздалось у всех по внутренней связи внутри шлемов. – Готовим еще одну «моську» с группой специалистов по контакту. Данные с аппаратуры Егоровой с параметрами изменения энергополевых структур Дмитрия во время контакта уже анализируются главным «искином», чтобы задать параметры матрицы контакта. Садитесь будем рядом с вами. Дайте нам дополнительный сигнал наведения.

Вторая «моська» приземлилась в десятке метров от первой спустя полчаса.

На всякий случай Гарчев после посадки сразу же выдвинул на периметр еще трех роботов защиты, хотя и понимал, что гарантии неуязвимости против тектонической подвижки или резкого скачка напряженности, например, гравитационного поля это не дает. Но это могло позволить выиграть время.

Причина катастрофы была ясна и поэтому в общем задание на этой планете можно было считать уже выполненным. Однако начальник экспедиции хотел попробовать по свежим следам закрепить успех первого контакта Дмитрия, установив коммуникацию с местным сверхразумом силами уже земных специалистов. Сделав это под присмотром со стороны инопланетного шамана, как иногда за глаза называли Дмитрия некоторые члены экипажа.

– Разворачивайте аппаратуру, – командовал Гарчев высадившейся из второй «моськи» группе специалистов – ксенопсихологов. – Настройте ее срочно на параметры, максимально близкие к тем, какие были у полевых и психоэнергетических структур Дмитрия.

И, уже обращаясь к Носову, спросил:

– По Вашей части можете что – то добавить полезного для контакта?

– Разве что параметры самих духов удастся выделить из фона этого дерева и окружающей его почвы, – сказал Носов. – Это можно хотя бы попробовать. Если у нас получится, то мы сможем обнаруживать появление этих самых духов и их концентрацию...

– Это все прекрасно, Владимир Григорьевич, но конкретно для текущего момента есть что – то полезное? – деловито осведомился Гарчев, выводя профессора из уже начавшегося процесса постановки очередной научной проблемы.

– Для того, чтобы выйти на контакт, среди моих данных ничего ценного пока нет, – с сожалением буркнул Носов и пошел к первой «моське», что – то бормоча по дороге себе под нос.

– Дмитрий, можете вы еще раз войти в то состояние, в котором Вы смогли проникнуть в мир духов? – спросила Катерина, помогая контактерам настраивать разнообразную аппаратуру.

– Конечно, – ответил Дмитрий.

– А пока вы там будете по миру духов путешествовать, эти самые духи нам тут извержение вулкана не устроят или в лепешку нас не сплющат?

– Не переживайте, – улыбнулся Дмитрий. – Их разум *принципиально* не способен лгать. И раз они пообещали, что сначала пообщаются с вами, то выполняют это. Ну, а дальше все уже от вас будет зависеть. А я постараюсь помочь, потому что теперь, раз побывав в их, если так можно сказать, шкуре, я могу стать как бы одним из них. И еще полнее соединиться с их общим разумом. А значит, если он задумает что – то агрессивное или ему что – то не понравится из того, что ваши переговорщики будут делать или предлагать, я смогу вас предупредить. Только вот есть одна закавыка – в этом состоянии я не смогу говорить. И поэтому надо придумать какой – то другой способ общаться с вами.

– То есть как это, – не выдержав, перебил Дмитрия Носов, – одним из них?

– Не одним из них, а как бы одним из них, – поправил его знахарь. – Я могу создать из своей Сущности подобие духа воды или земли. Достаточно похожее, чтобы единый разум принял меня за свою частичку.

– Так, давайте вернемся к вопросу о том, как Дмитрию, пребывающему в трансовом состоянии, все – таки получить возможность предупреждать нас о настроении и намерениях сверхразума, – взял на себя инициативу разговора Гарчев.

– Я могу попробовать настроить сканер ментальной активности на считывание определенных четких образов, – опять вступила в разговор Егорова. – И можно договориться, что если сверхразум станет чем – то недоволен в общении с нашими специалистами или, тем более, у него возникнет намерение предпринять в отношении нас некие агрессивные действия, то Дмитрий представит себе, например, череп со скрещенными костями. И мы сразу все поймем.

И уже обращаясь к знахарю, спросила:

– Вы сможете в этом состоянии вспомнить и представить некий простой символ, который мы Вам покажем?

– Конечно, – слегка удивленно ответил Дмитрий. – Глубина изменения моей Сущности еще не будет столь большой, чтобы я попал на уровень безобразности.

– Отлично, – произнес Гарчев с облегчением в голосе. – Катя, покажите Дмитрию символ пиратов...

– Пардон, если уж смотреть в корень, то Ордена тамплиеров, – улыбнулась Егорова.

– Да хоть масонов, – огрызнулся руководитель экспедиции. – Не отвлекайтесь, а то время идет. И вдруг этот самый сверхразум передумает. Так что за работу, коллеги, за работу!

– А мне что делать? – поинтересовался Трофимов.

– А ты, Саша, следи за безопасностью, – ответил Гарчев, направляясь в сторону дерева, под которым уже сидел Дмитрий.

Вокруг знахаря расположились две платформы с оборудованием контактеров, которые также сели рядом с лекарем и начали входить в измененное состояние сознания. Только, в отличие от Дмитрия, они для этого использовали аппаратные методики внешнего индуцирования определенных параметров их психофизических полей и биологической обратной связи.

– Ну что, Дмитрий, готовы? – с некоторым не свойственным ему волнением в голосе поинтересовался Гарчев. – Кстати, пока Вы не начали, скажите, а в какого из духов вы станете воплощаться – земли или воды?...

– Да в общем то, чтобы ощутить связь с их общим сверхразумом, это без разницы, – задумчиво ответил Дмитрий. – Но, пожалуй, сейчас я предпочту духа земли – это позволит мне тоньше и быстрее чувствовать именно те части сверхразума, которые отвечают за пробуждение сил недр. Которые для нас страшнее всего, поскольку от воды мы здесь далеко.

– Ну что ж, не буду больше отвлекать. Начинайте, – сказал Гарчев и направился к той «москве», на которой прилете он сам с группой контактеров. Трофимов же в этот момент исчез в люке первого орбитального челнока, чтобы с его борта подключиться к системе контроля сразу за всеми шестью роботами защиты.

На планете уже сгушались сумерки, когда Дмитрий, или правильнее будет сказать, часть его Сущности, так как тело его сидело под тем же деревом, подлетала к некоему, как представлялось внутреннему взору, образованию, напоминающему вращающееся одновременно и вокруг своей оси, и вокруг центра тяжести веретено с наматываемыми на него сразу со всех сторон нитями, приходящими словно из ниоткуда. На самом деле все эти нити, плотность которых по мере приближения к веретену стремительно нарастала, были ничем иным, как линиями сил, которые связывали друг с другом всех духов планеты. А веретено было средоточием этих связей, образующим единый сверхразум этого странного бестелесного живого и разумного существа, сознание которого охватывало сразу всю планету.

Он приблизился максимально близко к этому «веретену» и стал следить за его реакцией на натяжение и изменение цветов всех нитей, расположенных близко к тем, которые он выделил еще при погружении и принадлежавшие двум переговорщикам землян. Спустя некоторое время, которое здесь, в духовном пространстве, естественно, текло совершенно иначе, чем в той реальности, где сейчас пребывали тела Дмитрия и переговорщиков, он увидел, как нити, близкие к нитям переговорщиков, начавшим убеждать сверхразум планеты в полной безвредности для него пребывания на планете ограниченного числа людей и их техники, стали свиваться в светящуюся спираль. При этом он вдруг ощутил, что нить, представлявшую в этом слое Реальности его замаскированную под духа земли часть Сущности, которая тоже находилась близко к нитям переговорщиков, вдруг некая сила потянула к образующейся спирали. Сначала он инстинктивно засопровтивлялся этому притяжению, в ответ на что сила натяжения стремительно возросла. Надо было принимать решение – если он продолжит сопротивление,

то его нить разорвется и он утратит контакт со сверхразумом планеты. Включение же в спираль могло привести к неизвестным последствиям для той части его Сущности, которая сейчас путешествовала по миру духов. Решение надо было принимать быстрее, поскольку сила притяжения к спирали возрастала и нить, связывающая его «Я» с духовным пространством планеты, могла порваться в любой момент. И Дмитрий решил рискнуть – перестроив структуру той части своей Сущности, которая находилась сейчас в мире духов, таким образом, чтобы она обрела максимальную устойчивость, что несколько снизило ее чувствительность (но иного выхода не было – рисковать распадом части своего «Я» Дмитрию не хотелось), он позволил тянущей силе вплести свою нить в переливающуюся разными цветами спираль. И ощутил, как стал словно частью единой системы из сразу множества духов, расположенных в радиусе около ста дневных переходов от того дерева, под которым сидели тела его и двух землян. И сразу же ощущаемый им поток сведений о происходящем уплотнился в несколько раз. Причем, вместо символических представлений реальности, возникли конкретные картины, словно он стал видеть происходящее рядом с тем деревом «глазами», если так можно сказать об органах восприятия бесплотного существа, сразу всех тех духов воды, которые в этот момент находились непосредственно в почвенных водах, которыми питались корни дерева и земли, которые окружали дерево в его ближайшей окрестности. Он одновременно с разных точек зрения увидел и роботов защиты, и оба летака, и свое сидящее рядом с двумя другими под деревом тело, озабоченных Носова с Егоровой, которые сосредоточенно возившихся с механизмами на одной из передвижных платформ и троих людей из группы контактеров, с помощью других устройств следивших за состоянием тех двоих, сущности которых сейчас вели беседу с единым разумом этой планеты. Остальных людей видно не было – похоже, они все находились на бортах обеих «мосек».

В это мгновение что – то изменилось. Возникло ощущение, что переговорщики промыслили что – то не очень понравившееся сверхразуму, и он увеличил напряжение спирали наблюдения, притянув в нее еще множество нитей. Что в реальности означало стягивание к месту контакта большого числа духов земли и даже воды – через подпочвенные воды. С ходу разобраться, что обеспокоило единый разум планеты, Дмитрий не успел, но надо было что – то срочно предпринять, чтобы снизить возникшее напряжение. И тогда он решился пойти на риск.

Дмитрий молниеносно рванулся вперед и оказался прямо рядом с веретеном прежде, чем сгустившиеся в направлении его броска нити успели преградить ему путь. И оказавшись как бы на поверхности веретена, Дмитрий сумел не понять, но ощутить те напряжения в единой структуре сверхразума, которые были связаны с общением с чужаками. А дальше он стал действовать как лекарь, начав снимать эти напряжения, одновременно ища и устраняя причины их возникновения. Что выразилось в воздействии на вызывающие эти напряжения две нити, связывавшие сверхразум планеты с разумами чужаков. Уже потом, вернувшись в свое тело, Дмитрий узнал, как восприняли эти его воздействия сознания двух контактеров – им буквально заблокировало некоторые участки подсознания, наглухо закрыв их от проникновения чужих и даже своих собственных психических импульсов, а также изменило часть посылаемых ими образов и получаемых ощущений от контакта. Поскольку, как потом выяснилось при анализе записанных данных с приборов, а также ощущений, которые в эти мгновения испытывал сам Дмитрий, сверхразум не только обдумывал то, что ему передавали контактеры, но и одновременно тонко зондировал реакции их Сущностей на пребывание в мире составлявших его духов, а также структуры их собственных духовных миров, называемых землянами бессознательным. И именно некоторые из возникших у контактеров ощущений от нахождения в этом пространстве чистого духа обеспокоили сверхразум, вызвав реакцию усиления защитных сил. Что и стал исправлять Дмитрий своими методами.

Но все это выяснилось много позже, а в эти мгновения лекарю удалось таки спустя некоторое время добиться того, что возникшее было напряжение пропало. Однако сверхразум словно решил взять время для размышления и поэтому резко оттолкнул от себя нити земных переговоров. После чего и Дмитрий решил покинуть мир духов.

Носов, все это время наблюдавший за показаниями аппаратуры, расслабился – возникшие было нарастания на границах установленного роботами защитного периметра напряженностей электромагнитных полей и даже спин – торсионных полей стали спадать. Сидящий перед пультом оператора связи с «Пересветом» Гарчев скомандовал отбой данной секундой ранее команде на старт группы прикрытия, а сидящий в другой «моске» за терминалом управления роботами Трофимов облегченно выдохнул, но уменьшать поднятую также секундой ранее напряженность защитных полей не стал.

Гарчев связался с Екатериной, которая с помощью своей аппаратуры контролировала состояние Дмитрия:

– Ну, как там дела у нашего шамана?

– Он зашевелился! – послышался ответный возглас Кати.

Гарчев мгновенно соединился с группой наблюдения ксенопсихологов:

– Что у вас происходит? Как состояние контактеров?

– Да, вроде ничего, – ответил старший группы. – Параметры физиологии в пределах допустимых отклонений и, судя по всему, местный сверхразум взял тайм – аут. Так что ребята возвращаются из своего внетелесного путешествия.

– Всем сворачивать аппаратуру и возвращаться на челноки, – приказал Гарчев. – Через десять минут стартуем обратно на корабль. Трофимов, держи периметр до момента погрузки, а потом «мухой» гони роботов на борты.

– Есть, – ответил тот.

– Пилотам – увеличить напряженность полей защиты «мосек» и вывести двигатели в стартовый режим.

– Принято.

– Ну вот и ладненько, – внешне спокойным тоном произнес Гарчев свою обычную приказку, которую говорил всегда в опасных ситуациях, когда спадало напряжение.

Контактерам пришлось помогать дойти до шаттлов, поскольку им контакт с миром духов дался гораздо тяжелее, чем Дмитрию, который, казалось, словно и не путешествовал в иной реальности и сразу после возвращения в обычную реальность стал спокойно разговаривать с Катериной, заодно помогая ей складывать аппаратуру.

– И все таки я не понимаю, – пожала плечами Катя, – почему они все – таки пошли на контакт? У меня они ассоциируются больше с саранчей, которая пожирает все вокруг себя, нежели с разумным существом, с которым можно о чем – то договориться.

– А что такое саранча? – спросил знахарь.

– Ну, это насекомые такие... Которые порой поедают всю растительность на пути своего движения... Дмитрий, тебе срочно надо начать осваивать наши знания. Иначе уже порой становится трудно общаться. А ведь еще и нам надо постараться разобраться в том, как ты делаешь многие свои чудеса.

– Это не чудеса, а просто использование свойств природы, которых вы почему то не чувствуете. Но я согласен, что мне пора выучить ваш язык и ваши знания, чтобы суметь лучше понимать вас и объяснять вам то, как понимаю явления мира я. Как только вернемся на корабль, сразу начну, – улыбнулся лекарь. – А вы мне можете?

– Хорошо, – Катерина обвела взглядом место, где стояла аппаратура, и, убедившись, что ничего не забыли, отдала голосовую команду робо – платформе и пошла в сторону корабля. Дмитрий последовал за ней.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – кинула она через плечо, – почему они пошли с нами на контакт?

– Я не знаю пока, о каких насекомых вы говорили, но могу точно сказать, что коллективный разум духов намного превышает разум любого животного, которого я когда – либо встречал, включая человеческий. У них свое развитие, которое им нравится и, они не хотят никакого вмешательства чужих в жизнь на своей планете.

– Но они же истребили все живое на своей планете, только потому, что решили, будто они мешают их развитию. А это неправильно...

Они уже подошли к «моськам», возле которых стояли и другие члены экспедиции.

– Видите ли, Катерина, мне показалось, что когда общий разум духов заволновался, то это было связано с тем, что он ощутил в ваших переговорицах некие присущие вашей расе в целом принципы ее действий. Какие именно, я понять не успел – некогда было. Но что – то этому Единому Духу сильно не понравилось. Нечто такое, из – за чего, думаю, и уничтожили Вашу станцию.

За этим разговором Егорова и Дмитрий поднялись на борт своей «моськи», где, пристегнувшись к противоперегрузочным ложементам, возобновили разговор. Который внимательно стали слушать и находящиеся рядом Гарчев, Носов и Трофимов. Пилот поднял «челнок» в воздух и разговор продолжился уже в полете.

– Да, я не спорю, что духи ошиблись, полагая, что причина из болезни – животные, но какая цивилизация не допускает ошибок?

Носов, протиснувшись поближе к Дмитрию, сказал:

– Помниться я читал, и у нас на Земле, столкнувшись с незнакомым вирусом, который уносил жизни людей, переносчиками которого были перелетные птицы, стали нещадно уничтожать птиц. Причина, когда выяснилось, оказалась в совершенно другом...

– Но, надо же их как – то предупредить, помочь... – взволнованно сказала Егорова.

– Уже не надо, – Дмитрий поставил ящики на платформу, – дело в том, что мне удалось распутать нити – поля, которые пагубно на них влияли, может они еще не осознали этого, но скоро поймут, что болезни нет и бояться им больше некого.

– Старт через три минуты, всем зайти в «моську», – раздался голос Гарчева.

И тут произошло, что – то невероятное. Со всех сторон вокруг земного аппарата появились маленькие фонтаны огня, которые мерцали, прыгали, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах.

Среди членов экспедиции появилась паника, они испугались, что следом за этими фонтанами последует взрыв, и все кинулись в корабли. Один Дмитрий стоял, не шевелясь, глядя куда – то в даль.

– Дмитрий бежим скорее, – Катя подбежала к нему и потянула за рукав. Но Дмитрий не пошевелился.

– Дмитрий, – раздалось по громкой связи, – немедленно на борт.

Фонтаны огня начали переливаться различными цветами, и выбрасывать небольшие языки пламени в небо.

Знахарь, очнувшись, посмотрел на Катю, которая продолжала дергать его за рукав и просить уйти.

– Не бойся, – улыбнулся он, – они так благодарят и прощаются с нами.

Услышав эти слова, люди, немного побаиваясь, но вышли опять наружу.

Теперь фонтаны стали просто огромные и напоминали гигантские бенгальские огни.

Этот танец огня завораживал. Все стояли и смотрели с неммым восторгом на это чудо.

– Все на погрузку. Пора возвращаться на корабль, – опять послышался голос Гарчева.

Кто – то попытался что – то сказать, кто – то махал руками невидимым жителям. Дмитрий обнял за плечи Катю, и, улыбнувшись, сказал:

– Пойдем, нам здесь делать больше нечего.

Глава 7. Среди звезд. Миры окраины – система «Зонтик»

Перед прыжком к следующей цели экспедиции, на Землю согласно регламенту отправили отчеты по Ультару. Мало ли что может случиться с кораблем в новой точке прибытия. А заодно на Земле искины мощнее, ученых больше, да и взгляд у них более отстраненный. Вдруг заметят закономерности, которые эмоционально вовлеченные в события члены экспедиции проморгали.

Сразу после выхода из прыжка вся экспедиция готовилась к посещению следующей планеты – изучались материалы, посланные с располагавшейся там базы. Из них следовало, что на этой планете нет больших материков и суша представлена лишь островными архипелагами. Местные жители – гуманоиды, могут дышать как жабрами, так и легкими, имеют выдерживающие большие давления, веретенообразные туловища, короткие ноги и руки. Они чем – то похожи на смесь пингвина и тюленя (голова тюленя, прикрепленная к туловищу пингвина, лишенному перьев, зато имеющего кожу и жировой слой как у тюленя и шестипалые руки), за что земляне условно прозвали их "пингвиноидами".

Планета попала в список неблагополучных, т. к. у персонала базы возникли странные симптомы. В ходе проведенных экспресс – исследований было выявлено, что на острове, где была расположена база землян, произошла мутация морских и почвенных бактерий, которые, образуя колонии и действуя в синергизме друг с другом, вдруг начали вырабатывать чрезвычайно летучий нейротоксин, способный проходить через фильтры биохимической защиты и устойчивый ко всем известным землянам антидотам. И при этом абсолютно безвредное для планетарных форм жизни. Или те имеют к нему стойкий иммунитет. А вдобавок к этой напасти в районе острова произошел также выброс из – под воды бесцветного и не имеющего запаха газа, который при соединении с воздухом образовал аналог бинарного боеприпаса объемного взрыва, детонирующего от любых высокоэнергетических процессов. Что привело к одновременной гибели двух флаеров с группами исследователей на борту. Выбросы такого газа стали периодическими и, что самое удивительное, пока так и не удалось найти источник их возникновения. То ли это был продукт жизнедеятельности каких – то живущих в воде микроорганизмов, которые принесло сюда течением и с которыми ранее земляне не сталкивались, то ли результат каких – то процессов на дне сродни вулканическим – но никаких сейсмических толчков зафиксировано не было. Однако непредсказуемое появление этого газа в атмосфере сделало крайне затруднительным полеты аппаратов землян и использование ими наземной техники. Теперь вблизи острова можно было безопасно перемещаться только на пожирающих уйму энергии антиграввах, полностью загерметизировав корпуса всех машин. Энергостанцию тоже пришлось практически загерметизировать.

Носов, прочитав последний отчет, почесал в затылке и сказал:

– Не нравится мне все это. Хотя вполне возможно, что мы умудрились поставить базу именно на том единственном на планете острове, где происходят такие вещи, – кивнул он на груды разбросанных по столу бумаг.

Рядом с ним в кабинете еще находились главный биолог, сейсмолог, руководитель химико – физической группы и еще несколько человек.

– Не похоже, Владимир Григорьевич, – задумчиво произнес биолог. – Вчера на общем обсуждении данной ситуации, помните, Гарчев сказал, что перед тем, как поставить базу, были проведены всевозможные исследования и после их обработки было получено разрешение. Так что бактерии начали мутировать и вырабатывать нейротоксин уже после того, как появилась база и начались работы.

– Да знаю я все это, – отмахнулся Носов. – Но может не все смогли проверить. А может и впрямь течение какое пришло с этой дрянью.

– Что касается выбросов газа, то как следует из отчетов, они тоже появились уже после того, как поставили базу, – добавил сейсмолог. – И если они из трещин в дне, то почему нет никаких признаков извержений?

Носов плюхнулся в кресло и сделал несколько поворотов на 90 градусов.

– Получается, что и здесь нам не рады. Просто мистика какая – то, – сказал он. – А я не верю в такие вещи. Должна быть некая скрытая причина и мы обязаны ее выяснить.

Последнюю фразу Носов произнес немного передразнивая Гарчева, который закончил вчера общее собрание примерно такими же словами.

Дмитрий после общего собрания вернулся в свою каюту в состоянии задумчивости. Несколько дней прошло с того момента, как они покинули Ультар. Он улыбнулся, вспомнив, как Катерина внимательно изучала свои исследования по состоянию и изменения параметров его, Дмитрия, организма во время погружения в тонкий мир духов. Как она просто не находила себе места и была дико раздражена, не понимая, как могли происходить подобные перемены в теле и окружающих его и проходящих через него потоках силы. И, в конце концов, сдалась, отправив все материалы на Землю.

Дмитрий достал свой дневник, который решил вести, чтобы записывать все вызванные путешествием мысли и еще раз прочитал написанное вчера вечером:

«Мир под названием Ультар.

Был в новом для меня состоянии, грубо – пустотой без материальной оболочки. Местные жители – духи, пошли на контакт с предосторожностью...»

Далее следовало описание уже известных событий, которые он быстро пробежал глазами и остановился на последней фразе:

«Я помню, что мне сказал голос перед этим путешествием и должен пытаться понять, КАКИЕ ЖЕ ТАКИЕ ОШИБКИ совершили и продолжают совершать земляне в своей экспансии в другие миры. Ответа пока нет».

Дмитрий закрыл дневник, заказал обед и, вспомнив про данное Катерине обещание начать обучение земной культуре, по внутренней связи договорился встретиться с ней в библиотеке.

Обучаться с помощью нейротранслирующих обучающих интенсив – систем (НОИС) было очень легко. Садись в полупрозрачное кресло, надеваешь на голову что – то похожее на большой круглый колпак с торчащими из него во все стороны усиками и у тебя перед глазами начинают появляться разные образы, а в голове звучат голоса. Позавчера, когда он попробовал этот способ обучения в первый раз, Дмитрий даже испугался, что земляне хотят захватить его сознание, и сразу отключил свое восприятие. Происходящее было очень похоже на некоторые практики атак разума, которые показал ему Мирослав, чтобы научить защищаться от них. И лишь заглянув в Сущность Екатерины и уверившись, что у той и в мыслях не было ничего подобного, он попросил время, чтобы подготовиться и попробовать еще раз. И вчера он смог придумать, как допустить в свой разум эти вносимые извне знания, одновременно контролируя процесс, чтобы не допустить проникновения вместе со знаниями чего – то лишнего. Фактически он создал у себя в голове некую защищенную область разума, из которой он мог наблюдать за процессом усвоения новых знаний и чувствовать, если ему что – то казалось опасным. Тогда он сразу же прерывал восприятие. И уже потом разбирался, что же ему не понравилось. И если захочет, то сможет выучить это уже сам, обычным способом, а не путем прямого посылы этого ему в голову. Тем более, что методами быстрого усвоения знаний и навыков он владел неплохо – не зря Мирослав уделял им особое внимание.

Сквозь шлем Дмитрий сказал, что готов к очередному сеансу и Катя запустила первую часть программы. И сразу же у Дмитрия возникло ощущение того, что он будто вспоминает то, что когда – то знал.

А Екатерина в очередной раз порадовалась за то, что земной науке удалось создать такую технологию обучения. Ведь уже через час Дмитрий сможет говорить на всех земных языках, включая интерлингв (общеземной язык) и оперировать многими общими земными понятиями, понимая их смысл. А спустя неделю таких занятий будет знать о земных достижениях и различных учениях, которые были на Земле, включая философские и религиозные направления и основные постулаты земных отраслей знания и наук. В результате накопленные тысячами годами знания будут освоены в течении максимум 12 – ти полуторачасовых уроков.

Катерине очень хотелось пообщаться с Дмитрием, понять его внутренний мир, отношение к различным вещам, но из – за разных образов мировосприятия сделать это было достаточно трудно, и поэтому содержательного разговора пока не получалось. Вскоре же все должно было измениться.

Он был ей симпатичен. Правда, то, что он – инопланетник, да еще и с необычными способностями, которые она пока не смогла понять, немного настораживало. Но одновременно интриговало. Впрочем, несмотря на все эти нюансы, она точно могла сказать, что знахарь был по – настоящему хорошим, хм, человеком.

Время пролетело незаметно и Дмитрий, закончив первый урок, открыл глаза.

– Вот и все, – сказала ему Катя на интерлингве. – Сейчас вам надо пойти в свою каюту и немного отдохнуть, а завтра можно будет продолжить обучение.

– А можно сегодня? – ответил Дмитрий также на интерлингве. – Я понял ваши языки почти без усилий и ничуть не устал.

– Сегодня? – засмеялась Катерина. – Не ожидала от вас такого рвения. Курс обучения специально разбит на несколько частей., И это не я придумала, а разработчики данной технологии. Поэтому нет, нельзя. Слишком велика нагрузка на мозг, что может привести к нарушениям в его работе.

– Ну, Катенька, – Дмитрий просяще посмотрел ей в глаза. – Эта программа разработана для обычных людей, а я, поверь, справлюсь. Обещаю, что если я почувствую хоть малейшую перегрузку, я сразу же остановлюсь.

– Зачем тебе это? – строго спросила Егорова, также перейдя на «ты». – Обучение и так занимает немного времени – всего несколько дней.

– Насколько я знаю, через несколько дней мы будем уже у другой планеты...

Дмитрий не успел закончить. Катерина поняла, что сейчас будут приведены многочисленные веские доводы и аргументы, и, махнув рукой, кивнула:

– Ну что с тобой поделаешь! Вот уж действительно, охота пуще неволи.

– Огромное тебе спасибо, – Дмитрий так обворожительно улыбнулся, что Катя не удержалась и улыбнулась в ответ.

Через несколько дней, когда основная исследовательская группа приземлилась на ближайшем острове того же архипелага, находившемся в получасе пути на скоростном катере или пяти минутах лета от острова, где находилась база, Дмитрий предложил Гарчеву идею, показавшуюся очень интересной всем членам экспедиции. Лекарь попросил построить из местных материалов плот и выбросить его на нем недалеко от одного из островов, где живут аборигены. Чтобы он как бы приплыл к ним с некоего другого очень далекого от них острова. Эта идея была принята на общем обсуждении единогласно, поскольку только Дмитрий обладал способностями проникать во внутренний мир других существ. Самому же Дмитрию в этой затее не нравилось то, что он вынужден будет обманывать. Это было противно его внутреннему «я», но иного способа сблизиться с аборигенами, побольше узнать про них и их образ жизни и тем самым помочь землянам, не было. Используя оборудование корабля, ему изготовили одежду

из местных материалов, а также, имитируя работу местных инструментов, срубили и связали плот. И приготовили из местных растений нечто типа бумаги и чернил, нарисовав с их помощью карту части архипелага, нанеся на нее острова, ближайšie к тому, где жили пингвиноиды и расположенные по пути, которым, согласно заготовленной легенде, плыл Дмитрий. За точку отправления обозначили самый дальний остров, почему то совершенно лишенный разумных жителей. До него, согласно данным с одного из геостационарных спутников наблюдения, никто из живущих на разных островах племен еще ни разу не добирался. А значит, можно было безбоязненно говорить про эти земли все, что угодно. Согласно легенде Дмитрий ищет, есть ли жители на других островах, и рисует карту их расселения по поверхности мира.

Когда все приготовления были завершены, плот с Дмитрием спустили на воду возле ближайшего большого острова, на котором жило крупное племя пингвиноидов. Знахарь вздохнул полной грудью свежий морской воздух и принялся грести, направляясь в сторону еще не появившейся на горизонте суши. Хотя земляне и создали ему морской загар, мозоли на руках и прочие атрибуты человека, прошедшего в море многие дни, ему требовалось еще войти в образ морского путешественника. Этот образ должен был появиться и внутри, чтобы было что предъявить какому – нибудь местному шаману, ежели таковой вдруг объявится. А заодно он хотел во время своего плавания максимально ощутить состояние энергетики этой планеты и настрой того, что земляне называли ноосферой. Поэтому Дмитрий попросил посадить его так далеко, чтобы он плыл до острова пингвиноидов суток за трое.

И вот спустя это время он греб к острову, на берегу которого увидел местных жителей. Те, заметив его лодку, оставили свои занятия и молча наблюдали за ее приближением.

– Рады приветствовать тебя, незнакомец, – пронеслось у него в голове.

«Телепатия», – подумал Дмитрий, настроился и также телепатически передал ответное приветствие.

Когда он сошел на берег, толпа несколько расступилась, и навстречу ему вышел, по всей видимости, вождь племени. Дмитрий передал ему мысленно, что он путешественник с дальних островов и очень рад встрече, потому что местные жители – первые разумные существа, которых он встретил с того момента, как он отплыл от своей Родины. Далее он кратко изложил свою легенду и попросил пристанища на несколько дней. А также попросил, если местным жителям известно что – то о других островах, где также живут разумные существа, указать ему туда путь.

Дмитрия удивило, что, как оказалось, общается он не только с вожаком. По пронесшимся у него в голове многочисленным мыслям – образам он понял, что их обмен мыслями слышен всем собравшимся на берегу. Эти существа не скрывали друг от друга своих мыслей и чувств!

– Иди за мной, я найду тебе место, – передал вождь, – а потом расскажешь нам, как живут на твоей Родине. И мы подумаем, чем мы сможем тебе помочь.

Дома в деревне, у кого – то больше, у кого – то меньше в размерах, удивили Дмитрия тем, что с виду они были из дерева, но какие – то гладкие, без щелей и выступов, которые образуются при строительстве из бревен, даже если их специально обтесывать. Глава племени показал Дмитрию его временное жилье и попрощался. Знахарь зашел в дом и удивился еще больше. Внутри все было очень уютно. Практически вся мебель была сделана из материала, напоминающего земные кораллы разных цветов, запомнившиеся почему – то Дмитрию во время обучения, и выглядела очень красиво. Здесь был и стол, и изящно изогнутый стул, большая кровать. Матрац на кровати был из переплетенных между собой трав или водорослей. На стенах – различные рисунки и выложенные разными камешками узоры. Сама комната была не больше двадцати метров, но за счет правильной планировки казалась значительно больше. Но основное, что удивило Дмитрия – это то, что прикоснувшись к стене рукой, он ощутил, что дом *живой!* Он был стволом живого дерева! А значит и вся деревня представляла собой рощу таких деревьев. Интересно, как местные жители научились выращивать подобные чудеса природы?

Дмитрий подошел к столу и только сейчас обратил внимание, что и причудливой формы кувшин, который он принял за статуэтку, и стакан рядом с ним, и вся другая посуда, которая стояла на полочках была сделана тоже из такого же материала, что и мебель. Исключение составляли предметы, которые Дмитрий определил как тарелки. Они были сделаны из дерева.

Знахарь лег на кровать. Ведь для правдивости его истории нужно было сделать вид, что он отдыхает после тяжелого путешествия. Он расслабился и стал настраиваться на общий ментальный фон аборигенов.

Через несколько часов лекарь вышел из своего жилища и пошел прогуляться по деревне, постоянно сталкиваясь с приветливыми взглядами «пингвиноидов». В центре деревни находились большие стеллажи, собранные из местных деревьев. Туда жители складывали только что пойманную рыбу, водоросли и нужные им камни.

Уже темнело, и Дмитрий обратил внимание, что нигде не видел костров. В этот момент к нему подошел вождь и пригласил последовать за ним. Вскоре они оказались рядом с океаном, где уже были почти все жители. И там был свет...

Дмитрий увидел возле берега большую стаю рыб с небольшими рожками, на кончиках которых были маленькие фонарики. Пингвиноиды брали их своими короткими ручками и клали в до краев наполненные водой миски. А рыбы даже и не пытались уплыть, как будто для них это было привычное занятие. Каждый, кто уже взял себе необычный живой светильник, усаживался в большой круг и знахарь догадался, что все собрались послушать его рассказ о жизни на далеких островах, откуда он якобы приплыл.

Он не стал брать себе такой фонарик, а просто уселся рядом с вожаком.

– Всем любопытно, – начал телепатический разговор вождь, которого звали Тифор, – как живут разумные на других, дальних островах. Наши путешественники, кто вернулся из странствий, рассказывали, что бывали на островах, где живут такие же, как мы и их способы жить похожи на наш. Мы даже наладили контакты с одним из таких племен и пусть не часто, но встречаемся и обсуждаем жизнь. Поэтому мы сможем показать тебе пути к ним. Но с таким разумным, как ты, мы сталкиваемся впервые. Похоже, ваш народ идет путем, отличным от нашего. Да и внешне мы отличаемся довольно сильно. Поэтому нам, конечно, очень интересно, как живут там, где ты родился?

Дмитрий на несколько секунд закрыл свой разум и задумался. Он чувствовал, что если начнет придумывать о несуществующем народе, то «пингвиноиды» это сразу почувствуют и ни к чему хорошему это не приведет. Поэтому он решил рассказывать правду о своем народе, выдав его за тот, который якобы живет на очень далеких островах.

– В отличие от вас, мой народ больше живет на суше, и как вы могли уже заметить, в строении наших тел есть значительные отличия. Развитие человека и его внутренних способностей, вот, пожалуй, один из тех путей, по которым идем мы... Но при этом мы также создаем разного рода приспособления, которые позволяют нам облегчить работу или сделать действия, не доступные нашему телу. А еще мы активно используем огонь.

Весь разговор происходил телепатически, поэтому Дмитрий старался случайно не передать образ планеты, который он видел из космоса. Ведь иначе его сразу же разоблачили бы. После того, как он мысленно показал аборигенам лук со стрелами и как он стреляет, очаг с огнем, на котором готовили пищу и телегу, запряженную лошадью, все присутствующие на берегу весьма оживились и стали обмениваться мыслями и эмоциями, которые не то, чтобы закрыли от него, но делали это так быстро и направленно друг другу, что он просто не успевал разобраться в возникшей чехарде мыслеобразов.

Когда волнение улеглось, он продолжил свое повествование. И в частности, стал рассказывать про то, что знал лучше всего – как у них лечат.

Узнав о том, что он знахарь, трое местных лекарей тут же начали спрашивать о том, как он врачует различные заболевания. И тут опять Дмитрий чуть не попал впросак – ведь местных

трав он не знал, и, соответственно, образов для их представления у него не было. Поэтому отвечать пришлось обтекаемо:

– Для того, чтобы понять причину возникновения заболевания и исправить ее, мне приходится ощущать потоки течения жизненных сил в теле больного, а потом восстанавливать их правильное распределение в теле в соответствии с временем суток и другими ритмами посредством различных трав и настоев из них.

– Феорий, Нанбег и Кеори, я понимаю ваш интерес, – помыслил вождь. – Это действительно очень важная тема, но поговорите со странником позже. Поскольку для большинства интереснее узнать побольше о том, как живет племя нашего гостя в быту.

Дмитрий передал им образы животных, запряженных в повозки, строений, механизмов, те которые мог вспомнить, кузницы... А потом попросил помыслить ему в ответ, как живут сами хозяева острова. И тут выяснилось, почему они столь бурно реагировали на его демонстрацию огня и разных приспособлений. Аборигены не только не пользовались огнем, но даже и не знали о его существовании. Рассказ начал вождь – создаваемые им образы проносились в голове лекаря очень быстро и при этом четко складываясь в общую картину. Оказалось, что «пингвиноиды» – очень древняя раса, когда – то обитавшая на большой суше. Они хранят и передают из поколения в поколение наборы мысленных образов и рисунки, выбитые на больших камнях, повествующие об истории их народа еще со времен до Большой Волны. Когда многие ныне разрозненные племена и народы жили на одном общем материке. А эта самая волна была вызвана несколько тысяч лет назад падением в океан звезды. В результате чего их земля была расколота на множество маленьких частей, расстояние между которыми с годами постоянно увеличивалось. Они не исключали того, что где – то на очень далеких островах остались племена, которые живут на суше и поэтому, увидев Дмитрия, они очень обрадовались, что их догадки подтвердились. В тоже время их племя, для того, чтобы выжить на острове, где не оказалось никаких крупных сухопутных животных, было вынуждено питаться исключительно дарами моря и плодами растений. Места на острове для всех выживших все равно не хватало и их предки научились строить плавающие дома и освоили водную стихию. Ну а поскольку они умеют силой намерения трансформировать свои тела (Дмитрий аж вздрогнул, увидев представленные образы – по понятиям его планеты это был один из высших разделов магии), то со временем у предков его радушных хозяев появились жабры и укоротились руки и ноги. И так как большую часть своей жизни они стали проводить в воде, то постепенно развили самый удобный там способ общения – телепатический. Кроме телепатии они обладают еще и даром суггестии, а также воздействия на физическую сущность других существ. Тут Дмитрий понял, что в земных терминах аборигены этой планеты, занимаясь перестройкой своих тел с помощью мыслей, нашли способ делать это же и с другими живыми организмами – то есть мысленно перестраивать геном! И тем самым, не имея и не используя огня, они научились **ВЫРАЩИВАТЬ** нужные им формы водорослей, кораллов и растущих на острове немногочисленных пород деревьев, которые и давали им материалы для строительства жилищ и съедобные плоды. Причем большая часть жилищ представляла собой собственно дерево одной специально выведенной породы, видоизмененное нужным каждой семье образом с помощью постоянного воздействия, направленного на него с момента посадки почки в землю. Примерно таким же способом аборигены выращивали измененную в сторону увеличения размеров, вкусоности и полезности рыбу, удерживая косяки, или, скорее, в данном случае, своего рода рыбы стада вблизи от своего острова. Иногда приходящие из океана течения или бури уносили стаи выращенных рыб, и тогда они мысленно приманивали другие и начинали изменять уже их в нужную сторону. И им приходилось регулярно отпугивать приплывающих из морских глубин хищников, которые так и норовили съесть их рыбные стада. А еще они умели договариваться с большими морскими животными типа земных китов, используя их для перевозки по морю грузов до ближайших островов, где жили похожие на них разумные.

В общем, Дмитрий понял, что, выражаясь земными понятиями, аборигены этой планеты создали и развивали биологическую, а не техническую цивилизацию. Но самое интересное заключалось даже не в этом. Аборигены, как смог почувствовать Дмитрий, просто не имели в своем ментальном и эмоциональном внутренних мирах таких присущих землянам и, хотя и гораздо в меньшей степени, жителям родной планеты самого Дмитрия понятий и чувств, как конкуренция, злость, ненависть, зависть и война! И управлялись они тоже очень необычно. Тот, кого он мысленно обозначил для себя как вождя, на самом деле был избран всем племенем как самый удовлетворяющий тем качествам личности, которые нужны были для координации действий всех остальных, причем не во всех случаях, а лишь когда для достижения результата требовались усилия большей части жителей острова. Хотя, казалось бы, что нужно координировать у существ, способных передавать другу другу непосредственно мысли и ощущения? Однако Дмитрий еще со времен ученичества у Мирослава, когда вживался в обитающих на его родной планете коллективных насекомых типа земных муравьев и пчел, понял и ощутил, что много даже прямо общающихся разумов без некоей направляющей их воли и неких гармонизирующих, как сказали бы земляне, фильтров, отсекающих мысли, не имеющие отношения к общему делу. Вот вождь и был наиболее приспособленным обобщать мысли членов племени и направлять их совместное течение. Пока Дмитрий обдумывал это, тот самый «вождь» продолжал свое мысленное повествование:

– Еще очень давно, почти сразу после пришествия Великой Волны, племена, которые живут там, откуда я приплыл, включая и мое, заключили договор, который ограничивает возможность проявления подобных чувств и осуждает тех, кто им поддается. Мы стараемся воспитывать детей так, чтобы у них подобных состояний и побуждений вообще не возникало, – Дмитрий передал аборигенам ощущения чувств злости, ненависти, зависти, соперничества, – но иногда они все равно возникают и приходится с ними бороться. Неужели ни у кого из вас не возникало таких чувств?

– Может быть когда – то давно, когда мы были одним с вами народом, – Дмитрий почувствовал, как к мыслям вожака присоединились и другие, – но сейчас я точно могу сказать, что ни в одном из нас никогда не жило ни одного такого чувства. Из поколения в поколение наши дети воспитывались в духе добра и сотрудничества, с желанием помогать друг другу. Кроме того, наши предки в течение многих поколений специально воздействовали на себя и свое потомство, чтобы исправить те повреждения в их Сущностях, которые приводили к возникновению подобных состояний ума. И поныне мы еще при зачатии детей следим, не проявляется ли в его Сущности что – то, что способно в будущем породить отклонения от нашего образа мира. И, если таковые обнаруживаются, что хотя и очень редко, но случается, то мы их исправляем еще в утробе матери. Поэтому наши дети, можно сказать, с молоком матерей усваивают именно такой образ мышления. А по мере взросления и все более полного участия в жизни племени то, что заложено с детства, только укрепляется. И понятие зла нам знакомо только из древних легенд и воспринимается нами как нечто чужеродное, подлежащее искоренению. Каждый член нашего общества самостоятельно выбирает себе занятие, которое ему нравится. И может поменять, если пожелает. Но если он единственный, кто владеет каким – то нужным для племени навыком, то прежде чем заняться чем – то другим, он должен найти и выучить того, кто его заменит.

– А если всем захочется, ну, например, изучать небо или путешествовать и никто не захочет выращивать и пасти рыбу, как вы поступите в таком случае?

– Я не понимаю тебя, пришелец. Так просто не может быть, потому что еще в утробе матери мы чувствуем, к чему будет предрасположен и приспособлен тот или иной ребенок и поэтому растим его с самого детства, обучая именно тем занятиям, которые будут у него получаться лучше других. Ну а поскольку у нас равно почетны все члены племени, вне зависимости от того, чем они занимаются, то те, кому нравится ловить рыбу – ловят ее для всех, те кому

нравится строить – строят, а те, кому нравится пестовать детей – помогают в этом другим. И их никто не заставляет делать именно это. Они сами хотят. Потому что именно это смысл и жизни. Мы учились такому подходу к жизни у природы. Она дарит нам разнообразные растения, полезных рыб и многое другое. И в ней все находится в равновесии. Так почему же мы, наделенные разными способностями и осознающие это, должны жить иначе? Каждый из нас находится на своем месте и равно уважаем за свой труд. Мы словно заполняем пустоты друг друга. Если бы большинство захотело быть созерцателями, наш народ развивался бы этим путем, но остальные вполне смогли бы выращивать рыбу и все необходимое для жизни. При этом они не были бы менее или более уважаемы, чем те, кто предавался бы размышлениям и искал пути в неведомое. Наши предки решили жить так, чтобы брать от природы лучшее и удалять то, что в ней есть плохого, включая агрессию и желание взять от мира больше, чем другие. И мы считаем, что это разумно и правильно.

– А еще мы научились объединять свои сознания и каждый из нас постоянно чувствует все то, что чувствуют все остальные. Если ребенок на другом конце острова упал и ударился о камень, то его боль передается всем нам и мы все посылаем ему нашу поддержку. А если вдруг кто – то влюбился, то мы все ощущаем его радость, – вдруг отчетливо проявилась в голове Дмитрия еще чья – то, помимо вождя, мысль.

Дмитрий ощутил, кому он принадлежит, и повернулся в его сторону.

– А еще мы посылаем мысли и наши пожелания добра в небо, – продолжил один из лекарей племени. – Мы чувствуем, что где – то там, очень далеко тоже есть другие разумные существа и верим, что кто – то из них может оказаться похожим на нас и окажется способен получить наши знания. Так же, как и наши предки получили очень много ответов на свои вопросы откуда то извне нашего мира.

Дмитрий был поражен! Значит, эти существа имели в древности какой – то контакт с другими цивилизациями. Или вообще научились получать доступ к информации из ПервоИсточника всего Сущего. Да, вот тебе и малоразвитая, как считали до сих пор земляне, цивилизация! Было над чем задуматься. И хотя на его родной планете, в общем – то, тоже большинство людей стремились подавлять в себе негативные мысли и эмоции и воспитывать детей в духе сотрудничества и взаимопонимания, но чтоб агрессии, зависти, гордыни просто не было в принципе, даже Дмитрию представить было достаточно сложно. Ему очень захотелось познакомиться с аборигенами поближе. И теперь он был очень рад своей предусмотрительности относительно блокировки части своего разума. Поскольку не сделай он этого – и аборигены в два счета поняли бы, что он из чужого мира. Хотя, возможно, это и никак не повлияло бы на их к нему отношение.

Однако оставался еще один вопрос, который Дмитрий считал необходимым задать прямо сейчас:

– Ну, хорошо, вот вы все являетесь существами сугубо мирными и помогающими друг другу. Ну а если вдруг, например, мой народ, живущий на очень далеких от вас островах или, предположим, обитатели из какого – то из небесных миров, к которым вы обращаете ваши послания, окажутся существами, которые исповедуют принцип «получить как можно больше для себя, силой или обманом подчинив себе всех других», то вы же окажетесь совершенно беззащитны перед ними! Передавая это мысленное послание, Дмитрию пришлось изрядно постараться, потому что даже самих понятий обмана и подчинения у аборигенов среди их набора смыслов и образов действий просто не было. Он передавал прямые образы действий, демонстрирующие разные виды обмана и принуждения. И чувствовал, как аборигены сначала искренне не понимали, как такое вообще возможно, а потом, когда все – таки смогли допустить возможность таких действий, то пришли в ужас. Но спустя уже мгновение вдруг неожиданно успокоились и вновь обрели прежнюю уверенность.

– То, что ты показал нам, воистину печально, – ответил вождь. – И нам жаль, что твой народ еще помнит, что подобное вообще возможно. Раз ваша память еще хранит такие образы, значит ваши предки дольше наших отучались от подобных способов общения и действий. И, судя по тому, что мы ощущаем в тебе, все – таки сделали правильный выбор. Теперь отвечу на твой вопрос – конечно, если бы существа, способные на такие действия, пришли бы к нам так, что мы не смогли бы заранее ощутить надвигающуюся опасность, то поначалу они смогли бы отнять наши дома, пищу и все прочее. Но вряд ли мы не ощутим приближение такой угрозы заранее, а значит, мы попробовали бы воздействовать на разум пришельцев, поменяв их способ видения мира. Но, допустим, у нас бы этого не получилось или мы действительно бы не ощутили приближение такой опасности. Что ж, в таком случае, как мы полагаем, за нас вступилась бы некая сила, гораздо более могучая, чем все мы вместе взятые. Иногда мы чувствуем ее и считаем, что она присуща всему нашему миру, а может и вообще всем мирам. Но проявляется она в полной мере лишь там, где нет ни одного существа, способного действовать так, как показал нам ты в своих мыслях. И именно поэтому мы следим еще с момента зачатия, чтобы в детях формировались лишь позитивные образы мира и мгновенно исправляем течение развития ребенка даже в утробе матери, если он проявляет склонность к возникновению в его Сущности чего – то подобного тому, о чем ты спросил. И мы знаем, что если в наш мир придет кто – то с недобрыми намерениями, то рано или поздно, наш мир отторгнет его. Каким бы тот не казался поначалу сильным, на его силу найдется большая сила. Но мы думаем, что до этого просто не дойдет. Мы живем в мире друг с другом и в ладу с окружающим нас миром – и до тех пор, пока мы сами не нарушим наших принципов, мы будем в безопасности.

Слушая это, Дмитрий чувствовал, что в мыслях вождя кроется часть отгадки происходящего со станцией землян на этой планете. Но что же это за Сила такая? Сам Дмитрий, как не старался, не ощущал на глубинных уровнях Бытия ничего такого, что выходило бы за границы мира Сущностей его собственной планеты. Да, здешний Узор Сущего был более гармоничным и сбалансированным, но каких – то качественно отличных Переплетений он не обнаружил. Что же тогда порождает эту самую Силу, в которую так верят аборигены? Или она им просто кажется?

Увидев задумчивость Дмитрия, вождь мягко прервал возникшие у других членов племени мысленные вопросы и предложил дать гостю обдумать все, что он узнал. После чего призвал всех соединить разумы. Дмитрий также решил принять участие в этом то ли ритуале, то ли просто ежедневном действе сродни чистке зубов у землян. В любом случае, это было полезно для лучшего понимания внутреннего мира аборигенов. И не пожалел. Когда слияние разумов закончилось, и все жители деревни стали потихоньку расходиться, предварительно отпустив свою святящуюся рыбу обратно в океан. Дмитрий отправился в выделенное ему жилище с четким ощущением, что на этой планете земляне явно чего – то не учли и все происходящее со станцией имеет связь с тем способом жизни и мироощущением, которые были присущи аборигенам этой планеты. Но какова эта связь конкретно, он понять не смог. Когда он пришел к своему дому, там его уже ждал один из местных лекарей.

– Феорий, – представился он. – Было очень приятно с вами познакомиться.

– Взаимно, – телепатически ответил Дмитрий.

Тут к ним из темноты подошли еще двое – те, кого вождь назвал Нанбег и Кеори.

– У нас сейчас очень сложный случай, – вклинился в разговор Нанбег, – мы все лекари из разных деревень. Феорию пришлось созвать нас, для того, чтобы общими усилиями попытаться победить болезнь одного из членов племени.

– Это маленький ребенок, – добавил Кеори, – девочка. Вообще то болеют у нас редко. Чаще бывают травмы, но мы можем, например, вырастить ногу, руку, вылечить любой внутренний орган. И потому считаем, что продвинулись в лекарском искусстве достаточно далеко. Но сейчас мы не понимаем, что происходит... Единственные симптомы болезни – это высо-

кая температура и вялость. А все потоки жизненной силы взвихрены и прерывисты. Такое мы видим впервые. И решили спросить у тебя – может ты сталкивался с чем – то похожим?

– Сколько времени это длится? – спросил Дмитрий, лихорадочно соображая, как поступить. Можно, конечно, было отказаться от участия в процессе лечения. А то вдруг он ничем не поможет и это расстроит аборигенов. Но с другой стороны, если он хоть чем – то окажется полезен, то укрепит отношения.

– Уже пять дней, – ответил Феорий. – Я удерживал структуру сил в теле своим воздействием, но так продолжаться всегда не может. А без моего вмешательства у больного словно паралич. И никаких изменений ни в лучшую, ни в худшую сторону.

– Мне надо посмотреть ее, может, что –нибудь и придумаем, – Дмитрий легонько похлопал по спине Кеори.

– Сейчас она уже спит, давайте завтра утром мы зайдем за вами, – обрадовался Феорий. Получив согласие Дмитрия, лекари разошлись.

Утром лекарский консилиум, включая Дмитрия, собрался в доме больной. Девочка спокойно лежала на кровати с широко раскрытыми глазами. Увидев незнакомца, она чуть приподнялась и тут же бессильно опустилась назад. Дмитрию предложили присесть на «коралловый» стул, стоящий возле ее кровати.

– Привет, – сказал Дмитрий и улыбнулся. – Феорий, мне понадобится ваша помощь. Мне нужно проникнуть в твою сущность, для того чтобы увидеть присущую вашему народу здоровую картину мира и ощутить строение здорового течения сил по телу, чтобы потом сравнить ее с больной и понять, что в ней нарушено.

– Я согласен, хотя мы уже пробовали восстанавливать верное строение каркаса сил. Но может быть ты сможешь увидеть что – то, что ускользнуло от нашего восприятия, – мысленно ответил Феорий. – Как ты устанавливаешь более тесный контакт Сущностей? Что для этого должен сделать я?

Дмитрий порадовался, что может общаться мысленно и поэтому просто передал Феорию набор образов и ощущений, сопутствующих нужному состоянию. Тот мгновенно все понял и ощутил – и спустя уже незначительное время (благо, местный лекарь тоже великолепно умел управлять своими сознанием и телом) Дмитрий ощутил, как текут потоки сил через все тела Сущности аборигена. И более того, Феорий смог показать ему присущую местным жителям картину мира. И вот Дмитрий уже стал воспринимать мир, как они и смог сделать специально выделенную часть своей Сущности полностью подобной Сущности аборигена. В этом и заключалось едва ли не основное искусство знахаря, которому научил его Мирослав – создавать в своей Сущности часть, способную стать подобной Сущности любого другого существа или природного явления, сохраняя при этом возможность отстраненно воспринимать происходящее там другой частью своей Сущности, сохранявшей свойства, присущие его личности, его Я. Сейчас же ему предстояла задача более сложная – надо было разделить свою Сущность на три части – одна, отражающая свойства здорового аборигена, вторая – подобная свойствам больной девочки и третья, которая сохранит его личные качества. Да, не даром он учился в свое время видеть мир глазами пауков и управлять сразу восемью лапами. Теперь умение распределять внимание, сохраняя при этом его интенсивность, весьма пригодилось. Усилив фокус внимания, направленный на ребенка, поначалу он тоже не понял, что же не так. Но вдруг вспомнилось знание, которое Мирослав передал ему в конце обучения и которое он уже почти забыл, поскольку применять его на практике доселе не было необходимости. Ну а вдруг это как раз тот самый случай, когда именно этот метод и поможет? Дмитрий решил рассмотреть один из участков структуры сил девочки, как бы увеличив его. И сразу же увидел, чем он отличается от той формы, которая должна быть в норме. И понял, почему этих различий не видели местные лекари. Вроде бы все жизненные токи были в порядке, но складывающаяся структура была словно «обрезана» на некоем уровне подобия. Структуры потоков сил всех живых существ

имеют одинаковую форму на всех уровнях глубины Бытия. У землян это свойство называлось фрактальностью. У девочки же структура сил начиная с четвертого уровня была словно «размазанной», потерявшей четкость. И сам Дмитрий не смог бы этого заметить, потому что практика просмотра отдельных участков потоков сил как бы «под увеличением» была крайне редкой. Но Мирослав показал ему в последний месяц ученичества книгу, в которой описывался утонченный способ боевой магии, вызывающий именно слом структуры потоков сил на самых глубинных уровнях, не затрагивая при этом поверхностные. Сделать это было крайне сложно, потому что нарушение целостности этой структуры на одном из уровней практически неизбежно влекло за собой проявление этого нарушения и на всех остальных. Однако кто – то из магов древности на родной планете Дмитрия сумел придумать способ, условно говоря, подпитки внешних уровней потоков сил, придавая им видимость стабильности и правильной формы, в то время как глубинные уровни постепенно разрушались. А на внешних оболочках структуры это проявлялось лишь уже тогда, когда разрушения глубинных слоев становились необратимыми. Мирослав сказал тогда, что эта книга досталась ему от его учителя, который смог победить в поединке ее автора. И знание это считается с тех пор утраченным. Он, Мирослав, никогда бы не поведал его и Дмитрию, если бы не было ему видения и подтверждающего предзнаменования о том, что знание это Дмитрию понадобится для благого дела. Вот и произошло – аж в другом мире! Но что смогло вызвать подобное нарушение здесь – среди существ, совершенно чуждых агрессии и не использующих свои способности во вред другим? Ну да подумать об этом можно будет и позже, а сейчас надо приступать к лечению. Дмитрий начал осторожно восстанавливать форму структуры сил на глубинных уровнях, и ребенок сразу же весь затрясся и заплакал. Местные Лекари, присутствие Сущностей которых Дмитрий постоянно чувствовал рядом, наблюдая за тем, что он делает, сначала не поняли, зачем он вдруг стал воздействовать на казалось бы абсолютно нормальную структуру потоков сил и ему пришлось на время приостановить воздействие, объяснить и даже показать, в чем проблема. После чего он продолжил лечение, а понявшие суть происходящего лекари аборигенов вышли из транса и стали успокаивать родителей ребенка, уверяя, что волноваться по поводу ее судорог и плача не стоит, потому что это реакция на лечение, с которым они полностью согласны. Дмитрий провозился с больной целый час в масштабе времени, принятом у землян. Практически одновременно с тем, как в буквальном смысле слова «пришел в себя» Дмитрий, открыла глаза и малышка. И сразу же села, а потом и встала. Но родители на всякий случай тут же положили ее обратно в кровать. И сразу предложили Дмитрию в качестве благодарности взять в их доме все, что он захочет. Тот, уже поняв обычаи и мировоззрение этого племени, взял действительно понравившуюся ему мастерски вырезанной из местного камня фигурку небольшой местной зверушки. Поблагодарив за ответный дар и выслушав еще раз заверения в том, что отныне он стал их родственником, Дмитрий покинул дом бывшей больной в сопровождении местных лекарей. Те, естественно, сразу же попросили рассказать о том, как он сумел догадаться про такое странное нарушение в структуре сил? И Дмитрию пришлось рассказать, что ему в свое время поведал о такой возможности его Учитель, сказав, правда, что сам он ни разу с этим не сталкивался, но на всякий случай считает нужным передать и это знание. После чего местные знахари мысленно принесли благодарность его Учителю за его мудрую предусмотрительность и, пожелав Дмитрию хорошо отдохнуть после столь трудного дела, ушли.

Дмитрий действительно немного устал и поэтому вернулся в отведенный ему дом и некоторое время поспал. А когда проснулся и пошел прогуляться, то почувствовал, что весть о том, что странник вылечил ребенка, уже облетела всю деревню. И он стал знаменитым – все проходящие мимо аборигены кивали и благодарили его так, словно он вылечил их собственных детей.

Остаток дня Дмитрий общаясь и вживаясь в местный быт – нырял вместе с ловцами рыбы, добывал плоды и таскал камни для отделки домов. И спустя некоторое время ему пока-

залось, что он понял, почему на базу землян на этой планете обрушились разные напасти. Видимо, весь этот мир в целом, как одно большое живое существо, ощущал некую скрытую в землянах угрозу для своего образа жизни. В принципе, уже с этим ощущением можно было смело возвращаться, но ему дали три дня и поэтому он решил попытаться найти более явные подтверждения возникшей гипотезы. Потому как какую конкретно угрозу в присутствии землян ощущал живой мир этой планеты как единое целое, он пока так и не понял.

Вечером этого дня его пригласил к себе вождь. Когда Дмитрий пришел, там уже собрались все местные лекари. И больше никого. Более того, войдя, Дмитрий ощутил, что его мысленную сферу словно накрыло пологом – он перестал ощущать фон от жителей деревни. Значит, вождь и местные знахари хотели поговорить лично и закрыли место проведения встречи для доступа чужих мыслей. Что же их к этому побудило?

Первым заговорил вождь:

– Наши лекари обсудили то, что они увидели у девочки. И это нас насторожило.

– Да, болезнь странная. И если бы мне мой наставник в свое время не рассказал, что в древних книгах о подобном упоминалось, я бы сам тоже не догадался, что надо смотреть и как лечить, – ответил Дмитрий.

– Дело не только в этом, – вступил в разговор Феорий, – Эта девочка одна из самых чувствительных среди всех виденных мною соплеменников. Она может ощущать не только мысли отдельных живых существ, но и чувствовать то, что мы называем надмыслями, возникающими у сообществ живых. У тебя на родине тоже наверняка известно, что стая птиц или рыб больше некоторой численности начинает обладать свойствами, которыми не обладает ни одна из входящих в стаю особей. И свойства эти порой очень похожи на разум. Так вот заболевшая девочка могла слышать и видеть и эти мысли тоже. А поскольку среди нас нет никого, кто мог бы осознанно или даже случайно пожелать причинить вред соплеменнику, и тем более ребенку, то значит ее болезнь вызвана чем – то, что она ощутила среди мыслей какого – то из таких сообществ других живых существ. Но никогда раньше никто из стайных животных не хотел причинять нам сознательный вред. Да, конечно, в воде есть опасные и для нас крупные хищники, порой к тому же устойчивые к внушению, и мы с ними периодически сталкиваемся. Но они тоже не имеют своей целью сознательное причинение вреда – они просто хотят есть. И ни разу такие столкновения не приводили к подобной болезни. Да и девочка с ними никогда не встречалась. А это значит, что где – то в нашем мире появилось что – то, готовое осознанно причинять вред другим живым существам. И это нас настораживает. Может быть ты смог почувствовать что – то глубже, когда лечил ее и сможешь указать нам источник опасности?

Сидящие рядом Нанбег и Кеори согласно закивали, одновременно передавая образы волнения и просьбы помочь. Дмитрий же, делая в открытой части своего «Я» вид, что вспоминает все необычное, встретившееся ему при изучении внутреннего мира больной, в закрытой части своей Сущности лихорадочно обдумывая свой ответ. Ясно было, что единственным внешним, чужеродным фактором воздействия на ноосферу этой планеты было присутствие земной базы. Но земляне тщательно избегали не только прямых контактов, но и даже случайных демонстраций аборигенам себя или своей техники. Что же в этом случае, могло послужить фактором, вызвавшим возмущения здешней структуры тонких сил, пусть и возникшие только на самых глубинных уровнях этого мира? Ответа не было. И говорить про присутствие на их планете пришельцев из другого мира тоже было нельзя. Придется отделаться ничего не значащими мыслями. И Дмитрий ответил:

– Я сейчас постарался вспомнить все, что увидел, но не нашел ничего, что указывало бы на причину или источник болезни. Так что и я не смогу ответить.

– Что ж, мы попробуем собрать сход лекарей и вождей всех доступных нам островов. Может совместными усилиями получится увидеть источник искажений потоков сил, который оставил отпечаток на этой девочке, – подвел итог вождь.

– Но это тревожный признак, – синхронно помыслили Феорий и Нанбег. И Нанбег продолжил:

– Мы привыкли полагать, что Изначальный Творец добр. Естественно, нам так удобнее. Поскольку иначе становится совсем уж страшно – если всемогущее существо настроено по отношению к нам не добро. Проблема же вся в том, что мы привыкли полагать, что все, что не является для нас добром, является, конечно же, злом. А между тем все может быть гораздо сложнее. Вот, например, мне после этого случая и сказанного сейчас вождем относительно свойств, появляющихся у стай, пришла мысль – а что, если мы в своем спокойствии перестали удовлетворять каким – то законам развития нашей стаи? А вдруг Изначальное Устройство «выдергивает» разумные Сущности из Великого Ничто, «проявляя» и воплощая их в телах лишь затем, чтобы «украсить» какой – то из непрерывных праздников своей, более великой, жизни? А потом легко оставляет их умирать в том мире, где отмечался именно этот праздник. А мы перестали веселить Творца?

– Ну, это уж слишком мрачный образ мира, – ответил Кеори. – И в нем нет равновесия между порядком и отклонениями от него.

– Как знать, как знать. Да и верно ли мы понимаем это самое Равновесие Мира, – не уступал Нанбег. – Кстати, а что думает по этому поводу наш гость? Ведь он же тоже, как я понял, удивлен такой странной формой болезни.

– Честно говоря, мне нечего ответить помимо того, что я уже поведал, – промыслил Дмитрий. – Наверное, вам всем и впрямь надо попытаться соединить разумы самых чувствительных и умных жителей всех близлежащих островов. И быть может в результате возникнет коллективный разум, как у стай животных. Который поймет, в чем проблема, а кто – то из составляющих его частных разумов сможет ухватить, ощутить суть этого ответа. Другого способа и я не вижу.

– Ладно, поздно уже и пора отдохнуть, – взял на себя инициативу вождь и полувопросительно – полуутвердительно обратился к Дмитрию. – Как мы все чувствуем, ты собираешься вскоре отплыть дальше?

– Да, дня через два.

– Что ж, подумай и скажи мне завтра, что из припасов и снастей необходимо тебе, чтобы мы успели это изготовить. Также мы поможем тебе нарисовать пути к тем островам, где живут племена, с которыми мы общаемся. Кроме того, мы постараемся призвать одного из китов (так для простоты именовал Дмитрий образ того существа, который использовал вождь) и он поможет доплыть до ближайшего населенного острова. И все члены нашего племени будут желать тебе успеха на твоём пути.

На следующее утро Дмитрий, собрав охапку дров и пригласив вождя, сказал, что в ответ на его любезное предложение помочь ему собрать припасов в дорогу он хочет научить его племя тому, что может оказаться полезно в быту, а может быть, даже покажет племени новую, ранее не ведомую им стихию. Уходя с корабля, знахарь на всякий случай прихватил с собой лупу, выполненную корабельными умельцами из одного из сортов местного прозрачного минерала типа кварца. И вот сейчас она пришлась как нельзя кстати. Когда Дмитрию удалось развести костер, вокруг собралось уже много местных жителей. Он попросил принести большую рыбу, и когда это было сделано, насадил ее на длинную тонкую палку и зажарил. После чего откусил от нее кусок и предложил попробовать вождю и всем остальным.

Это была первая жареная рыба, которую попробовали аборигены. И ее вкус им понравился. Поев рыбы, все разошлись. Остались нескольких жителей, плававших на другие населенные острова. Они мысленно стали показывать Дмитрию, как они туда плавали. А он наносил

их описания на свою карту. А спустя примерно час по земному времени Дмитрий прощался с гостеприимными хозяевами острова. Уже садясь в плот, он решил, что ничего особо страшного не случится, если подарить аборигенам лупу. Тем более, что, как он знал, и сами земляне в планах имели контакты с аборигенами и передачу им некоторых из своих знаний и нарушили эти планы лишь возникшие кризисные ситуации. Да и никакого вреда для местных жителей в этом своем действии Дмитрий не чувствовал даже в отдаленном будущем. И поэтому, когда помощники из числа местных путешественников уже сталкивали плот на воду и начали крепить его специальной сбруей к действительно приплывшему к берег местному аналогу кита, он спрыгнул обратно и, достав из сумки лупу, вручил ее вождю. Тот в ответ обнял его своими короткими ручками, и Дмитрий ощутил, как его разум буквально окутали волны теплых и светлых эмоций благодарности, излучаемых всеми членами племени разом. Вернувшись на плот, он получил от одного из членов племени, умеющих общаться с китами, инструкции по тому, как договариваться (не приказывать, а именно договариваться) с этим животным и попробовал их применить. Сознание кита оказалось достаточно понятным и уже со второй попытки Дмитрий понял принципы общения с ним. И морской великан повлек его плот прочь от острова. Дмитрий стоял на корме и махал рукой стоящим на берегу жителям деревни. А те смотрели на уплывающего вдаль странника и благодарили мир за то, что он прислал им столь интересного и полезного гостя. И желали ему счастливого пути. Слышать их мысли Дмитрий перестал лишь спустя час после того, как остров пропал из виду. А еще спустя десять минут над ним уже завис планетарный катер землян. Перебравшись на него, Дмитрий договорился с китом, чтобы тот продолжал свой путь. На плоту осталась карта, которую найдут жители того острова, к которому приплывет кит. Ну а то, что на плоту никого не окажется – так мало ли что могло случиться в море. При этом Дмитрий надеялся, что находка побудит членов этого племени задуматься о том, чтобы начать предпринимать путешествия. И глядя на стремительно исчезающий из виду в окне панорамного обзора плот, он думал, что в будущем местные жители уже сами дорисуют начатую им карту их мира.

После прилета на корабль и тщательного карантинного осмотра его сразу же пригласил к себе в кабинет Гарчев. Когда Дмитрий пришел, там уже собрались все главные сотрудники экспедиции. Которые, едва он перешагнул порог, буквально засыпали его вопросами. Дмитрий попросил всех сначала выслушать его доклад и лишь потом, если вопросы еще останутся, задать их снова. Рассказав о всех событиях на острове и о возникшем у него предположении, он закончил свое выступление словами:

– В общем, это все, что мне удалось узнать и ощутить.

– Но это же невероятно! – сказал Носов. – Если все обстоит так, получается, что весь этот мир просто отторгает нас, как будто мы монстры какие – то. Или источник заразы.

– Лучше я объяснить не смогу. Потому что сам не понял, в чем конкретно состоят, условно говоря, претензии, этого мира к вашей базе и ее деятельности.

– Ну хорошо, отдыхай, а через два часа зайди к нашим аналитикам – попробуешь вместе с ними смоделировать параметры наших воздействий, которые могли вызвать подобные реакции ноосферы планеты, – сказал Гарчев и закрыл совещание.

Вечером того же дня, когда «Пересвет» опять готовился к очередному «прыжку», Дмитрий зашел в лабораторию к физикам, которые давно уже хотели залучить его с целью изучения того, какие поля он использует, когда, как они выразились, «колдует». И вот, наконец, у Дмитрия появилось время дать им такую возможность. Хотя он и не представлял, как станет колдовать, не имея никакой конкретной ситуации, где его ворожба имела бы реальную причину. И тем не менее пошел, поскольку обещал появиться. Жутко обрадовавшийся Владимир Григорьевич сразу же посадил его в стоящий у дальней от входа стены ложемент и предложил совершить какие –нибудь, как он выразился, дистантные манипуляции с быстро установленной одним из сотрудников лаборатории в особом боксе стеклянной запаянной ампулой с водой.

Дмитрий удивленно посмотрел на ученого и сказал:

– Вы же знаете – я не делаю ничего магического без необходимости. Для того, чтобы совершать подобные воздействия на мир, нужна необходимость. Например, если человек болен, я его лечу, если на предыдущей планете была угроза нашей безопасности и напряженность для местных обитателей – духов, то я тоже имел право использовать свои способности. В конце концов, даже когда бойцы вашего отряда физической защиты пусть и не совсем в серьез, но нападают на меня в тренировочном зале, я тоже получаю право действовать. А вот просто так, без причины – это против моих принципов. Я же говорил уже – так действуют только маги хаоса. Последнего из которых на моей родине, кстати, беспощадно уничтожили более двух веков назад по вашему летоисчислению.

Носов всплеснул руками:

– Но я же не прошу Вас делать ничего вредного или разрушительного!

– Вы не понимаете! Стоит позволить себе хоть один раз сделать что – то просто так, исключительно по своей прихоти – и ты уже приоткрыл дверь, как говорилось в одном вашем старинном фильме, на темную сторону силы.

– Хорошо, ну а если я скажу, что без того, чтобы хоть раз получить результаты исследования того, как Вы воздействуете на бездушную материю, я буду переживать, что вредно скажется на моем здоровье – это будет достаточным мотивом?

– Вся материя одухотворена, только по – разному. Что же до достаточности такого мотива, то я так не думаю. Если у Вас что – то заболит, то я помогу лечить, но делать какие – то магические воздействия на мир без достаточного основания, только из – за Вашего, при всем уважении, любопытства, не стану.

– Ну, какая же может быть причина то, чтобы вы, Дмитрий, все – таки согласились? Я так просто не сдамся!

– Хорошо, если сможете придумать хоть одну действительно убедительную причину, зовите.

С этими словами Дмитрий встал и, пожелав профессору успехов в размышлениях, отправился обратно в свою каюту. Но дойти до нее не успел – в коммуникаторе пискнул сигнал вызова и возникший на экране Носов озабоченно произнес:

– Дмитрий, кажется, мне искать ничего не придется – у нас есть культура вирусов с одной планеты, запаянная в герметическую ампулу. Так вот, у биологов в лаборатории то ли манипулятор дал сбой, то ли оператор отвлекся... Короче, ампула треснула в боксе и в медико – биологическом отсеке объявлена биологическая тревога третьей степени. Так вот интересно, сможешь ли ты продемонстрировать свои способности на этой ампуле до того, как медики применят свои процедуры? Тем более, что мы совместно с Екатериной как раз недавно развернули именно в этой лаборатории комплекс для измерений психофизических параметров разного рода организмов с исследуемых планет.

– Надеюсь, Владимир Григорьевич, Вы не специально это сделали?

– Дмитрий, у нас все ж таки особая экспедиция, а не детский сад, и я бы не стал рисковать благополучием всего экипажа ради своего любопытства.

– Хорошо, я сейчас попробую.

Дмитрий рассредоточил сознание и часть его расширившейся сферы восприятия сразу же нашла то место на корабле, где был повышенный эмоциональный фон и напряжение в событийных потоках. Присутствия в произошедшем чьего бы то ни было *умысла* не ощущалось, а значит он мог действовать, поскольку ситуация и впрямь была неприятной. Перенеся фокус своего внимания на место происшествия, Дмитрий увидел как сотрудники лаборатории загерметизировали и вакуумировали бокс с треснувшей ампулой и на всякий случай покинули помещение, в котором тот находился. Дмитрий нащупал треснувшую ампулу и ощутил, как получив незначительный приток кислорода микробы начали оживать и размножаться. Пока, правда,

трещина была мала и зараза еще не успела попасть в сам бокс. Да и неизвестно, смогли бы микробы продолжать жить в вакууме. Но раз уж так случилось, он может порадовать Носова не просто тем, что уничтожит колонию этих вирусов, а сделает это как – нибудь необычно – чтобы и проблему решить, и магию показать во всей ее красе.

И спустя примерно секунд пятнадцать удивленные сотрудники лаборатории через стекло изолированного отсека и на экранах следящих мониторов наблюдали, как в ампуле, которая при этом не треснула и поверхность которой сохраняла, согласно замерам дистанционных лазерных датчиков, все ту же температуру, что и в начале опыта, верхняя половина воды с культурой бактерий вдруг сразу вскипела, а нижняя превратилась в лед. Стремительно ворвавшиеся в лабораторию Носов и Катя Егорова с удивлением наблюдали показания многочисленных измерительных приборов. Ну а довольный произведенным эффектом Дмитрий, находившийся почти в полукилометре от места событий, решил позволить себе небольшую вольность – в конце концов, в этом не было какой – либо корысти, зла или гордыни – и спустя примерно еще минуту, дав ученым достаточно времени для сбора данных, он, выражаясь их языком, дематериализовал ампулу.

– Ну ни хрена себе! – воскликнул один из сотрудников, тут же смолкший под яростным взглядом начальника лаборатории. А Носов, включив коммуникатор на частоте Дмитрия, не скрывая эмоций, изрек:

– Да Вы, батенька, ходячее открытие. М – да... Не знаю, как и сказать... С одной стороны, нехорошо, конечно, сожалеть, что Вас нельзя изучать без вашего на то согласия и ведома... Но черт возьми, как много это могло бы дать науке!

– Успокойтесь, профессор, – ответил Дмитрий, продолжив путь к своей каюте. – Я же не отказываюсь сотрудничать. Просто могут быть такие опыты, которые я делать не стану – скажем, даже и не просите как – то воздействовать на живые существа, кроме как с целью лечения. Но и это Вы можете частично зафиксировать во время моих тренировок с бойцами Павлова, которых я потихоньку учу самым безобидным, если так можно выразиться, способам боевого воздействия на потоки сил в теле противника и противодействия этому. Так что Вы зря так переживаете. Просто не все сразу. Ну так это и хорошо – у вас будут время и возможность осмыслить полученные данные и сформулировать вопросы ко мне. А у меня будет время сопоставить свою систему описания того, что я знаю и умею, с принятой в вашей науке. А то изучить то ваши понятия я изучил, но далеко еще не все из них, а тем более их совокупности смог сопоставить с элементами той картины мира, которая есть у меня.

– Убедили, убедили... Сдаюсь! Просто больно уж то, что Вы проделали только что, удивительно! Я многое повидал в своей жизни, но так зримо, явно и при этом просто, я бы даже сказал, изящно, мне никто еще возможностей мысленного управления материей не демонстрировал! Кстати, а у меня в связи с этим уже есть первый вопрос.

– Слушаю Вас, профессор.

– А вы все чего повернули, как локаторы? – неожиданно произнес Носов, обращаясь к сотрудникам. – Давайте, обрабатывайте полученные данные.

И, уже выходя из медико – биологического отсека и направляясь обратно к себе, идя по коридору, обращаясь снова к Дмитрию, продолжил:

– Дмитрий, может вы согласитесь вернуться ко мне и обсудить кое – что. Уж больно убедительной получилась, хм, демонстрация. Ну а поскольку повторить ее вы добровольно не согласитесь, а подобных проблем, Бог даст, больше не будет, то не откажите уж старику в любезности. Заодно я Вас чаем угошу – у меня, смею вас заверить, лучший чай и лучший способ заварки на всем этом корабле!

И Дмитрию ничего не осталось, кроме как сдаться. И спустя примерно семь минут он вслед за Носовым вошел в специально отгороженную часть помещения физико – химической лаборатории, где за стеной из специального поляризационного стекла и находился кабинет ее

руководителя и по совместительству научного руководителя всей экспедиции. Владимир Григорьевич сразу же включил некий хитрого вида агрегат, ничем внешне не похожий на чайник. Заметив любопытство гостя, Носов подмигнул и заговорщическим тоном произнес:

– Моя собственная разработка – универсальный перегонно – фильтровальный аппарат. Делает все – от чая до вина и даже коньяка. Главное – правильно подобрать ингредиенты и программу. В этом то и заключается искусство. Ну да вы сейчас сами убедитесь. Чай уже загружен, процесс пошел, через десять минут можно будет дегустировать. Вы с чем будете пить – баранки, печенье, мед, варенье? Есть отличный мармелад.

– Пожалуй, я не откажусь от мармелада.

– Вот и славно. А пока я буду накрывать на стол, ответьте на вопрос.

– Хорошо.

Обсуждение, на котором ему задали множество вопросов и сам Носов, и пришедшая поезднее Екатерина, прервал лишь сигнал интеркома. Это был Гарчев, который вызывал всех главных специалистов корабля на совещание в связи с полученными с Земли новыми вводными. Носов и Егорова поднялись и выйдя вместе с ними, он пошел к себе в каюту и стал по свежей памяти делать записи в дневник.

Произошедшее обсуждение вынесено в Специальное Приложение, названное «Дневник Дмитрия», в котором все записи разнесены для ясности по тем главам, в которых они возникли.

От воспоминаний его оторвал прозвевший вызов. Дав разрешение на контакт, он увидел в развернувшемся виоме Носова, все еще желавшего, судя по всему, продолжить свой «допрос». Тот спросил, где Дмитрий будет спустя час – полтора. И, получив ответ, что, скорее всего, или в каюте или в спортзале, отключился. А Дмитрий задумался, что ему лучше сделать – сделать еще записи в дневник или переодеться и пойти потренироваться.

Глава 8. Среди звезд. Срединные Миры – система Австралия – 1.

«Пересвет», совершив очередной прыжок в другую звездную систему под названием «Австралия – 1», включив системы маскировки, совершал эволюции на фоне незнакомых для Дмитрия созвездий.

Планета, к которой они прибыли, обладала довольно – таки развитой цивилизацией – примерно на уровне конца 19 – го века Земли, и поэтому надо было скрывать свое присутствие от уже имеющихся у ее ученых телескопов. А наблюдателям землян приходилось работать на ней тайно, как разведчикам далекого земного прошлого.

Глядя на растущий диск планеты, знахарь в очередной раз подумал о том, что невозможно предусмотреть все те неожиданности, которые могут ожидать их при высадке на поверхность. От размышлений его отвлек сигнал встроенного прямо в комбинезон коммуникатора. Взглянув на расположенный на правом рукаве экран, он увидел напоминание, что через пятнадцать минут локального времени его ждут в спортзале. И направился к ближайшему входу во внутрикорабельный транспортный тоннель.

Войдя в зал, он как всегда настроился на общий эмоциональный фон. После первых трех – четырех тренировок хорошо ощущалось, что ребятам из отряда физической защиты понравилось заниматься с ним. И не только потому, что они получали новые знания – им стал симпатичен сам Дмитрий. Павлов, когда проводил тренировки, был порой довольно жесток и резок, а он проявлял терпение и понимание. Что нравилось даже суровым ребятам из отряда физзащиты. Но сейчас знахарь сразу отметил, что из общего доброжелательно – бодрого настроения выделялись Савельев и Рязанов. Два лучших бойца, к которым начальник отряда всегда предъявлял повышенные требования и гонял буквально до седьмого пота. «Опять он их перегрузил», – мелькнула мысль.

– Добрый день, Дмитрий, – пошел навстречу ему Павлов, – что нового ты приготовил для моих парней сегодня?

– Только закрепление навыков, полученных ранее, – ответил Дмитрий. – А вы что – то специальное планировали?

– Да нет,.. – пожал плечами Павлов. – Это ваша тренировка, так что... Пожалуйста, начинайте. Я, с вашего позволения, понаблюдаю.

Дмитрий кивнул и Павлов, отойдя к дальней стене зала, сел на татами.

Знахарь предварил основную часть тренировки настройкой учеников на нужное состояние. Ребята, рассредоточившись по залу, лежали или сидели в удобных для каждого из них позах и следовали выдаваемым инструкциям:

– Воспринимайте все кругом без интерпретаций и оценок. Чувствуйте, смотрите, слушайте, при этом расфокусировав взгляд и слух. Легко поворачивая голову, добейтесь, чтобы глаза поворачивались вместе с ней, а не раньше или позже. И чтобы звуки и предметы как бы возникали, «наплывали» из пространства. Главное – почувствуйте пространство, в котором предметы и звуки лишь заполняют определенные места. Аналогично подключите ощущения в своем теле. Почувствуйте место в пространстве, которое занимает тело, а потом те ощущения, которые есть внутри этого места. Найдите место ощущения или эмоции в своем теле и оцените его. Какого оно размера, плотности, формы, температуры, цвета, консистенции, фактуры. Придите в Ваше тело и начните осознавать различные ощущения Вашего тела. Позвольте Вашему вниманию свободно скользить по телу с головы до пяток, замечая различные ощущения, которые в нем существуют. Где – то Вы можете почувствовать напряжение, где – то расслабление, где – то будет тепло, где – то холод. Просто смотрите на Ваше тело внутренним взором и отме-

чайте различные ощущения. Сосредоточьтесь на самом сильном ощущении в теле. Попробуйте почувствовать, увидеть, представить форму этого ощущения. После того как Вы представили форму этого ощущения, попробуйте заметить фактуру этого ощущения, какое оно? Твердое или мягкое? Вязкое? Упругое? Какое – то еще? Затем попробуйте увидеть цвет этого ощущения. Какое оно – темное или светлое? Ближе оно к холодным цветам (синему, голубому) или – к теплым (красному, оранжевому)? В нем присутствует один цвет или несколько?

Дмитрий внимательно следил за своими подопечными. У кого – то получалось лучше, у кого – то хуже. Но все старались, и это приносило плоды – в нужное состояние все входили уже быстрее, чем раньше.

– Теперь почувствуйте температуру ощущения. Может быть, оно очень горячее. Может быть, совсем холодное. А, может быть, только чуть – чуть отличается от температуры тела в целом. Если Ваше внимание ускользает, то мягко, но настойчиво возвращайте его к ощущению.

Особенно будьте внимательны к тем чувствам, которые вы обычно не приветствуете, – пригласите любое из них, возникшее у вас сейчас, прийти к вам еще интенсивнее, – не сдерживайте эмоций! Дайте себе возможность выразить их, но при этом продолжайте внимательно наблюдать. Теперь прислушайтесь к каждому ощущению – нет ли у него звука? Какой это звук – высокий или низкий? Мелодичный или просто шум? Прерывистый это звук или постоянный?

Когда Дмитрий убедился, что все поймали необходимой настрой, он начал ранее вызывавшую удивление, а сейчас ставшую для ребят уже привычной «прозвучку» тела. Развивая и стабилизируя у человека комплекс мышечных групп и органов, участвующих в оптимальном звукообразовании и как бы пропуская разные по высоте звуки через те или иные части тела, можно развить волновые эффекты передачи энергии по двигательным звеньям человека. Чем они и занимались.

Внешне все выглядело достаточно просто, хотя Дмитрий то знал, как обманчива эта простота и как нелегко пришлось при освоении этих упражнений даже таким отлично тренированным парням, какими были бойцы отряда физзащиты экспедиции. Но сейчас ребята уже привыкли и поэтому сразу после его команды принялись уверенно пропевать определенные слоги: «дре», «жи», «во», «до», «ми», «фа», «соль», «ля», «си». Потом стали тренировать выдохи на согласных звуках «с», «ж», «з», произнося их на низких тонах, подражая жужжанию летящего шмеля или жука. При этом звуки должны были резонировать одновременно в груди и в определенных частях головы. После «прогуживания» этих трех звуков перешли на их соединение со звуком «м». Контролем правильности звучания служила легкая вибрация грудной клетки, которая должна ощущаться, если приложить ладонь к верхней части груди, коснувшись пальцами ключицы. Когда звук произносился вяло, или был направлен в носоглотку, вибрации не было. При правильном выполнении звуки шли из глубины тела. Подготовившись, таким образом, все перешли к тому, что Дмитрий называл практикой «звучащей струны». Сначала в теле с помощью определенных небольших движений создается ощущение возникновения в теле своего рода «нити», идущей от середины ладони через руку и тело к противоположной ноге и выходящая через середину стопы. Уравновешивая верхний и нижний участки этой «нити», практикующие порождали возникновение внутри тела ощущения натяжения и специфической дрожи, которую хочется выразить вовне с помощью издания звука. Оно то и называлось «состоянием звучащей струны». При определенном положении руки и ноги относительно друг друга «натяжка» достигала некоего предельного значения, после которого ощущение «струны» пропало. После того, как практикующий проделывал это действие поочередно с правой рукой и левой ногой, а потом у него, наоборот, возникало ощущение, что тело становилось легким и равнонагруженным во всех своих частях и начинало «гудеть» уже все целиком. В результате чего становилось возможным передавать возникший ранее внутренний звук через разные части тела – руки, ноги, пальцы, голову и словно «выплескивать» его через них наружу. В той

традиции, в которой учился Дмитрий, подобного рода практика служила основой для восстановления внутреннего тока в организме "воды жизни" – ЖИВЫ. В результате верного исполнения практики «звучащей струны» в теле активизируются, протягиваются и очищаются каналы, по которым она течет.

Размяв ребят таким образом, Дмитрий дал им команду разбиться на четверки и начать работу одного против троих с постоянной сменой ведущего через три минуты. Бой велся по принципу «на Любки», согласно которому никто из ведущих бой не имеет права убить то движение, которое идет от других, и выигрывать нужно, обыгрывая противника, а не стремясь победить его любой ценой. Суть того, чему учил Дмитрий, кардинально отличалась от всего, чему ребята учились ранее, и заключалась в искусстве *видеть движения и позволять их*. Видеть именно *движение*, а не вызванное им *перемещение тела*. И поэтому главным при обучении «в Любках» являлась наработка особого состояния, называемого *позволением*. Необходимым элементом которого являлось *принятие* противника, его действий, а в более широком смысле слова, мира в целом. *Принимая* право противника двигаться, в том числе, и таким образом, когда его движения могут причинить вред твоему телу, ты получаешь возможность *соединиться* с ним, стать одним целым и, дополнив его движения своими, сделать их уже общими. Ну а раз именно ты позволил произойти этому слиянию, ты создал единую систему движений, то, значит, ты ее и контролируешь! Ну а на более высоком уровне *слияния* возможно уже управление не движениями и даже не порождающими их образами, а *намерениями* противника! Достигая того, что противник своими действиями сам задает и скорость, и рисунок твоих ответных движений. В результате владеющий этим умением боец постоянно оказывается в положении, выгодном для себя и неудобном для противника. Как говорил мой учитель Мирослав, “в бою у противника и мозгов и силы хватит на вас обоих. Пусть себе думает и упирается”. Поэтому в *позволении* ты разрешаешь противнику находиться в движении, а сам – *видишь* и управляешь уже *вашим общим* движением. Этим *позволение* противнику совершать его движения отличается от *подчинения* его действиям. При этом бой «в Любках» ставит задачей ни разу на протяжении всего противоборства не оборвать ничью жизнь. Человек напротив тебя рассматривается не как противник, и даже не как партнер, а как часть мира, через которую он, мир, с тобой разговаривает в данный момент. И тогда *позволение* – это подход к жизни, когда тыходишь в природу, и для того что бы выжить, ты должен ее *принять*. Если же ты не принимаешь мир вокруг, ты просто не выживаешь. Это следовало из иного, нежели в уже просмотренных им в информхранилище корабля земных учениях, принципа взаимосотношений Стихий. Дмитрий прочитал о нем в одном из самых старинных из имеющихся у Мирослава манускриптов. В той еще рукописной книге говорилось, что диаграмма, на которой одна стихия подавляет другую – это схема разрушения и подавления. Но есть схемы, где стихии питают, поддерживают и насыщают друг друга – и отображаются они диаграммами Жизни, Созидания, Творения. А боевые системы, построенные на них, призваны при столкновении, как постараться сохранить жизнь обеим противодействующим сторонам, переведя противостояние и конкуренцию в созидание и сотрудничество. Если же кто – то преградил путь потоку жизни и не желает меняться, то он отмирает, ибо сам выбрал путь равнодушия и смерти! И тогда тот, кто действует по диаграмме Питания одной Стихии Другой, просто пьет (ест) Силу того, кто ему противостоит. Если уж тот упрямо не хочет изменить своего разрушительного взгляда на мир.

Вот всему этому и учил ребят Дмитрий. Тем более, что при действиях на других планетах иметь именно такое внутреннее мировоззрение было более правильно с точки зрения выполнения миссии экспедиции, которая была все – таки научной, а не военной. И поэтому руководство экспедиции одобряло занятия инопланетного знахаря с бойцами отряда физзащиты.

Когда тренировка была окончена, и все направились по своим каютам, Павлов поинтересовался у Дмитрия, как идет его обучение земным наукам и осмысление полученной информации.

– Многое из земного образа мира, включая и все то, что описывает ваша наука, мне еще надо понять и сопоставить с тем, как видится это же в той системе мировоззрения, которой придерживались мои Учителя и которую использую я сам.

– Ты считаешь, что одно сопоставимо с другим? – усомнился Павлов.

– Конечно, – ответил с улыбкой Дмитрий, – например, в области прикладной психологии связей между моим видением мира и вашим весьма много. Взять хотя бы старинные русские сказки!

– Сказки?!

– Да, сказки. В них же просто кладезь информации! Которую порой даже и трактовать – то никто из ваших земных ученых не удосужился – и совершенно напрасно. Вот, например, распространенный сюжет про Кощея Бессмертного – чаще всего этого персонажа кто – то из героев прошлого излавливал живьем и запирали в глубокой темнице на цепях, не давая ни воды, ни пищи. И так Кощей висел, пока не появлялся некто обиженный или, чаще, излишне любопытный, не отпирал запыленную и заросшую паутиной дверь и в обмен на обещания со стороны Кощея сделать его могущественным и преуспевающим, давал тому воды. В результате чего Кощей восстанавливал силы и освобождался. И приходилось уже новым героям ценой титанических усилий и хороших поступков искать очень изобретательно запрятанную смерть Кощея. Казалось бы, все просто – детская история о победе добра над злом. Но вовсе не зря говорится, что «сказка – ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок». Поскольку даже на самом поверхностном уровне история про Кощея имеет вполне внятный психокорректирующий смысл – Кощей – это самые сильные страхи, вытесненные в глубину подсознания и там изолированные без подпитки психической энергии. Но если складывается некий комплекс обстоятельств, «вскрывающий» созданный психоблок, то «кощей» вырывается на свободу. И приходится его убивать уже окончательно. Для чего приходится собрать воедино части своей личности, связанные с теми или иными стихийными природными силами, воплощенными в сказке в образах зверей, рыб и птиц, и научиться более эффективно выстраивать взаимоотношения с внешним миром. И только после этого удастся, собрав все свои силы воедино, добраться до некоего «дальнего острова» в самых основах своей личности и «выдернуть» оттуда «иглу», содержащую первоисточник «кошеева» страха. И это только самая поверхностная интерпретация сказки про Кощея Бессмертного.

– Ничего себе, – протянул Павлов.

– А сказки про Змеев Горынычей – это же прямое указание на то, как тяжело жить с расщеплением личности! И чем больше это расщепление (чем больше голов у Змея), тем сложнее его победить. Для чего важно быть непрерывно сконцентрированным и отслеживать малейшие проявления расщепления (не проспать Змея). Древние знали, видимо, и некие признаки приближающегося расщепления, граничное состояние психики, за которым та начинает слоиться, выражая это в образе «моста через реку Смородинку». И, кстати говоря, очень верно ими было подмечено и то, что не бывает раздвоения личности, а расслоения все имеют кратность трем. Поскольку есть некий глубинный слой психики (старшая голова Горыныча), на котором расщепленные уровни сознания имеют общие компоненты. И именно с ним герой ведет обычно беседу перед тем, как вступить в сражение. И чем больше расщепление психики (голов у Змея), тем тяжелее достичь ее объединения (убить Горыныча).

Так что в ваших древних русских сказках отражены весьма глубокие знания о психике человека. А ведь есть еще и космогонические трактовки сказок. А теперь попробуйте оценить знания тех, кто в общие образы конечного числа нескольких сюжетов ухитрился вложить, причем в доступной даже для детей форме, трактовки сразу и базовых свойств психики, и прин-

ципов устройства мироздания. И насколько же хорошо они должны были знать то, как в психике разумных существ отражены по принципу семантического резонанса принципы строения Вселенной.

– Да, как говориться, уел! Удивил!.. Да уж!.. Ты, иномирлянин, рассказал про наши сказки то, что мне и в голову никогда не приходило. Да и не читал я про такое нигде. Слушай, ты это обязательно Катерине расскажи. И нашему главному ксенопсихологу тоже. Хотел бы я посмотреть на их удивившиеся физиономии, когда они такое от тебя услышат. Вот уж действительно, нет пророков в своем отечестве. Ну ладно, мне здесь налево. Встретимся на интсруктаже перед посадкой. Пока.

– Пока, – ответил Дмитрий и пошел дальше по коридору к своей каюте.

Заказав по линии доставки свежесжатый апельсиновый сок, он устроился со стаканом в руке в кресле возле иллюминатора. Полученные за прошедшие несколько часов земные знания дали ему обильную пищу для раздумий, а опыт общения позволил лучше понять образ мыслей и мотивы поступков землян. Некоторые из размышлений требовали последующего уточнения и их он заносил в дневник. Вот и сейчас, полюбовавшись видом звездного неба и проплывающей в нижнем углу иллюминатора планетой, он вместе с креслом передвинулся к столу и начал очередную запись в своем дневнике:

Запись его размышлений вынесена в Специальное Приложение «Дневник Дмитрия» – запись к Главе 8.

Закрыв дневник, Дмитрий решил немного прогуляться по кораблю. Трудно сказать какие чувства вызывали у него люди, живущие больше эмоциями, если верить их истории, способные на любые подлые поступки и в то же время обладающие такими редкими качествами, как бескорыстие и самопожертвование. Противоречия, на которые постоянно наталкивался Дмитрий, изучая земную культуру, не давали ему покоя.

Поднимаясь на второй ярус, он столкнулся с Носовым, который очень обрадовался встрече и потащил знахаря за собой.

– Очень рад, очень рад, что вы свободны, – говорил Носов, – приглашаю вас к себе на чашечку чая.

Не слишком – то желая стать объектом очередных расспросов, на которые был так охоч по отношению к нему научный руководитель экспедиции, Дмитрий попытался сопротивляться, но Носов был упорен и неотступен как тяжелый планетарный разведбот:

– Вы обязательно должны попробовать мой фирменный пирог с яблоками, да и мне бы хотелось поделиться с вами кое – какими своими размышлениями, проверив их, так сказать, на прочность, поскольку у вас, Дмитрий, принципиально иное видение мира. Может быть, чуть позже, когда завершит свои исследования, сможет подойти и Екатерина. Я и ее пригласил обсудить то, что пришло мне в голову.

Вздыхнув, Дмитрий молча кивнул и понуро пошел следом за профессором. Это был как раз тот случай, когда легче было согласиться.

– Видите ли, какое дело, – сказал Носов, разрезая пирог, – я чувствую, что действительно существует некая логическая цепочка между планетами, которые мы уже посетили. Казалось бы, ну что может связывать народы, которые и знать не знают о том, что есть другие планеты, на которых живут разные существа. *Ни – че – го*. И единственное, что их все же связывает – это наличие баз землян. И ничего более. Вот отсюда я и стал исходить в своих умозаключениях.

Отрезав еще один кусок пирога, Носов задумчиво произнес:

– Получается, что дело не в особенностях планет, как мы думали с самого начала, а вернее – не только в них, а в особенностях нашего взаимодействия с ними. Есть что – то общее не в самих этих планетах, а в том, как их биосфера и ноосфера реагируют на наше присутствие и

наши действия. В чем же проблема – то? Лично мне стало казаться, что она в том, что наша, земная парадигма действий в мире основана на, условно говоря, принципе конструирования. Его в предельно четкой образной форме выражали древние масоны, говоря о Великом Архитекторе или Конструкторе Вселенной. Во всей своей полноте подобный подход проявился во второй половине XX – го и первой половине XXI – ого веков, которые в нашей истории справедливо стали называть Эпохой Программирования. Тогда самые великие персонажи тех времен называли себя главными архитекторами программных систем. И это имеет под собой глубокое основание – к тому времени преобладающим принципом создания чего бы то ни было стал принцип сборки из частей. И, соответственно, все в мире представлялось состоящим из частей, которые необходимо выделить, чтобы стало возможным все что угодно расчленив на составные элементы, из которых потом можно было бы собрать нечто другое. И не даром на заре возникновения атомной физики даже сами ее отцы – основатели называли атомы «кирпичиками» материи. Да и позже, во второй половине XXI – го и XXII – ом веках, позже названных Эпохой Нано – и Биотехнологий, принципы действий, лежащие в основе подавляющего большинства технологий, да и социальных процессов тоже, остались теми же. Таким образом, нам, людям, для того, чтобы потом построить что – то новое, сначала надо что – то разрушить, разобрать на части. Хотя, как я тут посмотрел в архиве информотеки, еще до середины 18 – го века на Земле была и альтернативная концепция, которую можно весьма условно назвать алхимической. Суть ее сводилась к *трансформации* предметов, явлений и процессов в другие без их разъединения – целиком. Недаром базовыми терминами алхимиков были трансмутация, переплавление и алхимическая свадьба. То есть процессы, в которых одни элементы либо переходят в другие, если можно так сказать, эволюционным путем, либо порождают новые путем соединения без процесса разделения.

– На моей планете тоже есть и те, кто создает новое из частей, но они равны и по числу, и по уважению тем, кто умеет, как говорят у нас, «растить» и изменять вещи, – задумчиво ответил Дмитрий. – И лично мне не совсем понятно, почему у вас на Земле один способ создания нового стал единственным, полностью выдавив из вашего мировоззрения другой?

– Ну, тому есть много объяснений, но мне лично кажется, что это случилось потому, что людей, образ мыслей которых основан на категории разделения, и самих проще разделять, противопоставляя частное общему. И использовать это для управления ими, – произнес Носов как – то немного смущенно, словно стесняясь.

Дмитрий ощутил, что тот и впрямь испытывает реальное внутреннее неудобство. Видимо, ему не очень нравилось, что общество, к которому он принадлежит, и принципы развития которого до сих пор казались ему такими правильными, может с иной точки зрения выглядеть совсем иначе – как манипулятивное, прогресс которого основан на противопоставлениях.

– Получается, – продолжил Носов после некоторой паузы, которую оба по молчаливому согласию заполнили чаепитием, – можно предположить, будто нас, землян, отторгают сразу ноосфера и биосфера этих планет в целом. Что возможно только в случае, если мы являемся источником некоей угрозы их существованию. Причем угрозы столь масштабной, что против нас применимы самые радикальные меры. Словно мы вирус какой – то вселенской болезни, который надо подвергнуть интенсивному вытеснению из организма.

– Что ж, вполне возможно, – ответил Дмитрий. – Я в своей практике сталкивался с такими явлениями, когда некоторые племена или семьи испытывали постоянные проблемы – болели, или неурожаи постоянные, или животные у них были худосочными, или их товары плохо обменивались, хотя были вроде бы вполне хорошими по качеству, да и просили они за них приемлемо. Но не ладилось. А еще я дважды – один раз под присмотром своего наставника, а второй самостоятельно лечил духов стихий. И во всех этих случаях эти люди или эти духи действительно «морщили» Ткань Бытия – их действия или, что было гораздо сложнее

обнаружить, помыслы и намерения шли в противоречие с Первозамыслом Творца. И весь наш мир как единое целое сопротивлялся этому! Так что я вполне допускаю такую возможность.

– Вы очень умный человек, – Носов посмотрел на Дмитрия. – И ваши философские теории очень интересны. Вот только жаль, что с научной точки зрения они бездоказательны.

– Но ведь и опровергнуть с позиций вашей науки тоже нельзя, – улыбнулся Дмитрий. – Зато их очень даже можно, как вы уже убедились, применить на практике. А она, следуя одному из ваших, земных классиков, критерий истины.

Профессор в ответ лишь улыбнулся и перевел разговор на другую тему:

– Скажите, Дмитрий, а что вы знаете о той планете, куда мы сейчас держим путь?

– Немного, – ответил знахарь. – Знаю, что эта планета состоит из одного большого материка, окруженного множеством островов, а вся остальная поверхность планеты покрыта океаном. На этой планете нет прецессии оси и она строго перпендикулярна к плоскости ее обращения вокруг звезды. При этом основной материк вытянут вдоль экватора – эдакий овал, окаймленный островами, длинная ось которого лежит практически на экваторе. Поэтому у них день всегда равен ночи и всегда одно время года – лето. Местные жители человекоподобные, то есть такие же, как мы с вами. Планету населяет один народ одной расы, создавший единое государство с единой идеологией и одной религией. На сегодня аборигены освоили весь материк и большинство островов архипелага, за исключением самых дальних и не имеющих на своей территории или в недрах полезных ресурсов. Цивилизация находится на уровне, сопоставимом по уровню с земной цивилизацией конца вашего 19 – го века. И при этом они, судя по прочитанным мною отчетам ваших наблюдателей, как раз создают и широко используют технологии, которые вы немного ранее в этом нашем разговоре охарактеризовали как алхимические, а я бы назвал магическими. В связи с чем развитие медицины и биологии у них кое в чем находится даже на уровне современных земных возможностей! Хотя достигают они этих результатов совсем иными способами и методами.

– Ну что ж, все верно. Единственное, что можно добавить – тамошние жители – удивительно мирный народ. Представляете, им удалось ни разу не воевать! А развитие основано на сотрудничестве при практически полном отсутствии конкуренции! У них что – то типа социального общества, каковое на Земле удалось частично создать в странах Скандинавии и в Канаде к концу 20 – го века, а полностью для всего человечества и вовсе лишь к концу 22 – го. А здесь это уже существует, похоже, вообще изначально! У них даже виды спорта коллективные, а индивидуальные состязания отсутствуют.

Впрочем, я отвлекся. Проблема для наших здешних наблюдателей возникла, словно из ниоткуда, безо всякой видимой причины – некоторые из хорошо, казалось бы, изученных землянами местных бактерий и вирусов вдруг начали ускоренно мутировать и становиться смертельно опасными для землян. Причем именно для землян, словно мутации носили направленный характер. Это заставило аналитиков КИК сделать предположение, что местные жители обнаружили кого – то из действующих под их видом земных наблюдателей или предположили существование инопланетников по каким – то иным, косвенным признакам их фактически – то, по существу, разведывательной деятельности. После чего, не имея возможности открыто бороться с технологически намного более сильным потенциальным противником, специально создали биологическое оружие, действующее именно на пришельцев. И теперь нам предстоит выяснить, насколько состоятельна эта версия. Или все – таки данная мутация является случайной и произошла под действием неких естественных факторов. В этот момент по внутренней связи с Носовым связалась Егорова:

– Профессор, вы сейчас где? – донесся ее звонкий голос. – Мне нужно с вами поговорить.

– Добрый день, Катенька, – ответил Носов. – Мы с Дмитрием в моей каюте, пьем чай с пирогом, и ты можешь тоже присоединиться. Или разговор приватный?

– Нет, – сказала девушка и после некоторого молчания добавила. – Так что сделайте мне, пожалуйста, ваш фирменный чай с лимоном, если не трудно, а пирог из концентратов я не буду.

– Удивительная девушка, – сказал Носов, обращаясь к Дмитрию и проходя к своему, как он его называл, чайному уголку, – упрямая и бескомпромиссная.

Катерина появилась очень быстро и сразу выпалила:

– Я посмотрела работы биологов, в них говорится, что никакие наши способы воздействия *in vivo*⁶ на мутировавшие бактерии не действуют, так? И даже *in vitro*⁷ уничтожить их можно только путем длительной экспозиции при высоких температурах, кислотности или уровне радиации.

Профессор кивнул.

Егорова села за стол и взяла только что поставленную Носовым чашку с чаем.

– На первый взгляд, – продолжила она, – ничего сверхъестественного в этом нет. На Земле тоже существует целый ряд бактерий, которые при наступлении неблагоприятных условий образуют толстостенные споры. И вирусов, которые также умеют консервироваться, пережидая трудные времена.

– Споры – эндогенного происхождения, то есть образуются внутри клеток, – объяснила она Дмитрию, – и служат не для размножения, а для перенесения неблагоприятных условий и распространения. Эти споры способны выдерживать нагревание, переохлаждение, облучение и могут сохраняться живыми десятки лет.

Катерина сделала небольшой глоток и продолжила:

– Так вот, может быть это вовсе не мутировавшие бактерии, а совершенно другой их тип, который проснулся в связи с воздействием каких – то циклически повторяющихся факторов – изменением активности их звезды или с чем – то еще. Типа как на Земле были циклы пробуждения лихорадки Эбола или интенсивных мутаций птичьего гриппа.

– Все это замечательно, Катенька, только если бы это было так, то это были бы обыкновенные бактерии или вирусы, а здесь мы сталкиваемся с чем – то не похожим ни на что изученное нами ранее.

– То есть как это? – заинтересованно спросил Дмитрий, который, естественно, больше всего из земных наук изучал медицину и биологию. А также осваивал ИМП-физику⁸.

– Дело в том, – ответил профессор, – что все известные нам бактерии размножаются вегетативно, простым делением клетки пополам. Перед чем у них происходит удвоение молекулы ДНК и плюс к этому у многих из них происходит обмен генным материалом, называемый генетической рекомбинацией. Здесь же мы наблюдаем бактерии, которые начинают процесс размножения, удваивают свою молекулу ДНК, производят рекомбинацию – и все. Дальше ничего не происходит, будто что – то мешает дальнейшему развитию процесса. А при некоторых условиях эти «спящие полуфабрикаты» вдруг начинают ураганно размножаться – деление бактерий происходит в течении 10 – ти. А у найденных специфических же вирусов подмена ДНК клетки организма своей происходит и того быстрее – в течение 5 – 6 – ти минут. При этом форма ДНК что бактерий, что вирусов изменяется после каждых трех делений. Как тут создать вакцину?!

– Получается, что их пассивная форма обладает сдвоенной ДНК? – спросила Егорова.

---

⁶ *In vivo* (лат. "в живом") – термин, относящийся к экспериментам, в которых используются условия, не нарушающие целостности организма. Такие эксперименты проводятся либо на уровне [клетки](#), либо на уровне целого многоклеточного организма и характеризуют конкретные биологические процессы в нем.

⁷ *In vitro* (лат. «в стекле») – это технология выполнения [экспериментов](#), когда опыты проводятся вне живого [организма](#), где условия, а следовательно и результаты опыта, могут не вполне соответствовать таковым внутри клеток или целых организмов. Многие эксперименты, имеющие отношение к [молекулярной биологии](#), [биохимии](#), [фармакологии](#), [медицине](#), [генетике](#) и др., проводятся именно так.

⁸ ИМП-физика – физика, изучающая совершение информационно-материальных преобразований или, иначе, изменений мерности пространства.

– Да, – задумчиво ответил профессор. – И внешне они напоминают обыкновенных бацилл.

– Некоторые наши, земные бациллы, насколько я помню, собираясь в цепочки, создали бактерию сибирской язвы, – задумчиво произнесла Катя. – Интересно, чего же можно ждать от этих монстров?

– Проблем и сейчас достаточно, – вздохнул Носов. – Удивительно только то, что их видоизменение ускоряется именно в человеческом организме! А у местных жителей, как выяснили независимо друг от друга два наших сотрудника, работающие под легендами местных медиков, эти же бактерии и вирусы имеют обыкновенную форму и не несут в себе угрозы страшнее нашей кишечной палочки или гепатита А. Слава Богу, что при неотвратимости заболевания сам процесс поражения жизненно важных систем организма при воздействии этих вирусов и бактерий идет пока достаточно медленно. Слово болезнь дает нам шанс. Кстати, это тоже послужило одним из оснований в гипотезе аналитиков об искусственном и направленном видоизменении данных микроорганизмов – мол, здешние биотехнологии проявили гуманизм, давая пришельцам шанс либо пойти на открытый контакт и получить вакцину (если она и у них самих существует), либо убраться с планеты и понять, что ведь новое поколение этих штаммов может вызывать уже более быстрое поражение. А значит колонизировать планету уж точно не стоит. М – да, такие вот, увы, размышления в категориях войны. И ведь имеют право на существование!

В этот момент их беседу прервал раздавшийся по громкой связи голос командира корабля, который приказал всем руководителям направлений и Дмитрию собраться на инструктаж перед высадкой. И спустя десять минут они уже сидели вместе с остальными членами первой отправляющейся на планету группы в центре ситуационного планирования.

– В общем, ситуация такова, – начал совещание с молчаливого согласия начальника экспедиции Носов. – Наша база сейчас на карантине, на ней введен режим биологической опасности второго уровня. Пока еще второго. На самой базе заражено уже восемь сотрудников из семнадцати, включая основного врача базы. Все они уже больны с разной степенью тяжести. От полевых сотрудников поступают доклады, что некоторые из них также стали испытывать недомогание. При этом никакие известные нам медикаменты не помогают и состояние здоровья всех заболевших неотвратимо ухудшается. Слава Богу, что достаточно медленно. Биологи базы сообщают, что выделенные из крови заболевших вирусы и бактерии имеют устойчивость ко всем известным препаратам и поддерживать организм всех зараженных сотрудников базы, включая и врача, удастся только благодаря биорезонансной стимуляции и НР – терапии⁹, которая фактически постоянно обновляет клеточные структуры всех их жизненно важных органов. Такую же процедуру постоянно приходится делать и всем тем, кто находится вне территории базы. И, слава Богу и предусмотрительности составителей инструкций в КЭДРе, что каждый полевой агент на планетах с цивилизацией выше пятого уровня развития получает автономный модуль комплексной биорезонансной и НР – терапии! Поскольку постоянно летать на базу подлечиться в условиях уже достаточно развитых средств наблюдения и освоения территорий планеты становится сложновато. Но все это, к сожалению, не решает проблемы полностью, поскольку разрушение клеточных структур по мере прогрессирования болезни происходит все быстрее. И за неким порогом НР перестанут успевать справляться. Но даже если бы удалось повысить скорость их работы, то выделительные системы организма перестали бы успевать справляться с выведением образующихся в результате этого обломков пораженных клеточных структур. И организм все равно умер бы от самоотравления. Да и есть бы пришлось непре-

---

⁹ НР-терапия – лечение путем введения в организм специально запрограммированных нанороботов (сокращенно – НР), программа которых содержит информацию о здоровом состоянии конкретного больного, в результате чего, двигаясь по кровотоку и попадая во все органы и ткани тела, НР убивают измененные клетки и создают из них такие, которые обладают исходными для здорового организма параметрами.

рывно, чтобы поставлять наноботам исходные материалы для строительства здоровых клеток. Кстати, мне хотелось бы спросить у Дмитрия – похоже это в чем – то на ту болезнь, с которой пришел к нему на его планете Трофимов?

– Ну, точно я сказать не могу, – ответил знахарь. – Хотя одно отличие налицо – в нашем с ним (кивнув в сторону Трофимова) случае у организма был почти полностью «посажен» иммунитет при одновременном сильном нервном истощении. Также были нарушения в обмене веществ как на уровне желез, так и на клеточном уровне. На него словно оказали воздействие сродни интенсивному радиационному облучению или отравлению органическим ядом. Но никаких особых, отличных от тех, которые есть на моей планете типов микроорганизмов, которые у нас называются «малыми духами», и также определяются при лечении, только другими методами, в Александре не было. Здесь же, насколько я могу судить по отчетам биологов с базы, причиной болезни являются именно стремительно видоизменившиеся бактерии и вирусы. Так что ситуация иная, но точнее я скажу только после того, как сам посмотрю хоть одного больного.

– Хорошо. С этим вопросом все ясно, – вступил в разговор Гарчев. – Теперь о порядке высадки и мерах предосторожности скажут Ованесян и Павлов.

После выступлений главврача экспедиции и начальника отряда физзащиты и уточняющих вопросов совершить посадку решили рядом с закрытой на карантин базой, не заводя посадочные модули в ее ангар. Для маскировки места посадки был взят дополнительный комплекс виртуального камуфлирования. На базу собирались идти пешком в скафандрах второго уровня общей защиты. Уровень биологической безопасности в них был уже высшим, но при этом они были легче и потребляли меньше энергии, чем фактически боевые скафандры первого и, тем более, высшего уровней общей защиты.

При этом для Дмитрия был разработан отдельный план – если он скажет, что согласно его ощущениям опасные для землян местные микробы для него безвредны, или он сможет с ними справиться с помощью своих методов, то его перебросят на несколько суток к одному из полевых сотрудников, работавших под легендой врача. Чтобы знахарь смог посмотреть и на аборигенов, пораженных не мутировавшими штаммами тех микроорганизмов, которые привели к болезни землян. И сравнить процессы течения болезни в том и в другом случаях. Дмитрий охотно согласился – ему, и как знахарю, и как просто попавшему на иную планету, самому было интересно попутешествовать. А в том, что он сумеет верно ощутить уровень опасности для него тех «малых духов», которые поражают землян, у него сомнений не было. Как и в том, что он сможет предотвратить их действие на свой организм.

После краткого обсуждения всех деталей операции Гарчев закрыл собрание.

Остров, на котором высадилась экспедиция, был покрыт густым туманом. А влажность была такой, что поверхность обзорного стекла скафандра запотевала меньше чем за минуту, и пришлось включить обдув.

Дмитрий с Трофимовым стояли на берегу, глядя на шипящие волны, и борясь с искушением снять скафандры и окунуться в прохладную свежесть необычайного цвета лазурных волн – видимо, в состав воды местного океана входили какие – то соли, придающие ей столь необычный цвет. Не похожий на цвета морей и океанов ни Земли, ни родной планеты Дмитрия.

– Везет тебе, – вздохнул Александр. – Если ты докажешь, что местные микроорганизмы для тебя безвредны, поедешь на материк. От скафандра избавишься, а нам тут!.. Эх!

– Да уж, скафандр не самая приятная одежда, не смотря на все системы жизнеобеспечения, – рассмеялся Дмитрий. – Но ты не завидуй – если все будет в порядке, мне придется потратить весьма много энергии для того, чтобы познакомиться с местными жителями, "прощупать" энергетические и биологические особенности их организмов и попытаться понять, что именно в землянах способствовало мутации местных бактерий и вирусов, причем внезап-

ной. Ведь станция наблюдения здесь уже несколько лет, а проблемы начались только примерно месяцев восемь назад, ну а всерьез стали заметны и того позже – примерно за квартал до нашего прилета. Если я ничего не обнаружу, то тогда наиболее правдоподобной будет версия аналитиков КЭДРА о том, что ваше присутствие на этой планете расшифровано местными, и они таким изошренным способом предупреждают землян о недопустимости скрытного вмешательства в их дела. Хорошо бы это оказалось не так.

– В общем – то, это и есть вопрос, на который всем нам надо получить ответ.

Трофимов наклонился и зачерпнул в перчатку жменью белого песка. Молча посмотрел на то, как он тонким ручейком убегает из неплотно сжатого кулака и сказал:

– Смотри, Дмитрий, как интересно получается – ты сейчас словно путешествуешь в возможные варианты будущего твоей планеты. И при этом, когда ты вернешься, то словно попадешь в прошлое, хотя на самом деле оно будет твоим будущим. Получается, что и время также относительно, как пространство. Занятно...

– Ну, допустим, в одной из наших традиций говорится, что никакого времени вообще нет, и оно является лишь придумкой разума. Всё живое растёт и развивается, сообразуясь с законами природы. Нельзя отрывать период с момента посадки зерна до его созревания от общего процесса жизни и полагать, что этот период и есть время. В этой традиции считается, что заблуждение состоит в том, что процесс развития обособливается и отождествляется со временем. Непрерывный процесс жизни человек неосознанно дробит на отдельные события и промежуток между ними воспринимает как время. Неосознанно выделяя промежуток между двумя событиями в рамках того или иного явления из всего процесса существования этого явления, мы впадаем в иллюзию существования времени. Движение материи характеризуется быстротой. В случае необходимости сравнить быстроту движения двух тел надо определить им одинаковые отрезки пути и ввести какую – то общую условную величину, сопоставимую с ритмичными природными процессами. Обычно используют промежуток между некими условно – постоянными событиями. Проще всего взять некий кусочек от периода обращения планеты вокруг ее оси, если она, конечно, вращается. Так, на вашей планете, Земле, одна 1440 – я часть периода ее обращения – минута. Это и есть та условная величина (время), с помощью которой можно сравнить быстроту движения тел в пространстве. Наш разум в движении материи обычно выделяет отдельные её состояния, и промежуток между ними человек воспринимает как время. Последовательные состояния материи в сознании человека сливаются в единую "реку времени".

– То есть времени нет? Это иллюзия?

– Угу.

– Да, брат, ты как завернешь, так завернешь! Интересная оценка. Ладно, пошли, а то еще наши «отцы – командиры» всполошатся, куда это, мол, мы пропали.

И словно в подтверждение его правоты в интеркомах скафандров раздался сигнал вызова, и недовольный голос Павлова поинтересовался, где их черти носят в то время, как все уже идут на базу? Переглянувшись, приятели ускоренным шагом пошли сквозь туман обратно к зоне высадки.

Придя на базу и совершив все необходимые по карантину и принятому уровню обеспечения безопасности меры защиты, члены экспедиции разошлись по отведенным им согласно плану работ местам. Дмитрий в сопровождении одного из двух местных биологов направился к боксу, в котором содержались больные, включая врача. Еще на расстоянии он ясно чувствовал, что запасы их внутренних сил существенно истощены.

Оба биолога и резервный медик (а по соновной специальности второй кибернетист) базы, постоянно наблюдавшие за изменениями их состояния, сказали, что мутировавшие бактерии постоянно видоизменяются и поэтому даже НР – терапия не позволяет их уничтожить. Дмитрий решил попытаться воздействовать на этих «малых духов» своими способами. Попросив не

мешать ему концентрироваться, он стал настраиваться на «погружение в Суть», чтобы понять свойства, имеющиеся у этих «малых духов» на глубинных уровнях Бытия. Потому как ему было хорошо известно еще со времен обучения у Мирослава, что многие явления, которые выглядят совсем не похожими на уровне Яви, являются очень похожими, близкими по форме и смыслу, а порой даже и вовсе тождественными на уровне Нави, и тем более Прави. Вот и сейчас он смог ощутить, что микроорганизмы, поразившие землян, хотя и отличаются по своим внешним параметрам (у заболевших в разное время они отличались весьма сильно и видоизменялись действительно с потрясающей скоростью), имеют внутреннюю Сущность, подобную по форме «базовому ядру» Сущности большинства землян. Что и позволяло им легко проникать сквозь защитные барьеры их иммунитета. И хотя это напоминало целенаправленную модификацию этих микроорганизмов, вроде бы подтверждая гипотезу земных аналитиков об их искусственном происхождении, Дмитрий мог поклясться, что такое не по плечу ни ему с его знаниями, ни землянам с их биотехнологиями. А значит, вряд ли по плечу и местным врачам и биологам. Ну а если он ошибался, то местные были просто кудесниками в отношении знаний о живых организмах. Впрочем, чтобы разобраться во всем до конца, надо было сравнить эти микроорганизмы с их стандартными прототипами, которые поражали местных жителей, но, насколько известно, в легкой форме и без тяжелых последствий. Для чего надо было лететь на материк, благо теперь Дмитрий был абсолютно уверен, что для него смертельно опасные для землян «малые духи» абсолютно безвредны. А значит, можно будет, обрядившись местным жителем, отправиться к живущему среди местных полевому сотруднику, работавшему под легендой врача. Но сейчас надо было решить, что делать с лежащими в изоляторе людьми. Поскольку скорость мутации микроорганизмов сравнилась со скоростью внедренных в больных лечебных нанороботов и те работали уже на пределе своих возможностей, то единственное, что мог сделать Дмитрий, это скорректировать саму Сущность заболевших людей таким образом, чтобы микроорганизмы перестали быть, условно говоря, сходственными с ними. Но делать это можно было только с добровольного согласия человека, иначе это нарушало его свободу воли. Через систему связи скафандра Дмитрий связался с Ованесяном:

– Ашот Томасович, Дмитрий на связи.

– Слушаю.

– Я могу попробовать затормозить течение болезни у находящихся в боксе, но для этого мне нужно их согласие на, грубо говоря, эксперимент.

– Свяжись с ними по громкой связи.

– М – м – м...

– С начальством базы я заранее все согласовал – у тебя карт – бланш.

– Спасибо.

После этого короткого разговора Дмитрий, голосом переключив канал связи, обратился к сопровождающему его врачу:

– Дайте мне, пожалуйста, доступ во внутреннюю сеть базы – мне надо поговорить с лежащими в боксе.

Тот, видимо уже получивший инструкции от местного начальства, молча кивнул и Дмитрий обратился к больным:

– Здравствуйте. Я прилетел с экспедицией и хочу предложить вам попробовать некую новую методику лечения. Не стану лукавить – вряд ли данный метод сразу приведет к излечению. Но вероятность того, что развитие болезни сильно затормозится или даже приостановится, высока. При этом сразу предупрежу, что воздействие приведет к временному изменению ваших психофизических параметров и частично даже моральных установок. Сразу скажу – в лучшую сторону. И тем не менее его осуществление требует вашего добровольного согласия и сотрудничества. Иначе ничего не получится.

Тут Дмитрий был не совсем точен – в принципе, он вполне мог провести необходимую коррекцию и без ведома и даже против воли этих людей. Но он был знахарем, а не магом хаоса и поэтому он даже и помыслить не мог о подобной возможности. Спустя несколько томительных секунд раздался голос одного из мужчин:

– Я согласен. Терять – то нечего. Да и если я как человек стану лучше, то ничего плохого в этом не вижу.

После него согласился и другой пациент. Дмитрий сосредоточился. Подключиться к потоку силы оказалось трудно – словно некий барьер отгораживал базу от местной ноосферы. Преодоление его заняло бы много времени, и Дмитрий понял, что работать придется на собственных резервах.

Стоявший рядом врач вдруг почувствовал, будто его спутник резко увеличился в размерах. Он даже отшатнулся. И тихонько отошел от неподвижно застывшего гостя, присев на лавочку, «выросшую» по его команде из ближайшей стены. Спустя примерно десять минут Дмитрий, на лбу которого выступил пот, вновь полностью соединил свою Сущность с телом. И впервые за это время выдохнул. Врач тихонько присвистнул. И невольно вызвал на свой планшетный информат данные о состоянии лежавших в боксе больных. После чего присвистнул еще раз – внедренные в больных нанороботы показывали, что хотя местные микроорганизмы продолжили мутировать, но поражать клетки организма стали уже не столь интенсивно, как до осуществленного воздействия. И тогда врач решился – ведь хотя он и не был пока болен, но как показали последние анализы, был инфицирован и поэтому развитие болезни и помещение самого себя в бокс было только вопросом времени. Поэтому, встав и подойдя к гостю, он тронул его за плечо скафандра и произнес:

– А меня сможете также, хм, изменить?

Дмитрий, немного помедлив, ответил:

– Да, но не сейчас – я потратил много сил, а восполнить их здесь быстро не смогу. Если вы не против, то я сделаю это, когда вернусь с материка.

Врачу ничего не оставалось, кроме как согласно кивнуть. Тем более, что из – за поворота коридора показались еще две фигуры в скафандрах, которые при приближении оказались Павловым и Трофимовым. Они пришли проводить Дмитрия в транспортный шлюз, куда с минуты на минуту должен был прибыть наблюдатель с материка, работающий под легендой врача. С которым Дмитрию и предстояло отправиться в город.

Агент землян оказался высоким смуглым мужчиной, атлетического сложения с коротко постриженными черными волосами и трехдневной щетиной. Внешне на Дмитрия он произвел приятное впечатление.

– На местном языке меня зовут Праул. Для своих Паша, – представился он и протянул Дмитрию руку. Которую тот осторожно пожал своей, все еще пока облаченной в скафандр. И в свою очередь представился:

– Очень приятно. Дмитрий.

А спустя всего два часа прибывшая трехместная машина с пилотом и Дмитрием на борту, включив режим «невидимка», взяла курс обратно на расположенный на материке «схрон», в котором работающие на единственном континенте планеты земные агенты хранили разного рода нужные им для выполнения своих миссий устройства и где располагались транспортные средства, позволяющие им при необходимости посещать центральную базу землян на этой планете.

Прибыв в «схрон», оттуда они добирались до места жительства и работы Праула уже на лаудере – этом широко используемом здесь четырехместном водном транспорте, напоминающем земной глиссер с водометным двигателем. При этом Дмитрий ощутил, что двигатель этот он чувствует живым. Похоже было, что его выращивали, а не собирали! Весьма удивленный, поскольку в спешке подготовки к выезду о такой особенности местных транспортных техно-

логий его не предупредили, он решил разобраться с этим позже. Постепенно лаудер набрал скорость и вот уже стремительно заскользил по водной глади. И вновь увидел сушу знахарь уже только спустя примерно одну местную единицу времени. Праул стал постепенно сбрасывать ход, одновременно направляя свое суденышко в сторону нарастающего на горизонте города.

На причале, к которому совершенно не замеченными среди множества подобных и больших по размерам судов скользнул лаудер Праула, народу было много. Но при этом картина здешнего скопления местных жителей разительно отличалась от тех, которые Дмитрий видел в информационных материалах про Землю – здесь никто никуда не спешил! Двигаясь следом за уверенно лавировавшим в толпе Пашей, он вышел с территории причалов и сразу же толпа поредела. А вскоре они уже вышли на тихую улицу, где их встретили двое местных жителей, сидевших под небольшим навесом на специально обозначенном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.